АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, ПРАКТИКА

Материалы научно-практического семинара
(г. Минск, 15 февраля 2019 г.)

Минск
2019

УДК 351.74(062)
ББК 67.401.213я43
П 42

Рецензенты:
заместитель руководителя Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь – начальник отдела государственного строительства и международного права,
кандидат юридических наук, доцент *Е. В. Семашко;*
заместитель декана юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент *Ю. Л. Шевцов*

Редакционная коллегия:
Т. А. Савчук (ответственный редактор), В. К. Кирвель, О. Г. Станкевич, М. А. Городецкая, А. П. Гасанов

Деятельность правоохранительных органов на современном этапе: наука, образование, практика : сб. материалов науч.-практ. семинара (Минск, 15 февр. 2019 г.) / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, каф. конституцион. и административ. права ; редкол.: Т. А. Савчук (отв. ред.), В. К. Кирвель, О. Г. Станкевич, М. А. Городецкая, А. П. Гасанов. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2019. – 326 с.
ISBN 978-985-527-406-4.

В сборнике материалов научно-практического семинара представлены научные доклады ученых-юристов, практических работников правоохранительных органов Республики Беларусь, студентов, магистрантов и аспирантов по актуальным проблемам административного, уголовного, уголовно-процессуального права, криминологии, криминалистики, судебной экспертизы, прокурорского надзора.

Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. Текст печатается в авторской редакции.

УДК 351.74(062)
ББК 67.401.213я43

ISBN 978-985-527-406-4

© Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пленарные доклады

Конюк А. В.
О мировой практике реализации прокурорами функций уголовного преследования и предварительного расследования ... 12
Гучок А. Е.
Праблемы распрацоўкі псіхалагічнага партрэта ілжэнавукоўца ... 16
Барков А. В.
Правоприменение и эволюция уголовного закона ……. 20
Аверьянова Т. В.
Соотношение общей теории судебной экспертизы и экспертологии ……. 23
Моисеева Т. Ф.
Критерии компетентности судебного эксперта: сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь …….. 25
Бурда Р. Э.
Институт свидетеля в Уголовно-процессуальном кодексе Литвы: процессуальная дихотомия …….……. 29
Отажонов А. А.
Деятельность государственных судебно-экспертных учреждений в Республике Узбекистан ……. 33

Секция 1. Уголовное право, криминология

Аникеева Н. А.
Компьютерная преступность и ее предупреждение …….. 38
Балобешко А. В.
Криминологическая характеристика лиц, совершивших коррупционные преступления в Республике Беларусь …….. 42
Врублевская Н. Г.
Совершенствование уголовного закона и обратная сила уголовно-правовых норм ……... 45

Гакотина А. М.
О совершенствовании охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних уголовно-правовыми средствами …… 48
Гордей С. Ю.
Исключение статьи 248 Уголовного кодекса Республики Беларусь в разрезе уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности ……. 51
Городецкая М. А.
О содержании принципа законности в деятельности по специальному предупреждению преступлений …… 54
Крейдич В. А.
История развития уголовной ответственности за хулиганство …. 57
Криштапович Н. Е.
Криминальное банкротство: особенности и проблемы квалификации ……. 61
Марачёва В. М.
Смертная казнь как вид уголовного наказания ……... 64
Минтель А. В.
Государственная политика в области информационной безопасности ……... 67
Мшар А. Ю.
Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства зарубежных стран об убийстве, совершенном в состоянии аффекта …… 71
Новикова Е. В.
О субъекте преступления, предусмотренного статьей 235 Уголовного кодекса Республики Беларусь …….. 74
Плетенева Д. А.
Дифференциация ответственности при рецидиве преступления .. 78
Самсонов Н. В.
Зарубежный опыт предупреждения коррупции в сфере государственного управления …….. 80
Чаплыгина Д. О.
Причины и условия рецидивной преступности ……..…… 84

Секция 2. Уголовный процесс, прокурорский надзор

Бенчук О. М.
Проблемы и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела …….……. 88
Бибило В. Н.
Деятельность следователя по доказыванию в уголовном процессе ……..…… 91
Борико С. В.
Возмещение вреда жертвам преступлений ……..…… 95
Борисенкова Д. М.
Экспертная инициатива в уголовном процессе Республики Беларусь ……. 97
Бурко Л. А.
Проблемы квалификации и расследования незаконного с целью сбыта оборота наркотиков, совершенного организованной группой ……... 100
Захаренко А. В.
Некоторые аспекты понятия и процессуального статуса потерпевшего в уголовном процессе ……... 104
Корольков Д. Н.
Проблемные аспекты реализации меры пресечения в виде передачи лица, на которое распространяется статус военнослужащего, под наблюдение командования воинской части …….. 107
Кравцов П. И.
Некоторые аспекты прокурорского надзора за исполнением антикоррупционного законодательства ……..…… 111
Куркович В. В.
Требование об устранении нарушений законодательства в системе правовых средств прокурорского надзора ……. 114
Потапчук О. Г.
Проблемы управления оперативными подразделениями органов пограничной службы при осуществлении ими оперативно-розыскной деятельности …… 118

Рачинская В. И.
О перспективах медиации при разрешении уголовно-правовых конфликтов ……..……... 120
Савчук Т. А.
Информационная платформа модернизации досудебного уголовного производства: зарубежный опыт и национальные перспективы …… 124
Соболюк Т. А.
Национальный и зарубежный опыт функционирования дружественных комнат для несовершеннолетних участников уголовного процесса …….. 128
Терешко С. Д.
Некоторые аспекты оказания психологической помощи участникам уголовного процесса при применении к ним мер по обеспечению безопасности ……..... 131
Хмарук С. К.
О некоторых аспектах координирующей функции прокуратуры в обеспечении законности в сфере закупок ……. 135
Шалковский В. С.
Акты прокурорского надзора: сравнительно-правовой анализ законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации ……..... 138
Шендель П. А.
Вопросы передачи на время лица для производства процессуальных действий как формы экстрадиции ……... 142
Щур А. С.
Адвокатура в системе правоохранительных органов Республики Беларусь ……. 145

Секция 3. Криминалистика, судебно-экспертная деятельность

Борис К. К.
Расследование уголовных дел о незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров в глобальной сети Интернет …….. 149

Боярина А. А.
Современные подходы к понятию «судебная экспертиза» …… 151
Бурьяк К. В.
Информационные технологии в криминалистике:
3D-фотосъемка и использование возможностей 3D-метрии ……. 155
Григорьева Н. В.
Современные возможности судебной почерковедческой
экспертизы …….. 159
Дубко М. А.
Отдельные элементы криминалистической характеристики
преступлений против информационной безопасности ……..… 162
Жолудева Д. В., Жолудев А. Г.
К вопросу о необходимости обновления данных
идентификационной значимости частных признаков почерка …. 166
Ивашкевич А. А.
Организация судебно-экспертной деятельности
в Республике Хорватия …….. 168
Каменецкий Ю. Ф.
Основные направления использования в следственной
профилактике данных экономико-правовой характеристики бюджетной сферы по уголовным делам о коррупционных
хищениях …….. 172
Ковзунович Ю. Н.
Криминалистическое обеспечение расследования уголовных дел
об изготовлении, хранении либо сбыте поддельных денег …….. 176
Мухин Г. Н.
Дискуссионные вопросы использования специальных знаний
в ходе раскрытия и расследования преступлений …….. 179
Орехова Е. П.
К вопросу о процессуальных формах специальных знаний …….. 183
Пархоменко Д. Н.
Значение судебной экспертизы в уголовном процессе ……. 186
Романович Е. А.
Почерковедческая экспертиза ……... 190
Савина О. Ю.
Криминалистическая профилактика убийств, совершенных

из корыстных побуждений …… 194
Саковец И. Н.
К вопросу о методике расследования нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими …… 198
Скобля Д. Д.
Криминалистическое обеспечение расследования преступлений против информационной безопасности ……... 201
Стороженко С. Н.
Проблемы предъявления для опознания ……. 204
Турко К. В.
К вопросу об электронных следах …… 208
Федотова С. Ю.
Криминалистическое обеспечение следственного осмотра …….. 212
Хусанов А. Д.
Некоторые вопросы технико-криминалистической фиксации при совершении дорожно-транспортных происшествий в Узбекистане ……. 214
Шакель Н. В.
К вопросу о сущности понятия «forensic» ……... 217
Югай Л. Ю.
Законодательная регламентация дактилоскопической регистрации в Республике Узбекистан …… 220

Секция 4. Административное право и процесс, государственное управление

Ананич В. А.
К вопросу оценки эффективности управления органами внутренних дел по борьбе с преступностью ……... 225
Асаёнок Б. В.
Организация и тактика административного процесса: методологические подходы ……..…… 230
Гасанов А. П.
О правоохранительной службе в органах прокуратуры Республики Беларусь …….... 233

Дериколенко А. А.
Актуальные проблемы оформления документов, удостоверяющих личность, в контексте обеспечения прав и свобод граждан …… 236
Иванчикова Л. Д.
Проблемы реализации правоохранительными органами мер административного принуждения в отношении несовершеннолетних ……. 239
Игнатюк А. З.
Сравнительный анализ административной ответственности по законодательству Республики Беларусь и России ……. 242
Каплич Н. С., Кулакова Е. Д.
Пути совершенствования организации работы с электронными обращениями граждан в Республике Беларусь ……... 245
Клим А. М.
Субъекты коррупционного правонарушения: проблемные аспекты …… 247
Колёско С. С.
Содержание понятий «общественный порядок» и «общественная безопасность» ……... 251
Мисюкевич И. С., Гришкут А. В.
О совершенствовании аттестации государственных служащих в Республике Беларусь ……..... 254
Пустовая Н. П., Насонова И. В.
Полномочия органов Комитета государственного контроля Республики Беларусь как участника бюджетного процесса …….. 258
Рутковская Я. Ю.
Ограничения деятельности религиозных организаций в законодательстве Республики Беларусь ……... 261
Савкова А. С., Герцманович И. Ю.
О дифференциации государственных должностей в Республике Беларусь ……... 264
Семенчук Д. С.
Институт ротации государственных служащих как механизм противодействия коррупции в государственном управлении …... 266

Сеножацкая Е. И.
Профессиональная культура государственного служащего ……. 269
Сергеев И. А.
Различия в реализации правил пограничного режима
на территориях пограничной зоны и пограничной полосы …….. 272
Станкевич О. Г., Ходосовский А. В.
Правоохранительная роль банков в Республике Беларусь …… 275
Улога Д. А.
О некоторых аспектах реформы административно-деликтного
права …… 279
Фурса П. А.
Взаимодействие подразделений органов внутренних дел
по контролю за пребыванием иностранных граждан и лиц
без гражданства в Республике Беларусь: пути повышения
эффективности ..…….. 282

Секция 5. Правовые и организационные аспекты подготовки кадров для правоохранительных органов

Гасанов А. П.
Практико-ориентированный подход при подготовке кадров
для органов прокуратуры …….. 286
Городецкая М. А.
Моделирование деятельности субъектов профилактики
преступлений как форма интерактивного обучения
при изучении дисциплины «Криминология» …….. 289
Гурина М. В.
Управление в сфере высшего образования в Республике
Беларусь ……..…… 292
Каугиа С. В., Лалль А. Э.
Криминалистика в системе подготовки кадров
для правоохранительных органов Эстонии …… 295
Кирвель В. К.
Криминалистика в системе подготовки кадров
для правоохранительных органов: наука, инновации,
образование, практика …….. 297

Курак А. И.
Практическая направленность обучения как условие подготовки высококвалифицированных кадров для правоохранительных органов …….. 302
Савчук Т. А.
Подготовка специалистов для правоохранительных органов в Академии управления при Президенте Республики Беларусь (на примере кафедры конституционного и административного права) …….. 306
Станкевич О. Г.
Конституционно ориентированное образование как условие эффективной подготовки управленческих кадров …… 310
Чудаева М. Л.
Подготовка кадров для правоохранительных органов на II ступени высшего образования в Академии управления при Президенте Республики Беларусь ……. 313

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ …….. 316

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

О МИРОВОЙ ПРАКТИКЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОКУРОРАМИ ФУНКЦИЙ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Конюк А. В.
Генеральный прокурор Республики Беларусь
государственный советник юстиции 1 класса

С 1 января 2012 г. в Республике Беларусь действует Следственный комитет Республики Беларусь, объединивший следственные аппараты прокуратуры, органов внутренних дел, Департамента финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь.

Образование Следственного комитета Республики Беларусь неизбежно повлекло необходимость внесения изменений в действующее законодательство, прежде всего в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. В результате существенным образом были скорректированы полномочия всех органов уголовного преследования. При определении роли прокурора в сложившихся условиях интерес представляет зарубежный опыт.

В мировой практике можно выделить следующие модели реализации прокурорами функций уголовного преследования и предварительного расследования.

1. Прокуратура осуществляет предварительное расследование наряду с другими правоохранительными органами, при этом в штатах и структуре прокуратур имеются следователи и следственные подразделения соответственно (Азербайджанская Республика, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан, Туркменистан, Венгрия). В основе этой модели лежат подходы, разработанные еще в советский период.

2. Полномочие на производство уголовного преследования и предварительного расследования принадлежит только прокуратуре (Италия, Швейцария).

3. Прокуратура может осуществлять предварительное следствие в полном объеме, однако в большинстве случаев прокуроры руководят предварительным расследованием, осуществляемой полицией, путем дачи обязательных указаний о производстве следственных и процессуальных действий (ФРГ).

4. Прокуроры осуществляют предварительное расследование по особо важным делам (отдельного следственного аппарата в прокуратурах нет) и осуществляют надзор за законностью расследования, осуществляемого полицией (Польша).

5. Прокурор возбуждает уголовное дело, может проводить предварительное расследование в полном объеме, при этом в штате прокуратур следователей нет (Республика Казахстан, Республика Молдова).

6. Прокуратура возбуждает уголовное дело либо принимает решение о начале досудебного расследования, но предварительное расследование не уполномочена осуществлять (Украина, Австрия, Франция, Словения, Болгария, Чехия). Например, в Республике Армения предварительное следствие осуществляют кроме следователей следственного комитета также следователи особой следственной службы, национальной безопасности, налоговых и таможенных органов (ст. 189 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения).

7. Прокуратура не правомочна осуществлять предварительное расследование по уголовным делам, но поддерживает государственное обвинение в суде (Российская Федерация, Дания). При этом предварительное следствие осуществляют органы предварительного расследования. Например, в Российской Федерации полномочия прокурора по осуществлению уголовного преследования и надзору, по мнению многих ученых и практиков, чрезмерно сужены, что подвергается критике. В соответствии с изменениями, внесенными в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в 2010 г., прокурор лишен права возбуждать уголовное дело, поручать его расследование дознавателю, следователю, нижестоящему прокурору либо принимать его к своему производству; участвовать в производстве предварительного расследования и в необходимых случаях давать письменные ука-

зания о направлении расследования, производстве следственных и иных процессуальных действий либо лично производить отдельные следственные и иные процессуальные действия; отменять незаконные или необоснованные постановления нижестоящего прокурора, следователя, дознавателя.

В.П. Ануфриев применительно к российскому опыту считает, что «существенное сокращение полномочий прокурора по надзору за исполнением законов органами предварительного следствия … ослабило правозащитный механизм в этой сфере. Это не соответствует ни отечественным правовым традициям, ни зарубежной практике». Российский исследователь А.В. Спирин делает вывод о том, что «совокупность имеющихся у прокурора полномочий по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия не отвечает требованиям достаточности и действенности», так как прокурор не имеет полномочий по реальному устранению выявленных нарушений законности.

Вместе с тем заслуживает внимания такое полномочие прокурора, предусмотренное п. 12 ч. 2 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, как право передавать не только уголовное дело, но и материалы проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому (за исключением передачи уголовного дела или материалов проверки сообщения о преступлении в системе одного органа предварительного расследования) в соответствии с правилами, установленными ст. 151 названного кодифицированного акта.

Отсутствие указанного права у прокурора в Республике Беларусь по изъятию и передаче материалов проверки при наличии обоснованной жалобы не позволяет прокурору активными действиями пресечь элементарную волокиту. В связи с этим представляется обоснованным внесение соответствующего дополнения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. В настоящее время через прокурора лишь передаются материалы при реализации начальником следственного подразделения права, предусмотренного п. 6 ч. 2 ст. 35 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, возвращать органам дознания материалы, не содержащие, на его взгляд, достаточных данных, указывающих на признаки преступления, с

письменным указанием обстоятельств, подлежащих выяснению, и возможных мер по их установлению.

При этом, на наш взгляд, нельзя согласиться с Л.И. Кукреш и О.В. Рожко в том, что дополнительные проверочные действия вполне может провести и сам следователь, так как такое решение вопроса может спровоцировать некачественные проверки по заявлениям и сообщениям о преступлениях со стороны органов дознания. Поэтому не случайно в п. 18 межведомственной Инструкции о порядке взаимодействия органов прокуратуры, предварительного следствия, дознания и Государственного комитета судебных экспертиз в ходе досудебного производства, вступившей в силу 01.01.2017 г., предусмотрено, что по поступившим для возвращения в орган дознания материалам проверки прокурор принимает решение о направлении их в орган дознания либо одно из решений, предусмотренных п. 1, 2 и 4 ч. 1 ст. 174 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, т.е. о возбуждении уголовного дела, либо об отказе в возбуждении уголовного дела, либо о прекращении проверки и разъяснении заявителю права возбудить в суде в соответствии со ст. 426 данного кодекса уголовное дело частного обвинения.

В целом анализируя объем полномочий прокурора в Республике Беларусь, нельзя не согласиться с мнением Р.В. Бурака и А.В. Солтановича, которые считают, что «в Республике Беларусь, в отличие от большинства постсоветских государств, в целом нашли некую «золотую середину» при перераспределении полномочий между прокурором и начальником следственного подразделения». Полагаем, что полномочия прокуроров по расследованию уголовных дел являются одной из гарантий защиты прав граждан и государственных интересов, а также обеспечения законности.

С учетом изложенного считаем что, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь целесообразно дополнить положениями, касающимися:

– наделения прокурора правом передачи материалов проверки по заявлениям и сообщениям о преступлениях от одного органа уголовного преследования другому;

– возложения на надзирающего прокурора обязанности в случае повторного обжалования следователем указаний о необходимости

предъявления нового обвинения путем его дополнения, изменения на более тяжкое или на существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от первоначального обвинения при условии всестороннего и полного установления фактических обстоятельств уголовного дела принять уголовное дело к своему производству, предъявить новое обвинение, выполнить необходимые следственные и процессуальные действия и направить уголовное дело в суд.

ПРАБЛЕМЫ РАСПРАЦОЎКІ ПСІХАЛАГІЧНАГА ПАРТРЭТА ІЛЖЭНАВУКОЎЦА

Гучок А. Е.
Старшыня Вышэйшай атэстацыйнай камісіі
Рэспублікі Беларусь, доктар юрыдычных навук, дацэнт

Псіхалагічны партрэт уяўляе сабой сістэму звестак пра чалавека, якая аб'ядноўвае адносна ўстойлівыя індывідуальныя асаблівасці суб’екта і дазваляе ў сваёй сукупнасці прагназаваць лад жыцця і паводзіны канкрэтнай асобы. Складанне псіхалагічнага партрэта ажыццяўляецца на аснове пэўных зыходных звестак, якія нясуць інфармацыю аб характары, інтэлектуальным узроўні, камунікабельнасці, валявых якасцях, здольнасці да самакантролю і самаацэнкі, тэмпераменце, рознага роду схільнасцях і матывацыі.

Складанне псіхалагічнага партрэта канкрэтнага чалавека можа ажыццяўляцца праз збор звестак пра яго і выкарыстанне адмысловых апытальнікаў, напрыклад, Р. Кеттэлла, Г. Айзека, К. Леангарда, С. Шмішэка, Дж. Роттэра, А. Мехрабіяна і інш.

Атрыманыя такім чынам партрэты прымяняюцца для вызначэння прафесійнай арыентацыі пры паступленні ў навучальныя ўстановы, прафесійнай прыдатнасці пры прыёме на працу, сумяшчальнасці персаналу пры працы ва ўмовах абмежаваных прастор і інш.

Некалькі іншыя падыходы складання псіхалагічных партрэтаў прымяняюцца ў сітуацыях, калі асоба, партрэт якой неабходна скласці, з'яўляецца неўстаноўленай, і атрыманы партрэт будзе

выкарыстоўвацца для яе пошуку. Гэта досыць тыповыя праблемы для праваахоўнай дзейнасці ўвогуле і для крыміналістыкі ў прыватнасці.

У крыміналістыцы псіхалагічны партрэт неўстаноўленага злачынца разглядаецца як сістэма інфармацыі, якая адлюстроўвае ўнутраныя, псіхалагічныя і паводніцкія прыкметы чалавека і выкарыстоўваецца як сродак яго пошуку.

Псіхалагічны партрэт фарміруецца на аснове ведаў імавернаснага характару, артыманых праз вывучэнне слядоў здзейсненага злачынства і тэарэтычных ведаў пра яго, і эфектыўна ўжываецца ў сітуацыях, калі зыходная інфармацыя дазваляе выказаць здагадку аб наяўнасці ў невядомага злачынца псіхічных адхіленняў, выражаных індывідуальных асаблівасцяў характару і інш.

Апошнія дзесяцігоддзі ў юрыдычнай навуцы з'явіліся даследаванні, прысвечаныя распрацоўцы не толькі псіхалагічнага партрэта злачынца, але і крыміналагічнага (у тым ліку віктымалагічнага), сацыяльнага партрэтаў, таксама арыентаваных на ўстанаўленне асоб, якія могуць быць датычныя да злачыннай дзейнасці.

У той жа час былі зроблены спробы стварэння псіхалагічнага партрэта суб'ектаў, якія ажыццяўляюць хоць і некрымінальную, але з відавочнымі дэвіянтнымі паводзінамі дзейнасць, напрыклад: алкаголікаў, дармаедаў, ілжэнавукоўцаў і інш.

У прыватнасці пры разглядзе ілжэнавукоўцаў як асоб, якія несамастойна выконваюць навуковыя працы, імітуюць навуковую дзейнасць, арыентуюцца не на прырашчэнне новых навуковых ведаў, а хутчэй ствараюць бачнасць такой дзейнасці, прапаноўваўся пэўны набор характарыстык і звестак пра іх. Прадстаўлены ніжэй комплекс дадзеных, з некаторым дапушчэннем, можа разглядацца як партрэт ілжэнавукоўца:

– нязначная колькасць адзінаасобна падрыхтаваных публікацый «навукоўца», якія, як правіла, рэтранслююць асобныя часткі «уласнай» дысертацыі;

– прымус маладых навукоўцаў і іншых залежных ад іх асоб да сааўтарства ў публікацыях, што праяўляецца ў тым ліку і ў сааўтарскім выданні аднаасобна падрыхтаванай і паспяхова абароненай дысертацыі ў выглядзе манаграфіі;

– беспадстаўная крытыка назвы і структуры апаніруемых работ пры відавочным няведанні іх зместу, накіраванасць на неабгрунтаваныя крытычныя выпады адносна маладых даследчыкаў з заявай аб тым, што «па адной назве работы зразумела, што дысертацыі там няма, а змест работы гаворыць, што ў ёй недастаткова навукі». Ілжэнавуковец можа адкрыта заяўляць, што, каб даць адзнаку дысертацыі, яму дастаткова назвы і зместу работы, прычым без яе вывучэння;

– неразвітасць гаворкі, ненавуковасць мовы выкладання матэрыяла, прымітывізм публічных выступленняў на навуковых сімпозіумах, прадстаўленне аднаго і таго ж далёка не навуковага матэрыялу на розных форумах на працягу дзесяцігоддзяў;

– недасканалыя дысертацыі вучняў, прычым па прычыне таго, што ілжэнавуковец як кіраўнік здольны толькі замінаць маладым даследчыкам;

– схільнасць да самаўсхавлення (называюць сябе «камлыгамі навукі», мэтрамі, уплывовымі асобамі, навукоўцамі з сусветным імем і інш.) і патрабавання іх публічнай пахвалы іншымі, а таксама патрабавання ад саіскальнікаў спасылацца ў работах (артыкулах, манаграфіях, тэзісах, дысертацыях, аўтарэфератах) на іх, нават у выпадках, калі апошнія не маюць ніякага дачынення да пэўнай праблематыкі;

– заявы пра тое, што ў рабоце «выкарыстоўваецца састарэлая метадалогія»;

– нявызначанасць і некарэктнасць зададзеных пытанняў, няведанне сучаснай навуковай тэрміналогіі;

– спробы загадзя ўцягнуць саіскальніка, яго кіраўніка, кансультанта, іх аднадумцаў у сістэму дэвіянтных адносін, напрыклад, таго ж «перакрыжаванага апаніравання» і інш.;

– кампенсаванне ўласнай недасканаласці спробамі выставіць сябе філосафам (не маючы адносін да філасофскай галіны навукі), навукаведам, метадолагам, патрыярхам навуковай школы, выбітным мысляром, літаратарам, паэтам-містыкам, атлетам і інш.;

– залішняя канфліктнасць, двухаблічнасць і хлуслівасць.

Трэба згадзіцца, што такі партрэт патрабуе істотнай дапрацоўкі, у прыватнасці, выкарыстання вышэй прыведзеных апытальнікаў, а

таксама досведу зносінаў з ілжэнавукоўцамі саіскальнікаў і іншых навукоўцаў, іх уражанняў, вынікаў кантакту з імі.

Відавочна, што збор такой інфармацыі спалучаны з пэўнымі цяжкасцямі. Вышэйшая атэстацыйная камісія Рэспублікі Беларусь (ВАК) не разглядае ананімныя звароты, за выключэннем сітуацый, прадугледжаных дзеючым заканадаўствам. Саіскальнікі ў сваю чаргу не жадаюць раскрываць свае персанальныя дадзеныя, а таксама інфармацыю пра свае кантакты і ўзаемаадносіны з ілжэнавукоўцамі, баючыся канфліктаў, пазбегнуць якіх у зносінах з такімі суб'ектамі, на жаль, немагчыма ні пры якіх абставінах.

Акрамя таго, пры зборы інфармацыі для складання псіхалагічных партрэтаў ілжэнавукоўцаў не варта выключаць сітуацыі псіхалагічнага ціску на прынцыповых экспертаў і апанентаў шляхам паведамлення недакладных звестак пра навукоўцаў, якія добрасумленна праводзяць экспертызы дысертацый і даюць ім аб'ектыўную адзнаку, не дазваляючы папаўняць шэрагі ілжэнавукоўцаў.

На нашу думку, эфектыўным спосабам абмеркавання праблем ілжэнавуковай дзейнасці, у тым ліку і збору інфармацыі для пабудовы псіхалагічных партрэтаў ілжэнавукоўцаў, а таксама праблем несамастойнай падрыхтоўкі дысертацый, прадстаўлення да абароны «фальшывых» кваліфікацыйных навуковых прац, можа стаць дыскусійная пляцоўка на сайце ВАК.

Акрамя таго, пры рэалізацыі такога праекта арганізацыйныя і тэхнічныя ўмовы і магчымасці будуць спрыяць адкрытай дыскусіі на агульнарэспубліканскім узроўні па самых актуальных пытаннях атэстацыі кадраў вышэйшай навуковай кваліфікацыі ў Рэспубліцы Беларусь, ажыццяўленню маніторынгу меркаванняў зацікаўленых суб'ектаў аб эфектыўнасці правядзення экспертыз дысертацый на ўсіх этапах атэстацыйнага працэсу.

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Барков А. В.
заведующий кафедрой судебной деятельности
УО «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета», кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь

Взаимосвязь между правоприменительной практикой и развитием уголовного законодательства является очевидной. Согласно утверждению К. Маркса в работе «Тезисы о Фейербахе», вопрос об истинности познания – это вопрос практики. Практика – критерий истины. На практике человек убеждается в ложности или истинности своих суждений. Из практики он узнает, что менее и что более важно. Практика вынуждает отказываться от заблуждений и ведет вперед к истине. Против этих утверждений философа трудно что-либо возразить. Совершенствование уголовного закона невозможно без опоры на результаты его применения.

Формирование основ действующего ныне уголовного права началось в конце 80-х и продолжалось до конца 90-х гг. минувшего века с учетом опыта уголовно-правовой практики прошлого. Первый вариант проекта Уголовного кодекса (далее – УК) после первого чтения в марте 1993 г. стал источником новых подходов в уголовно-правовой политике и последующей корректировки действовавшего тогда УК 1960 г.

Так, Законом Республики Беларусь (далее – Закон) от 15.06.1993 г. № 2401-XII действовавший УК дополнен восьмью составами преступлений, направленных на охрану нового формирующегося порядка осуществления экономической деятельности. Закон от 01.03.1994 г. № 2827-XII перенес многие принципиальные нормы проекта будущего УК в действовавший Кодекс (146 пунктов). Это: изменение структуры УК, переименование глав, исключение устаревших видов наказания, отмена смертной казни для женщин, изменение и дополнение статей Особенной части УК. Закон от 17.05.1997 г. № 40-З, в частности, предусмотрел дифференциацию ответственности при совершении преступлений организованной группой или преступной ор-

ганизацией. Названные и иные, многочисленные изменения и дополнения в УК 1960 г. решали две задачи:

1) подготовка плавного перехода к новому уголовному законодательству;

2) проверка на практике оптимальности, рациональности новелл.

Решая последнюю задачу, следует помнить, что нормы уголовного закона не могут быть средством поиска вариантов правового регулирования методом проб и ошибок, суровость уголовно-правовых мер и их влияние на судьбу человека исключают экспериментирование. Поэтому всякая новелла должна иметь основания в предшествующем отечественном опыте.

С введением в действие УК 1999 г. с 01.01.2001 г. был осуществлен анализ практики применения нового уголовного закона. Обнаружились две группы проблем:

1) неверное понимание правоприменителями новых норм закона, что преодолевалось официальными и доктринальными разъяснениями новелл;

2) неудачное законодательное решение отдельных правовых ситуаций (например, система мер уголовной ответственности для несовершеннолетних).

С учетом правоприменительной практики Законами от 04.01.2003 г. № 173-З и от 22.07.2003 г. № 227-З в УК внесены изменения, повлиявшие на применение наказания и иных мер уголовной ответственности. В частности, расширена возможность применения осуждения с отсрочкой исполнения наказания или с условным неприменением наказания, изменены критерии классификации преступлений, откорректированы размеры штрафа, изменены правила назначения наказания при особо опасном рецидиве.

К сожалению, на фоне многочисленных изменений в действующий УК обнаруживаются изъяны, обусловленные игнорированием сложившейся практики применения закона и ее запросов. Это могут быть корректировки, которые вообще не востребованы практикой правоприменения. Примером тому терминологические поправки в нормы Общей и Особенной части УК.

Так, Законом от 21.07.2008 г. № 417-З в ряде норм слова «способствование раскрытию преступления» заменены словами «способствование выявлению преступления», что привело узкой трактовке важного смягчающего обстоятельства. Законом от 05.05.2010 г. № 123-З в ст. 161 УК слова «неоказание помощи больному» заменены словами «неоказание медицинской помощи больному лицу», что не оказало какого-либо влияния на толкование нормы. Законом от 05.01.2015 г. № 241-З в норме о незаконном производстве аборта при смягчающих обстоятельствах (ч. 1 ст. 156 УК) слова «врачом, имеющим высшее медицинское образование соответствующего профиля» заменены словами «лицом, имеющим высшее образование по профилю образования «Здравоохранение», что без достаточных оснований огульно смягчило ответственность медицинских работников.

Крайне осторожно должен использоваться зарубежный опыт. Соблазн воспроизвести в национальном законодательстве нормы и институты права другой страны может быть основан на успешности их применения за рубежом, но не учитывать социальные, экономические, правовые и этические особенности нашего общества. Такова, например, идея введения категории «уголовный проступок» в уголовное право Беларуси.

При внесении изменений в УК важно учитывать существующую практику квалификации преступлений, обеспечивающую соблюдение принципов уголовного закона и уголовной ответственности (ст. 3 УК). Так, Законом от 30.06.2014 г. № 165-З в ч. 4 ст. 294 УК введен квалифицирующий признак: хищение огнестрельного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ в целях совершения преступлений, предусмотренных ст. 124–127, 131, 287, 289–292, 359 и 360 УК. Аналогичные квалифицирующие обстоятельства предусмотрены также в ч. 4 ст. 295, ч. 4 ст. 309, ч. 3 ст. 311, ч. 3 ст. 311, ч. 3 ст. 322, ч. 3 ст. 323, ч. 2 ст. 333 УК. По существующим правилам квалификации преступлений ответственность должна наступать за перечисленные деяния при квалифицирующем обстоятельстве и за приготовление к террористическому преступлению. То есть ответственность за приготовление вменяется дважды, что противоречит принципу «Non bis in idem».

СООТНОШЕНИЕ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРИЗЫ И ЭКСПЕРТОЛОГИИ

Аверьянова Т. В.
профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики
Российского государственного университета правосудия,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации

С момента становления судебной экспертизы как самостоятельной области научного знания ученые, занимавшиеся этой проблематикой, именовали ее либо общей теорией судебной экспертизы или просто теорией судебной экспертизы (А.Р. Шляхов, Ю.Г. Корухов, И.А. Алиев, Т.В. Аверьянова и др.), либо судебной экспертологией (А.И. Винберг, И.Н. Сорокотягин, Н.И. Клименко, М.Я. Сегай, Е.Р. Россинская). И хотя в двух публикациях А.И. Винберга и Н.Т. Малаховской, а также в подготовленном ими же учебном пособии «Судебная экспертология (общетеоретические и методические проблемы судебных экспертиз)» (Волгоград, 1979) авторы, обосновав необходимость создания новой самостоятельной науки, определили ее именно как судебную экспертологию, большинство ведущих ученых того времени (Г.Л. Грановский, В.С. Митричев, В.Д. Арсеньев, Р.С. Белкин и др.) не поддержали это название.

Возможно, не стоило обращать столь пристального внимания на имеющиеся различия в названии вновь формирующейся науки, тем более что А.И. Винберг и Н.Т. Малаховская – первые, кто ввели термин «судебная экспертология» и употребляли его в ряде случаев как синоним термину «общая теория судебной экспертизы», если бы ни одно «но».

Не отрицая возможности изменения языка науки, как, впрочем, и естественного языка, которые непрерывно изменяясь, тем самым отражают изменения самой науки, отметим, что еще Р.С. Белкин в своей публикации «Новые песни о старом или новое поколение выбирает «оружиеведение» (2000) писал, что «поскольку инициатива в обновлении и развитии языка криминалистики (а мы бы добавили и судебной экспертизы) исходит от субъектов – пользователей, неизбежны

и определенные издержки, «новации», коренящиеся не в объективных потребностях обновления тех или иных понятий и терминов, а в заблуждениях или амбициях тех или иных криминалистов, стремящихся таким нехитрым способом оставить свой след в науке».

Замена старых терминов новыми вполне объяснима, если изменяется содержание обозначаемых ими понятий. Именно по такому пути пошли некоторые ученые, по мнению которых, рассматриваемые термины «теория судебной экспертизы» и «судебная экспертология» являются равнозначными. На поверку же идет подмена самого содержания науки «теория судебной экспертизы» науковедческой дисциплиной – судебной экспертологией, изучающей, по сути, закономерности функционирования и развития науки о судебной экспертизе, организацию, структуру и динамику научной и практической судебно-экспертной деятельности, взаимодействие теории судебной экспертизы с другими предметными науками и социальными институтами и т.д. А это уже представляет вполне реальную опасность, как для самой науки – теории судебной экспертизы, так и для ее преподавания, поскольку «творцы этих новаций настойчиво протаскивают их в учебники и учебные программы, оказывая, тем самым, влияние на неофитов, принимающих эти откровения за общепризнанную истину» (Р.С. Белкин).

Чтобы не быть голословными, приведем примеры. Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования (ФГОСВО) Министерства образования и науки Российской Федерации по направлению подготовки 40.05.03 (судебная экспертиза, специалитет) предусмотрена такая дисциплина, как теория судебной экспертизы. В соответствии с требованиями ФГОСВО, каждому учебному заведению, обеспечивающему подготовку соответствующих кадров, необходимо разработать и утвердить рабочие программы по данной дисциплине. Ознакомление с рядом программ, опубликованных на сайтах (Саратовская государственная юридическая академия, Московский государственный университет им. О.Е. Кутафина, Дагестанский государственный университет, Тульский государственный университет), показало, что в большинстве учебных заведений (за исключением Тульского государственного университета) в рамках данной дисциплины (модуля), студентам преподносят материал частично из дисцип-

лины «Теория судебной экспертизы», а частично – теоретические, процессуальные и организационные основы судебной экспертологии. И это вполне объяснимо, поскольку, не смотря на то, что никакого серьезного обсуждения концепции судебной экспертологии не предпринималось, а наши аргументы по данной проблематике, высказанные в статьях, рецензиях и публичных выступлениях не были услышаны, либо принципиально игнорируются сторонниками этой науковедческой дисциплины, благодаря настойчивости их авторов, продолжают издаваться и переиздаваться учебники, «которые, по мысли их авторов, должны быть немедленно, во избежание трагических последствий для науки, признаны и определены на достойное для них место в науке» (Р.С. Белкин). Отсюда у читателей складывается обманчивое представление, что позиция авторов судебной экспертологии, в том виде, в каком они ее преподносят научному сообществу, общепризнанна.

Выход из сложившейся ситуации видится в предложении Р.С. Белкина, по справедливому замечанию которого, противостоять складывающемуся положению в науке теории судебной экспертизы можно лишь путем разумного научного консерватизма и терпеливого разъяснения научной общественности необоснованности подобных попыток.

КРИТЕРИИ КОМПЕТЕНТНОСТИ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Моисеева Т. Ф.
заведующий кафедрой судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор

Компетентность лица, привлекаемого для производства судебной экспертизы в качестве судебного эксперта, является основным требованием закона. Во всех видах судопроизводства судебный эксперт – это процессуальное лицо, обладающее специальными знаниями

и привлекаемое для производства судебной экспертизы. Компетенция эксперта – это тот круг полномочий, которым его наделяет закон и тот объем знаний, которые необходимы для установления обстоятельств расследуемого события путем проведения исследований в определенной области знания. Компетентность конкретного эксперта определяется, насколько он владеет, необходимыми знаниями. Компетентность по вопросам экспертизы является основным требованием к лицу, привлекаемому в качестве судебного эксперта для проведения судебной экспертизы. Не будучи специалистом в области науки, техники, искусства или ремесла, лица, которые обладают полномочиями назначения судебной экспертизы, самостоятельно не могут оценить насколько привлекаемое лицо, компетентно в вопросах, решаемых в судебной экспертизе. Эти же лица, оценивают результаты проведенного исследования – заключение эксперта, как доказательства, с точки зрения его допустимости и достоверности, и компетентность эксперта, проводившего исследование, имеет определяющее значение в этой оценке. Одним из аспектов при оценке допустимости заключения эксперта как доказательства является производство судебной экспертизы надлежащим (определенным в законодательстве) лицом, обладающем необходимыми специальными знаниями. Достоверность заключения эксперта определяется, прежде всего, научной обоснованностью выводов эксперта, что обуславливается также его компетентностью. Таким образом, оценка компетентности судебного эксперта имеет определяющее значение при назначении судебных экспертиз и их оценке как доказательств во всех видах судопроизводства.

Не имея специальных знаний, необходимых для решения вопросов следствия и суда, субъекты назначения и оценки судебных экспертиз должны иметь формальные критерии, которые позволяют им судить о компетентности судебного эксперта. Компетенция судебного эксперта включает два аспекта: процессуальный, определяющий соблюдение процессуальных требований к производству судебной экспертизы и ее оформлению, и научно-исследовательский, определяемый базовыми знаниями фундаментальной науки и владением судебно-экспертных методик.

Для государственных судебных экспертов в Российской Федерации имеется четкая выработанная в течение многих лет система ат-

тестации экспертов, которая проводится каждые пять лет, по результатам которой дается (или не подтверждается) свидетельство на право производства судебных экспертиз определенного рода или вида. Для негосударственных экспертов оценка компетентности вызывает значительные трудности, поскольку их деятельность законодательно до настоящего времени не регулируется. Отдельные статьи закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», распространяющиеся на всю судебно-экспертную деятельность, не определяют, каким образом может быть проверена компетентность лица, проводящего судебную экспертизу. В Российской Федерации данная деятельность не лицензируется, и по существу любое лицо может объявить себя экспертом. В связи со значительным количеством недостоверных заключений негосударственных экспертов проблема оценки компетентности негосударственных экспертов была затронута в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной экспертизе по уголовным делам» № 28 от 21.12.2010 г.

В п. 3 данного постановления указывалось, что при поручении производства экспертизы лицу, не являющемуся государственным судебным экспертом, суду следует предварительно запросить сведения об эксперте, образование, специальность, стаж работы в качестве судебного эксперта и иные данные, свидетельствующие о его компетентности и надлежащей квалификации, о чем указать в определении (постановлении) о назначении экспертизы, и при необходимости приобщить к материалам уголовного дела заверенные копии документов, подтверждающих указанные сведения. Однако ни образование (за исключением специальности «Судебная экспертиза»), ни стаж работы не гарантируют компетентность лица в вопросах экспертного исследования. Очевидно, необходимо законодательно разработать механизм аттестации негосударственных экспертов, тождественный аттестации государственных экспертов. В проекте закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», находящемся на рассмотрении в Государственной Думе с 2013 г., этот механизм подвергался значительным изменениям. Вопрос о том, кто будет проводить аттестацию негосударственных экспертов, так окончательно не решен. Предлагаемое в первом варианте предложение о создании межведомственных комиссий для аттестации как государственных, так и негосударст-

венных экспертов поддержки не нашло. Вариант проекта ко второму чтению предусматривал создание комиссий только для аттестации негосударственных экспертов, однако в нем конкретно не было определено, кто будет проводить такую аттестацию. В настоящее время речь идет о необходимости и целесообразности лицензирования деятельности судебных экспертов и создание государственного реестра судебных экспертов. В этом аспекте модель организации судебно-экспертной деятельности в Республики Беларусь представляет большой практический интерес.

Аналогично закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» в Республике Беларусь действует Закон «О Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь», который является правовой основой деятельности государственных экспертов комитета, и, вероятно, его основными положениями должны руководствоваться и другие государственные судебно-экспертные учреждения. Негосударственные экспертные учреждения и частные эксперты (индивидуальные предприниматели) осуществляют свою деятельность на основе лицензий в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 01.09.2010 г. № 450 «О лицензировании отдельных видов деятельности». В этих двух законодательных актах определен порядок получения лицензий на право производства судебных экспертиз. Таким образом, оценка компетентности лиц, допускаемых до производства судебной экспертизы, независимо от их профессионального статуса, возложена на экспертно-квалификационные комиссии Государственного комитета судебных экспертиз, порядок деятельности которых определяется данным комитетом. На лиц, привлекаемых к производству судебной экспертизы однократно в силу обладания ими каких-то редких специальных знаний, требование лицензирования не распространяется.

Конкретных требований к уровню базовой подготовки судебного эксперта в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (ст. 61), Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь (ст. 96), Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь (ст. 70), Процессуально-исполнительном кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (ст. 4.7) не содержится. Экспертом может быть назначено любое лицо, обладающее необходимы-

ми для ответа на вопросы следствия и суда специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла. Аналогичное требование содержится и в отраслевых процессуальных кодексах Российской Федерации. Однако в Федеральном Законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» требования к компетенции судебного эксперта обозначены достаточно определенно: если производство судебных экспертиз является его профессиональной деятельностью, он должен иметь высшее образование и дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности. Это требование пока относится только к сотрудникам государственных экспертных подразделений (ст.13 Федерального Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»), однако оно предусмотрено и в проекте нового закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», распространяющегося на всю судебно-экспертную деятельность в целом.

Обращаясь к опыту организации судебно-экспертной деятельности Республики Беларусь, можно констатировать целесообразность создания в Российской Федерации государственного комитета, координирующего судебно-экспертную деятельность (это в своих выступлениях ранее предлагала профессор Т.В. Аверьянова), организующего квалификационную аттестацию судебных экспертов и создание государственного реестра судебных экспертов. Кроме этого необходим закон «О судебно-экспертной деятельности Российской Федерации».

ИНСТИТУТ СВИДЕТЕЛЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ КОДЕКСЕ ЛИТВЫ: ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ДИХОТОМИЯ

Бурда Р. Э.
профессор юридического факультета университета им. Казимераса Симонавичюса,
доктор социальных наук (права), профессор

Значение свидетеля в уголовном процессе трудно переоценить. Достаточно сказать, что никакое предварительное следствие не прово-

дится без показаний свидетеля. При толковании определенных фактических обстоятельств или мотивов подозреваемого, ценностные установки невозможно получить без показаний свидетеля. Поэтому очень важно, чтобы положения Уголовно-процессуального кодекса, регулирующие правовой статус свидетеля и процедуру, в которой он участвует входе досудебного расследования и судебного разбирательства, поощряли дачу правдивых и неискаженных доказательств.

В настоящее время после принятия Уголовно-процессуального кодекса в 2003 г. внимание ученых уголовного процесса и криминалистики не часто обращалось к допросу свидетелей. Наиболее значительным вкладом можно считать докторскую диссертацию Р. Юрка «Liudytojo procesinių interesų apsauga baudžiamajame procese: problemos ir perspektyvos» (2008) и опубликованную позднее монографию (2009), в которой автор всесторонне рассмотрел правовой статус свидетеля, его права и обязанности, интересы и проблемы, возникающие на практике, в качестве наиболее важного источника доказательств в уголовном процессе.

Литовские исследователи И. Чесниене, П. Анцелис и Р. Ажубалите проанализировали проблемные вопросы допроса несовершеннолетних в уголовном процессе. Проблемные вопросы, связанные с использованием полиграфа: при допросе свидетеля, исследовал Г. Года; при допросе свидетеля при расследовании контрабанды, в нотариальных и уголовных делах исследовал А. Горбатков; при допросе нотариуса, как лица с особым статусом свидетеля, исследовали Г. Шведас, Р. Меркявичюс и П. Вершекис; а со статусом специального свидетеля рассматривал Г. Года.

Уголовно-процессуальный кодекс Литвы содержит 82 статьи (т.е. 18 % от общего количества статей в Кодексе), в которых упоминается свидетель. В течение почти четырнадцати лет в 36 статей (т.е. 44 % из 82 статей), связанных со статусом свидетеля, были внесены изменения и дополнения. Это наиболее масштабные изменения по сравнению с иными процессуальными лицами в уголовном процессе. Следует отметить, что не во всех случаях, связанных с той или иной статьей, касающейся правового статуса или интересов свидетеля, законодатель изменял положения, касающиеся именно свидетеля. Анализируя законы, принятые законодателем, нам удалось отобрать 24 статьи. Са-

мо собой разумеется, что объем нашего выступления не позволяет подробно изложить все законодательные положения, затрагивающие статус свидетелей, принятых законом. Поэтому мы суммируем эти изменения и остановимся на самой важной точке, на наш взгляд.

Понятие свидетеля раскрывается в ст. 78 Уголовно-процессуального кодекса Литвы, которая была изменена один раз. Однако изменения 2010 г. вызвали необходимость вернуться к уголовному процессу РСФСР. Дело в том, что определение свидетеля, что им может быть любое лицо, о котором имеются данные о том, что ему могут быть известны обстоятельства, имеющие какое-либо значение по делу, является положением Уголовно-процессуального закона РСФСР 1923 г. В своей монографии Р. Юрка ссылается на УПК РСФСР от 15.02.1923 г., в котором под свидетелем понималось любое лицо, которое могут допросить о том, что он знает что-то важное в деле. Однако современное определение свидетеля расширяет круг людей, которые входят в список потенциальных свидетелей. Это стало возможным после включения в понятие свидетеля слов «может знать». Следует отметить, что нынешнее положение о концепции свидетеля также очень близко к ст. 60 УПК РСФСР, которая гласит, что «любое лицо, вызванное в качестве свидетеля, должно прибыть и сообщить об известном ему деле и дать ответы на поставленные вопросы следователю, дознавателю, суду и сторонам судебного заседания».

УПК РСФСР 1923 г. подчеркивает знание следователя об осведомленности потенциального свидетеля о существенных обстоятельствах дела. Редакция УПК РСФСР 1953 г. формулирует обязанность свидетеля прийти и сообщить об известных обстоятельствах. В 2002 г. концепция свидетеля была сформулирована как право следователя, приглашать любого человека, о котором следователю известно, что он знает соответственные обстоятельства дела. Таким образом, акценты расположены следующим образом: следователь должен знать, что известно свидетелю. Изменения в 2010 г. изменили категоричность знаний последних, сформулировав осведомленность как возможное знание. Следовательно, мы можем утверждать, что положения Уголовно-процессуального кодекса Литвы 2002 г. очень похожи на положения УПК РСФСР 1923 г.

С 2003 г. круг людей, которых нельзя допрашивать, расширился с двух (защитник и лицо с психическими или физическими недостатками) до семи. Однако наибольший интерес представляют процессуальные новшества, которых ранее не было в кодексах Литовской ССР и РСФСР: п. 1 ст. 80 и п. 3 ч. ст. 82 Уголовно-процессуального кодекса Литвы, в которых рассматриваются положения лиц, которые могут свидетельствовать о своем предполагаемом преступлении.

В учебниках криминалистики не упоминается тактика допроса специального свидетеля. Свидетель дает показания об уголовном преступлении, совершенном другим лицом, а специальный свидетель о своем предполагаемом уголовном преступлении. Похоже, что тактика допроса специального свидетелей обычно приравнивается к тактике допроса подозреваемого. Однако для рассмотрения тактических аспектов допроса специального свидетеля необходимо определить его процессуальное положение.

На наш взгляд, только сравнительный анализ сопоставления прав, обязанностей и ответственности свидетеля, специального свидетеля и подозреваемого может раскрыть истинную суть уголовно-процессуального статуса специального свидетеля. Мы пытаемся определить, кто из участников судебного процесса является наиболее близким к статусу специального свидетеля. Мы сравнили указанных процессуальных лиц по 22 критериям и выявили, что в 17 из 22 критериев статус специального свидетеля совпадает со статусом подозреваемого. Напротив, при сравнении специального свидетеля со свидетелем мы видим совпадение только пяти из 22 критериев. Стоит отметить, что специальный свидетель может пользоваться правами свидетеля. В Уголовно-процессуальном кодексе Литвы нет статьи, указывающей на то, что он или она могут пользоваться такими правами (к примеру, когда речь идет о допросе потерпевшего норма УПК указывает, что он допрашивается по правилам допроса свидетеля в соответствии со ст. 185 УК). Также надо заметить, что специальный свидетель не обладает правами подозреваемого и приобретает их только после того, как будет признан или попросит быть признанным подозреваемым.

Право специального свидетеля требовать признания лица в качестве подозреваемого должно оцениваться двояко. С одной стороны, чтобы особый свидетель использовал это право, он должен понимать,

что статус подозреваемого де-юре богаче и шире его нынешнего. С другой стороны, было бы трудно ожидать очень широкого использования этого права из-за угрозы применения прокурорами к подозреваемым мер уголовно-процессуального характера. Неопределенный статус специального свидетеля «полезен» как для лица, в отношении которого прокурор принял решение о допросе его в качестве лица, совершившего предполагаемое уголовное преступление, так и для самого прокурора. Прокурору выгодно получить от такого допрашиваемого дополнительные данные по делу, не рискуя нарушить конституционное положение о запрете принуждения лица давать показания против самого себя и своих близких.

С точки зрения криминалистики допрос специального свидетеля является специфическим, поскольку, с одной стороны, такого свидетеля следует допрашивать в соответствии с правилами тактики допроса подозреваемого. С другой стороны, нельзя исключать, что допрашиваемое лицо не является потенциальным подозреваемым, и он может искренне помочь досудебному следствию в установлении обстоятельств преступления. Однако из-за особого статуса специального свидетеля тактика допроса, применяемая к такому свидетелю, может быть неэффективной. Поэтому данный вопрос требует отдельного глубокого исследования.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Отажонов А. А.
заместитель начальника Академии Министерства внутренних дел Республики Узбекистан по научной работе,
доктор юридических наук, доцент

Одним из приоритетных направлений развития в соответствии со Стратегией действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан в 2017–2021 гг. является обеспечение верховенства закона и дальнейшее реформирование судебно-правовой системы, направленное на укрепление подлинной независимости судебной власти и гаран-

тий надежной защиты прав и свобод граждан, совершенствование административного, уголовного, уголовно-процессуального, гражданского и хозяйственного законодательства, повышение эффективности системы противодействия преступности и профилактики правонарушений. Все вышеуказанные изменения направлены на дальнейшее повышение эффективности деятельности судов, правоохранительных и контролирующих органов, обеспечение верховенства закона в обществе и укрепление законности, в частности в сфере судебно-экспертной деятельности.

Судебно-экспертные подразделения функционируют в различных министерствах и ведомствах Республики Узбекистан, таких как Министерство внутренних дел, Министерство Юстиции, Министерство здравоохранения, Министерство обороны, Государственный таможенный комитет и другие. До принятия Закона «О судебной экспертизе» от 01.06.2010 г., каждое ведомство регламентировало свою деятельность в соответствии с отраслевыми кодексами, а также ведомственными нормативными правовыми актами. В данных ведомственных актах имелись ряд различий в отдельных понятиях и процедурах. Данный закон предусмотрел создание Типового положения о порядке проведения судебной экспертизы государственным судебно-экспертным учреждением или иным предприятием, учреждением, организацией, Совета по проблемам судебной экспертизы при Министерстве юстиции Республики Узбекистан, Положения о порядке проведения аттестации в качестве государственного судебного эксперта, Положения об обязательном государственном страховании жизни и здоровья государственных судебных экспертов и других нормативных документов, которые унифицировали правила и требования в сфере судебной экспертизы во всех ведомствах.

Экспертно-криминалистические и иные экспертные подразделения, созданные органами исполнительной власти: Министерством внутренних дел Республики Узбекистан, Службой государственной безопасности Республики Узбекистан, Министерством здравоохранения Республики Узбекистан и т.д., при выполнении функций по организации и производству судебных экспертиз выступают в качестве государственных судебно-экспертных учреждений, наделенных соответствующими обязанностями, правами и ответственностью.

С учетом вышеуказанного, при осуществлении судебно-экспертной деятельности в государственных судебно-экспертных подразделениях и учреждениях постоянно внедряются последние достижения экспертной методики и технологии, создаются новые направления судебных экспертиз, разрабатываются новые аппаратно-инструментальные средства экспертных исследований. В каждом ведомстве функционируют специальные отделы и службы подготовки, переподготовки и аттестации экспертов, осуществляется постоянный контроль за методическим и техническим оснащением судебных экспертиз, проводится сертификация экспертных лабораторий и методик.

В соответствии с отраслевым процессуальным законодательством Узбекистана иные предприятия, учреждения, организации, а также другие физические лица, наделенные соответствующими полномочиями, в ряде случаев также могут привлекаться к производству судебных экспертиз. В соответствии с ч. 3 ст. 174 Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан судебно-медицинскую, судебно-психиатрическую, судебно-психологическую, судебно-автотехническую, судебно-экономическую, криминалистическую экспертизу проводят специалисты государственных судебно-экспертных учреждений, а в исключительных случаях – иных предприятий, учреждений, организаций. Причем исключительность случая должна быть обоснована в постановлении или определении о назначении судебной экспертизы.

Систему государственных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции возглавляет Республиканский центр судебной экспертизы им. Х. Сулеймановой. В соответствии с постановлением Кабинета Министров от 13.04.2017 г. «О дальнейшем совершенствовании деятельности Республиканского центра судебной экспертизы им. Х. Сулеймановой при Министерстве юстиции Республики Узбекистан, а также организации системы повышения квалификации судебных экспертов» в систему судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции в настоящее время входят: Республиканский центр судебной экспертизы им. Х. Сулеймановой и его двенадцать областных отделений. Республиканский центр судебной экспертизы (РЦСЭ) им. Х. Сулаймановой является головным экспертным и научно-методическим учреждением в системе экспертных учреждений Министерства юсти-

ции Республики Узбекистан. В РЦСЭ им. Х. Сулеймановой и его региональных подразделениях производятся свыше 50 видов судебных экспертиз.

Система судебно-экспертных учреждений Министерства здравоохранения Республики Узбекистан включает в себя судебно-медицинские и судебно-психиатрические экспертные учреждения.

Судебно-медицинская служба Республики Узбекистан имеет четкую структуру, во всех областных регионах действуют бюро судебно-медицинской экспертизы, кроме того, имеются 105 районных и межрайонных подразделений. Координация их деятельности возложена на Главное бюро судебно-медицинской экспертизы.

В организационно-методическом отношении Главному бюро судебно-медицинской экспертизы подчиняются главные судебно-медицинские эксперты областей республики. Бюро судебно-медицинской экспертизы руководит деятельностью районных, межрайонных и городских отделений судебно-медицинской экспертизы, возглавляемых заведующими отделениями.

В соответствии с Указом Президента Республики Узбекистан от 10.04.2017 г. «О мерах по коренному повышению эффективности деятельности органов внутренних дел, усилению их ответственности за обеспечение общественного порядка, надежной защиты прав, свобод и законных интересов граждан» был образован Главный экспертно-криминалистический центр (ГЭКЦ) на базе Экспертно-криминалистического центра и Экспертно-взрывотехнического центра Министерства внутренних дел Республики Узбекистан, а также Управление внутренних дел на транспорте преобразовано в Управление обеспечения общественной безопасности на транспорте Министерства внутренних дел Республики Узбекистан, линейные управления (отделы, отделения) внутренних дел – в отделы обеспечения общественной безопасности на транспорте.

ГЭКЦ возглавляет экспертно-криминалистические подразделения Министерства внутренних дел Республики Узбекистан. Он предназначен для организации экспертно-криминалистической деятельности органами внутренних дел и непосредственного осуществления этой деятельности.

Институт судебной экспертизы не является застывшим формированием и в соответствии с реалиями времени, при необходимости осуществляются соответствующие коррективы, принимаются новые нормативные акты и вносятся изменения в действующее законодательство.

Например, в соответствии с Законом Республики Узбекистан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан» от 23.09.2016 г. Закон «О судебной экспертизе» был дополнен ст. 27^1 «Повышение квалификации и правовых знаний судебных экспертов». На основании данной статьи закона было принято Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 13.04.2017 г. № 206 «О дальнейшем совершенствовании деятельности Республиканского центра судебной экспертизы имени Х. Сулеймановой при Министерстве Юстиции Республики Узбекистан, а также организации системы повышения квалификации судебных экспертов», которым было утверждено Положение о порядке повышения квалификации и правовых знаний судебных экспертов.

Система судебно-экспертных учреждений динамично развивается в соответствии с потребностями практики. Меняется законодательная база, и соответственно меняется и вся система института судебной экспертизы в целом. Внедряются новые виды экспертных исследований, которые, несомненно, поднимают на новый уровень состояние судебной экспертизы в стране. Развитие судебно-экспертной деятельности является основным орудием правосудия принимаемых решений и гарантий надежной защиты прав и свобод граждан.

СЕКЦИЯ 1
УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ

КОМПЬЮТЕРНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Аникеева Н. А.

Широкое внедрение современных информационно-коммуникационных технологий в различные сферы общества позволило применять более эффективные методы обработки информации. Однако появилось и такое негативное социальное явление, как компьютерная преступность. После вступления в действие с 01.01.2001 г. Уголовного кодекса (УК) в Республике Беларусь наметилась тенденция роста преступлений в сфере высоких технологий.

Так, если в 2002 г. было зарегистрировано 924 факта, то в 2017 г. – их было 3 099, т.е. число таких преступлений увеличилось более чем в 3 раза. В структуре компьютерных преступлений значительно преобладает доля хищений путем использования компьютерной техники (ст. 212 УК), хотя в последние годы наметилась тенденция ее уменьшения за счет роста преступлений в сфере информационной безопасности (гл. 31 УК). В 2011 г. хищения составляли 95,6 %, в 2015 г. – 83,4 %, в 2016 г. – 73,7 %, а в 2017 г. их число незначительно увеличилось (74,8 %).

Среди лиц, совершивших преступления в сфере высоких технологий, имевшие судимость составляют 33 %, неработающие – 75 %, третью часть лиц – женщины. По возрасту наибольшую долю составляют молодые люди 18-29 лет (более 60 %), на втором месте граждане от 30 лет и старше (более 33 %), доля несовершеннолетних составляет около 4 %. По статистическим данным за 2017 г. наибольшее число преступлений совершается в г. Минске (35 %), меньше всего в Гродненской области (9 %).

Компьютерная преступность носит организованный характер, что позволяет участникам преступных групп длительное время уходить от наказания. Так, в мае 2016 г. в Российской Федерации была пресечена деятельности хакерской группы, 50 членов которой проживали в 17 регионах страны. В течение трех лет ими было похищено со счетов банковских организаций более 1 млрд. рублей. Хакеры также взламывали объекты критически важной инфраструктуры, в том числе стратегических промышленных предприятий России.

Киберпреступники организуют международные сообщества. Например, за причастность к деятельности известной хакерской группе Anonymous с 2009 г. были арестованы десятки человек в США, Великобритании, Австралии, Нидерландах, Испании и Турции.

Компьютерные преступления совершаются в различных областях жизни общества. Соответственно в криминологическом аспекте выделяют преступные посягательства на информационную безопасность в сфере политики, экономики, социально-духовной сфере. Особую общественную опасность представляют преступления в сфере политических отношений, национальной безопасности, обороны и других важнейших отраслях политической сферы общества.

Компьютерные системы и сети используются в вооруженных силах, энергетике, на транспорте и т.д. Неправомерный доступ в компьютерное обеспечение такой деятельности может причинить ущерб обороноспособности страны, повлечь аварийные ситуации, экологические катастрофы, гибель людей и многое другое. Известны случаи, когда в сети Интернет размещается ложная и компрометирующая информация на известных политиков, чиновников, бизнесменов, которые формируют отрицательное общественное мнение. В сфере экономики, в банковской и кредитно-финансовой системе распространение получили такие виды компьютерных преступлений как мошенничество, кражи денежных средств, несанкционированный доступ в информационную систему, коммерческий шпионаж. Организуются кибератаки на банки.

Так, в ноябре 2016 г. крупномасштабной атаке подверглись банки Беларуси, России, Армении, Кыргызстана, Грузии, Молдовы, Румынии, Великобритании, Нидерландов и Испании.

В социально-духовной сфере компьютерные преступления посягают на честь и достоинство личности, нравственные и духовные устои общества, право граждан на интеллектуальное творчество и его результаты.

В настоящее время в автоматизированных банках данных государственных организаций, некоторых коммерческих структур накапливаются персональные данные граждан, сведения, относящиеся к тайне личной жизни. Многие граждане активно ведут переписку по электронной почте, пользуются социальными сетями, хранят информацию в «облаке». Наблюдается негативная тенденция роста числа фактов несанкционированного доступа к компьютерной информации: в 2017 г. их доля в общем объеме компьютерных преступлений, выявленных в Республике Беларусь, составила около 15 % (по сравнению с 2016 г. это + 71 %).

Различают два основных типа компьютерных преступлений: 1) преступления с использованием компьютера («традиционные») и 2) высокотехнологичные преступления. Соответственно, можно условно выделить и два типа причинного комплекса компьютерных преступлений: 1) причинный комплекс «традиционных» преступлений; 2) специфический (особый) комплекс причин.

Взаимосвязь и взаимообусловленность новой социальной среды, соответствующих личностных характеристик субъекта и условий социального контроля образуют специфику причинного комплекса детерминации компьютерной преступности. Имеет значение наличие возможности для субъекта посредством компьютерного преступления удовлетворить свои потребности, низкая степень защиты объекта преступного посягательства, сложность обнаружения следов преступления, неадекватная уголовная ответственность, безразличие или положительное отношение к планируемому преступлению близких и т. д. Важны личностные моральные принципы субъекта, а также качества необходимые для совершения компьютерных преступлений.

Цель предупреждения компьютерной преступности – это обеспечение необходимых условий для безопасного хранения, обработки и распространения компьютерной информации, а также нормального функционирования компьютерных систем и сетей.

Компьютерная преступность характеризуется высокой латентностью (выявляется только 10–15 %), имеются проблемы, связанные с квалификацией преступления и спецификой ведения следствия. Общий уровень раскрываемости составляет около 56 %. Такое положение затрудняет криминологический анализ компьютерной преступности, основанный на статистических данных. Для получения более достоверных выводов о качественных и количественных характеристиках и тенденциях необходимо использование дополнительно опросов, в том числе экспертных.

Специфика компьютерных преступлений, предполагает использование таких мер предупреждения как правовые, организационные, технические.

К правовым мерам предупреждения компьютерных преступлений в первую очередь относятся нормы, устанавливающие за них уголовную ответственность. Кроме того, должен быть определен правовой режим информации, порядок ее предоставления и распространения; правовой режим информационных ресурсов и порядок их регистрации; порядок создания, использования и регистрации информационных систем.

В настоящее время в Республике Беларусь имеется соответствующее законодательство. Профилактическое значение имеет также обязанность поставщиков интернет-услуг осуществлять идентификацию абонентских устройств и хранить сведения о них и об оказанных услугах в течение года. В качестве предупредительной меры в 2016 г. в Беларуси до 14-ти лет снижен возраст уголовной ответственности за хищение с помощью компьютерной техники (ст. 212 УК).

Использование организационных и технических мер, должно быть направленно на защиту компьютерных систем и сетей. Они должны обеспечивать безопасность, надежность, доступность, управляемость и контролируемость систем обработки информации. Только комплексное использование правовых, технических и организационных мер может снизить риск стать жертвой компьютерного преступления.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Балобешко А. В.

Личность преступника – основное и важнейшее звено механизма преступного поведения, поскольку в каждом конкретном случае сама личность принимает решение о совершении преступления.

В работах ряда российских ученых (Т. А. Балебанова, А. Б. Осипов, И. А. Савенко, А. П. Клименченко, Т. С. Гончаренко и др.) в определенной степени освещались некоторые аспекты криминологического исследования личности преступника коррупционной направленности. Отечественные ученые (В. А. Ананич, И. И. Басецкий, А. В. Башан, А. М. Клим, В. М. Хомич) также занимались изучением данной проблемы. Отечественные и зарубежные криминологи выявляют не только отрицательную, но и положительную составляющую в структуре личности преступника; исследуют влияние на формирование личности преступника факторов внешней среды (современной морали, идеологии потребления, корпоративного общества, информационной политики и других особенностей постиндустриальной эпохи).

Несмотря на значительное число исследований, посвященных характеристике структуры личности преступника-коррупционера, отдельные аспекты все же остаются неизученными. Поэтому перед криминологической наукой стоят задачи детального изучения причин формирования личности преступника коррупционной направленности, новых черт, выделяющих представителей коррупционной преступности в обществе. Следствием недостатка подобного изучения является сложность разработки системы профилактических мероприятий с целью предупреждения совершения коррупционных преступлений.

В криминологической литературе предлагаются различные варианты структурирования признаков, характеризующих личность преступника, однако наиболее распространена следующая точка зрения на структуру личности преступника – совокупность уголовно-правовых, социально-демографических, социально-ролевых и нравственно-психологических признаков.

Уголовно-правовые признаки: квалификация преступления, направленность посягательства, степень тяжести, форма вины, мотив, цель, одиночный или групповой характер, рецидив, и др. Социально-демографические признаки: пол, возраст, социальное положение, образование, гражданство и т.д. Социально-ролевая характеристика личности преступника вытекает из занятия ею определенных социальных позиций. Нравственно-психологические характеристики: интеллект, способности, навыки, привычки, волевые и эмоциональные свойства, потребности, интересы, «ценностные ориентации, отношение к нормам морали и права, избираемые способы удовлетворения потребностей и др.».

Принимая во внимание, что субъектами коррупционных отношений выступают с одной стороны должностные лица, с другой стороны – представители легального и нелегального частного сектора, субъектов коррупционных отношений можно разделить на 3 группы:

1) государственные служащие и должностные лица, работающие в государственных органах (организациях), лица, осуществляющие функции представителя власти или наделенные организационно-распорядительными либо административно-хозяйственными полномочиями;

2) должностные лица коммерческих и некоммерческих организаций;

3) физические лица, предоставляющие двум указанным категориям лиц различного рода услуги, блага и преимущества. Зачастую, предоставляя такого рода блага, данные лица имеют в свою очередь намерения обеспечить себя незаконными преимуществами. Однако чаще они вступают в коррупционные отношения в целях реализации своих законных интересов при отсутствии действенного и оперативного механизма их решения.

Положению, которое человек занимает в обществе, присущи определенные социальные роли, имеющие конкретное содержание (сценарий). Человек одновременно занимает множество позиций и исполняет множество ролей, что накладывает на личность определенный отпечаток: развиваются качества, важные для этих ролей и наоборот подавляются невостребованные. Если основные исполняемые социальные роли не требуют формирования качеств, связанных с ответ-

ственностью за совершение поступков, конфликтуют между собой, не соответствуют социальной ориентации человека, возникает личностная деформация, способствующая совершению коррупционных преступлений.

Социальный состав лиц, совершивших коррупционные преступления, различается в зависимости от места, занимаемого тем или иным лицом в иерархии управленческого аппарата. Следует учесть, что во многих крупных зарубежных компаниях, прекрасно понимают, что сотрудники государственных предприятий и учреждений, принимают решения, так или иначе связанные с расходованием средств, значительно превышающих их заработную плату, в связи с чем, умышленно создают дополнительные условия для соблазна воспользоваться данными им полномочиями и «поработать на свой карман», в связи с чем негласное вознаграждение постепенно внедряется ими, как «норма» делового оборота. Как показывает практика, путем «откатов» зарубежные компании пытаются оказывать влияние не только на руководителей, топ-менеджеров и директорский корпус, но и на менеджеров среднего звена, а также исполнителей (специалистов), которые в свою очередь либо влияют на решения высшего руководства (не вникающего в детали), либо «двигают» процесс со своих позиций, готовя обоснования в нужном ключе.

Подводя итог, отметим, что изучение особенностей криминологической характеристики лиц, совершивших коррупционные преступления в Республике Беларусь, позволяет констатировать, что особенности личности коррупционера формируются под непосредственным влиянием среды – общества, в котором он живет. Структура личности преступника-коррупционера имеет свои особенные черты. В целом в Республике Беларусь коррупционные преступления совершаются лицами в возрасте от 35 до 50 лет, имеющими высшее образование и определенные профессиональные навыки. Большинство коррупционеров состоят в браке. Протекционизм, потребительское отношение к должности подкрепляют противоправность деяний коррупционных преступников. В большинстве случаев коррупционеры общительны, хорошо ориентируются в социальных взаимодействиях, легко устанавливают необходимые связи. Коррупционную деятельность указанные лица осуществляют из корыстной заинтересованности.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА И ОБРАТНАЯ СИЛА УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ

Врублевская Н. Г.

Процесс совершенствования действующего Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) постоянно актуализирует вопрос о действии во времени уголовно-правовых норм. Последние изменения и дополнения в УК были реализованы Законами Республики Беларусь от 18.07.2017 г. № 53-З «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь» и от 17.07.2018 г. № 131-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы». Их анализ с позиций ст. 9 УК позволяет сделать следующие выводы.

1. Изменение редакций п. 2 ч. 4 ст. 49, п. 2 ч. 3 ст. 52 и п. 2 ч. 5 ст. 55, а также ч. 2 ст. 77, ч. 3 ст. 78 и абзаца первого ч. 3^1 ст. 90 УК обусловлено изменениями, произошедшими в пенсионном законодательстве, и обеспечивает соответствие ему положений уголовного закона. При этом произошло как улучшение, так и ухудшение положения лиц, совершивших преступление. С одной стороны, расширен круг лиц, к которым могут быть применены такие виды наказаний, как общественные работы, исправительные работы и ограничение свободы. Как улучшающие положение лиц, совершивших преступление, такие нормы имеют обратную силу. С другой стороны, сужен круг лиц: а) к которым могут быть применены осуждение с отсрочкой исполнения наказания и осуждение с условным неприменением наказания; б) для которых установлен меньший по длительности срок лишения свободы, который нужно фактически отбыть для получения права на условно-досрочное освобождение от наказания. Такие нормы как ухудшающие положение лица, совершившего преступление, обратной силы не имеют.

2. Дополнение ст. 61 УК частью 7, допускающей возможность взыскания с осужденного денежной суммы в случаях, когда специальная конфискация имущества, приобретенного преступным путем, дохода, полученного от использования этого имущества, невозможна вследствие утраты, израсходования, уничтожения, реализации либо по

иным причинам, ухудшает положение осужденного, в связи с чем не имеет обратной силы.

3. В результате исключения из УК статьи 247 (ограничение конкуренции) и статьи 248 (незаконное использование деловой репутации конкурента) осуществлена декриминализация. Данные положения имеют обратную силу.

4. Изменения, внесенные в ст. 244 УК, повлекли расширение сферы уголовной ответственности посредством включения в число субъектов данного преступления индивидуальных предпринимателей. Данное положение обратной силы не имеет.

5. Существенной корректировке подвергнуты ст. 275–277 УК. Анализ положений указанных статей УК, изложенных в новой редакции, свидетельствует о разнонаправленности изменений уголовного закона.

Во-первых, стала осуществляться уголовно-правовая охрана не только леса, но и древесно-кустарниковой растительности, не входящей в состав лесного фонда. Осуществлена криминализация загрязнения среды произрастания древесно-кустарниковой растительности (ст. 275 УК), уничтожения либо повреждения древесно-кустарниковой растительности по неосторожности (ст. 276 УК). Уголовно-наказуемым стало уничтожение либо повреждение леса по неосторожности в результате нарушения «иных правил лесопользования». Данные положения не имеют обратной силы.

Во-вторых, осуществлена декриминализация:

– загрязнения леса, совершенного в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение;

– загрязнения леса, повлекшего умышленное или по неосторожности причинение ущерба на сумму, от 80 до 250 раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления (посредством изменения понятия ущерба в крупном размере);

– уничтожения либо повреждения леса по неосторожности, повлекшего причинение ущерба на сумму, от 250 до 500 раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления (за счет корректировки понятия ущерба в особо крупном размере);

– незаконной рубки леса, деревьев и кустарников, повлекшей причинение ущерба на сумму, от 80 до 250 раз превышающую раз размер базовой величины, установленный на день совершения преступления (за счет корректировки понятия ущерба в крупном размере). Данные положения имеют обратную силу.

В-третьих, смягчена наказуемость:

– загрязнения леса, среды произрастания древесно-кустарниковой растительности, повлекшего умышленное или по неосторожности причинение ущерба на сумму, которая превышает размер базовой величины от 250 до 500 раз. Если до внесения изменений в ст. 275 УК такое деяние подпадало под признаки ч. 2 ст. 275 УК, то сейчас – под признаки ч.1 ст. 275 УК, санкция которой не изменилась;

– незаконной рубки леса, деревьев и кустарников, повлекшей причинение ущерба на сумму, превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления, от 250 до 500 раз (за счет корректировки понятия крупного размера ущерба). Если до внесения изменений в ст. 277 УК такие деяния подпадали под признаки ч. 2 ст. 277 УК, то сейчас – под признаки ч. 1 ст. 277 УК, санкция которой не изменилась. Данные положения имеют обратную силу.

В-четвертых, усилена наказуемость незаконной рубки или повреждения до степени прекращения роста древесно-кустарниковой растительности в природоохранных, рекреационно-оздоровительных, защитных лесах, повлекшей причинение ущерба на сумму, в 500 и более раз превышающую размер базовой величины. В настоящее время такие деяния наказуемы по ч. 3 ст. 277 УК.

Выделение в ч. 2 ст. 275 УК квалифицирующего признака «ущерб в особо крупном размере» не повлекло усиления наказуемости, поскольку и ранее такие деяния квалифицировались по ч. 2 ст. 275 УК, санкция которой не изменилась.

Изменения, внесенные в ст. 277 УК, обусловлены также введением в действие нового Лесного кодекса Республики Беларусь, которым уточнен термин «незаконная рубка», а также изменен состав лесов, в том числе деление лесов в соответствии с их экологическим, экономическим и социальным значением, местонахождением и выполняемыми функциями на 4 категории: природоохранные леса; рек-

реационно-оздоровительные леса; защитные леса; эксплуатационные леса.

6. Расширение сферы преступности деяния произошло также в результате:

– изложения ст. 284 УК в новой редакции. Уголовно наказуемым стало нарушение ветеринарных (ветеринарно-санитарных) требований и процедур, установленных техническими регламентами Таможенного союза, Евразийского экономического союза, а также ввоз в Республику Беларусь подконтрольных ветеринарному контролю (надзору) товаров без разрешения на их ввоз в случае, если в соответствии с законодательством требуется такое разрешение (при условии наступления предусмотренных общественно опасных последствий);

– расширения субъективной стороны состава преступления, предусмотренного в ч. 1 ст. 290^1 УК (посредством включения цели проезда к месту обучения для участия в террористической деятельности). Данные положения не имеют обратной силы.

7. Изменения, внесенные в ст. 434, 435 УК в части замены слова «призыва» словами «по призыву» носят технический характер.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ОХРАНЫ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

Гакотина А. М.

Охрана детства – это приоритетное направление государственной социальной политики. Следует отметить, что в Республике Беларусь принято постановление Совета Министров Республики Беларусь от 22.09.2017 г. № 710 «Об утверждении Национального плана действий по улучшению положения детей и охране их прав на 2017 –2021 годы», предусматривающее, в частности, мероприятия по реализации прав детей на защиту от насилия, угрозы торговли людьми и эксплуатации, а также на доступ к справедливому правосудию.

Национальное уголовное законодательство содержит ряд уголовно-правовых запретов в области охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних. Однако, как отмечает Д.В. Шаблинская,

отдельные деяния своего отражения в редакциях, предлагаемых международными договорами, в национальном законодательстве не нашли. Речь, прежде всего, идет о положениях, содержащихся в Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений 2007 г.

Так, в соответствии со ст. 23 Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений 2007 г. («Домогательство в отношении детей с сексуальными целями») сторонам предлагается установить уголовную ответственность за любое умышленное предложение о встрече, с которым взрослый при помощи информационно-коммуникационных технологий обращается к ребенку, не достигшему установленного возраста, с целью совершения против него таких преступлений, как занятие деятельностью сексуального характера или производство детской порнографии, если за таким предложением последовали практические действия, направленные на проведение такой встречи.

В свете сказанного актуализируются вопросы криминализации преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних против половой неприкосновенности и половой свободы, против общественной нравственности. По данным уголовной статистики в 2013 г. выявлено 110 таких преступлений (56 – тяжких), а в 2017 г. в сфере противодействия педофилии зафиксировано 533 преступления, в том числе 326 (61,2 %), тяжких и (или) особо тяжких. За первое полугодие 2018 г. выявлено 457 таких преступлений (266 – тяжких и особо тяжких). Таким образом, произошло увеличение количества преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы, совершаемых в отношении несовершеннолетних.

Вопросам совершенствования уголовно-правовой охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних посвящены исследования П.Л. Боровика, В.В. Стальбовского, О.О. Топориковой, Д.В. Шаблинской и др.

С развитием информатизации и компьютеризации повысилась распространенность доступа населения различных возрастных категорий к сети Интернет, общественные отношения постепенно переносятся в виртуальное пространство по различным причинам: простоты в использовании, общедоступности, распространенности, анонимности.

То же касается и преступных деяний, постепенно переносимых на виртуальную основу, что вызывает сложности в их правовом регулировании. Остро стоит вопрос в криминализации такого состава, как развратные действия в отношении несовершеннолетних, совершаемые путем ведения переписки в сети Интернет с потерпевшими на сексуальную тему в целях дальнейшего использования его в сексуальных целях. Отметим, что введение состава, содержащего подобные признаки, в Уголовном кодексе Республики Беларусь справедливо обосновывает О.О. Топорикова.

В зарубежных странах для обозначения действий совершеннолетнего лица, направленных на установление в Интернете доверительного контакта с ребенком с целью сексуальных отношений, используется термин «кибергруминг» или «онлайн-груминг» (cybergrooming / online grooming). Им охватываются как действия, преследующие цель получения педофилом сексуального удовлетворения, так и действия, направленные на вовлечение ребенка в коммерческую сексуальную эксплуатацию. По мнению В.В. Стальбовского следовало бы на нормативном уровне предусмотреть понятие «интернет-груминг несовершеннолетних» применительно к совершению преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних и изложить его следующим образом: «интернет-груминг – установление и поддержание доверительного контакта с лицом, не достигшим восемнадцатилетнего возраста, а равно навязчивые предложения о встрече с жертвой с целью совершения общественно опасных деяний или эксплуатации контакта для изготовления порнографических материалов или предметов порнографического содержания с использованием глобальной компьютерной сети Интернет».

По мнению П.Л. Боровика, описывающего проблемы противодействия педофилии в Республике Беларусь и соседних странах, первоначальные контакты с насильниками несовершеннолетнее в большинстве случаев получают в сети Интернет, результатом реализации кибергруминга является реальное сексуальное насилие, если ребенок под воздействием обмана или угроз соглашается на встречу с преступником.

Полагаем, установление уголовной ответственности за развратные действия в отношении несовершеннолетних, совершаемые путем

ведения переписки в сети Интернет с потерпевшими на сексуальную тему в целях дальнейшего использования его в сексуальных целях, в совокупности с разработкой и реализацией ряда профилактических мер позволит снизить риск вовлечения несовершеннолетних в совершение различного рода сексуальных преступлений, выявлять и привлекать к ответственности сексуальных преступников.

ИСКЛЮЧЕНИЕ СТАТЬИ 248 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В АСПЕКТЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Гордей С. Ю.

Законом Республики Беларусь от 17.07.2018 г. № 131-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» были внесены изменения в Уголовный кодекс Республики Беларусь (УК), в частности, была исключена ст. 248, устанавливающая уголовную ответственность за незаконное использование деловой репутации конкурента.

Ранее в соответствии с указанной статьей незаконное использование деловой репутации конкурента представляло собой «умышленное использование индивидуальным предпринимателем или должностным лицом юридического лица товарного знака (знака обслуживания), фирменного наименования, географического указания конкурента, либо продажа или предложение к продаже товара (услуги) с применением предупредительной маркировки о товарном знаке (знаке обслуживания), не зарегистрированном в Республике Беларусь, либо копирование промышленных образцов конкурента, влекущие смешение продукции (товаров, работ, услуг) или деятельности с продукцией или деятельностью конкурента, совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такие же действия». Статья 248 УК была сформулирована с административной преюдицией. Административная преюдиция в уголовном праве, как известно, – это закрепленная специальной конструкцией состава преступления преюдициальная связь между несколькими аналогичными правонаруше-

ниями, совершенными в течение года после применения к виновному мер административного взыскания за одно из правонарушений, в силу которой содеянное оценивается как преступление, а к виновному применяются меры уголовной ответственности.

А.В. Барков, оценивая опыт криминализации в действующем уголовном законодательстве Республики Беларусь, указывает, что «при подготовке проекта УК административная преюдиция, как условие уголовной ответственности, была сохранена (в отличие от Уголовного кодекса Российской Федерации). Считалось, что с помощью такого правового приема удастся постепенно «опустить» на уровень административного проступка деяния, которые имели явную перспективу декриминализации. Такую конструкцию, например, получили составы спекуляции (ст. 256 УК), нарушения правил торговли (ст. 260 УК), которые в дальнейшем были декриминализированы».

Предпосылками рассматриваемых корректировок как раз стало изменение подхода к степени общественной опасности противоправных деяний против экономических отношений. Как известно, к объективным основаниям криминализации, в первую очередь, относится общественная опасность деяния. В науке уголовного права распространено мнение, что общественная опасность деяния состоит в его способности причинять объектам уголовно-правовой охраны существенный вред или создавать угрозу причинения такого вреда.

По мнению А.Е. Тесленко, «криминализация, как и декриминализация противоправных деликтов в сфере экономической деятельности требует тщательного и серьезного анализа экономических отношений, понимания целей и задач уголовного права, возможных последствий избыточного уголовно-правового регулирования в данной сфере и, самое главное, четкого представления, какие деяния в экономике наносят вред и несут опасность для гражданского и хозяйственного оборота, а какие нет. И это понятно, так как само понятие экономических отношений включает в себя довольно разнообразные элементы, которые в своей совокупности выдают очень многогранное явление, которое требует комплексного изучения». Привлечение к уголовной ответственности является исключительной мерой воздействия на правонарушителя, поэтому так важно для законодателя предельно осторожно

подходить к криминализации и декриминализации тех или иных общественно опасных деяний.

Сам факт наличия ответственности за незаконное использование деловой репутации конкурента вызывал множество проблем в сфере идентификации действий, которые, действительно, могут подпадать под действие данной статьи, так как распространенность незаконного использования объектов интеллектуальной собственности в рамках именно гражданского судопроизводства приводит к тому, что существование ст. 248 УК нецелесообразно с точки зрения общественной опасности таких деяний.

В рамках Стратегии в сфере интеллектуальной собственности Республика Беларусь взяла направление на реализацию комплекса профилактических мероприятий по предупреждению нарушений прав в сфере интеллектуальной собственности. Вместе с декриминализацией ст. 248 УК в Кодексе об административных правонарушениях Республики Беларусь усилена санкция за правонарушение, предусмотренное ст. 11.26, составляющее ранее административную преюдицию по отношению к ст. 248 УК.

А.И. Рарог полагает, что «важнейшим условием совершенства любой отрасли законодательства является принцип его системности, предполагающий внутреннюю согласованность всех его положений, норм и институтов, отсутствие коллизий и несоответствий между ними». Такого же мнения придерживается Л.К. Савюк, отмечая, что «в идеале уголовное законодательство должно быть логически стройной и законченной, непротиворечивой и последовательной, внутренне единой и цельной системой норм и институтов, построенных и функционирующих на единых принципах и общих положениях».

Объекты интеллектуальной собственности в настоящее время комплексно охраняются ст. 201 УК, которая более удачно размещена в гл. 23 УК («Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина»). Отметим, что гражданское законодательство объединяет под одним термином интеллектуальной собственности все объекты, в том числе и промышленную собственность.

Таким образом, исключение ст. 248 из УК обусловлено развитием и изменением общественных отношений в экономической сфере, при которых деяние, потеряв свою общественную опасность, может

быть «переведено» в разряд административно наказуемых, а также продиктовано рациональным желанием воздействовать на правонарушения профилактическими мерами, исключая возможность привлечения к уголовной ответственности.

О СОДЕРЖАНИИ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО СПЕЦИАЛЬНОМУ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Городецкая М. А.

Эффективность правового регулирования общественных отношений, складывающихся в процессе осуществления деятельности по специальному предупреждению (профилактике) преступлений, во многом зависит от того, как отражены и раскрыты в нормах права принципы осуществления указанной деятельности. Как известно, принципы какой-либо деятельности – это исходные положения, на которых эта деятельность должна базироваться и которым должна соответствовать. По справедливому мнению Н.В. Сильченко, «важными составляющими отдельного правового режима регулирования общественных отношений являются принципы и общие положения, которые пронзают содержание определенной совокупности норм права, обособляющихся в самостоятельную отрасль норм права. Принципы и общие положения выполняют роль своеобразного интеллектуально-волевого стержня, сердцевины, вокруг которого объединяются отдельные средства и приемы воздействия на общественные отношения».

В Законе Республики Беларусь от 04.01.2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (далее – Закон № 122-З) принципам посвящена одна ст. 4, в соответствии с которой деятельность субъектов профилактики правонарушений в сфере профилактики правонарушений основывается на принципах законности, гуманизма, плановости и системности, осуществления индивидуальной профилактики правонарушений с учетом личности гражданина, защиты и соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, скоординированности действий и оперативного взаимодействия субъектов профилактики правона-

рушений, ответственности должностных лиц субъектов профилактики правонарушений за нарушение законодательства в этой сфере. Отметим, что подход, в соответствии с которым в законе лишь перечисляются принципы, не является новым. Обращает на себя внимание и тот факт, что уже второй по счету Закон о профилактике называется «Об основах деятельности по профилактике правонарушений». Полагаем, что определение содержания принципов в самостоятельных нормах Закона № 122-З будет способствовать правильному пониманию его отдельных положений, толкованию соответствующих норм при правоприменении, а также определению направлений развития законодательства о специальном предупреждении преступлений.

Л.Д. Гаухман в работе «Правовые основы предупреждения преступлений» (1990 г.) справедливо пишет, что «…законность представляет собой один из основных принципов предупреждения преступлений». По мнению данного ученого, принцип законности предполагает, что «в процессе предупреждения преступлений: 1) должны строго и неуклонно соблюдаться все законы и нормативные акты, которыми оно прямо регламентируется; 2) в той части, которая непосредственно не регламентирована правом, оно не должно противоречить закону или быть им запрещено; 3) необходимо соблюдать права и законные интересы граждан; 4) проведение рассматриваемой деятельности на правовой основе позволяет в определенной мере заранее очертить ее сферу, обрисовать в общей форме ее программу, предусмотреть права и обязанности участников и обеспечить ее единообразие на всей территории действия закона».

Принцип законности в первую очередь обеспечивается соответствием Закона № 122-З Конституции Республики Беларусь. Решением Конституционного Суда Республики Беларусь от 27.12.2013 г. № Р-898/2013 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» указанный Закон признан соответствующим Конституции Республики Беларусь (по содержанию норм, форме акта и порядку принятия). Также в соответствии с этим принципом Закон № 122-З должен согласовываться «с положениями правовых актов той же юридической силы».

М.Н. Голоднюк и В.И. Зубкова отмечают, что «необходимой гарантией законности деятельности субъектов профилактики, а также соблюдения прав и законных интересов лиц, находящихся в сфере профилактического воздействия» является «правовая обеспеченность профилактики преступности». Справедливым представляется также мнение Г.А. Аванесова о том, что «в сфере профилактики, таким образом, законность выступает и как принцип государственного управления. Она является здесь основным (универсальным) принципом, имеющим, прежде всего, практическую значимость. Полнота законодательного урегулирования отношений в указанной сфере служит базой для последовательного претворения в жизнь этого принципа».

Интерес представляет идея, отраженная в ст. 4 Закона Республики Казахстан № 271-IV ЗРК и ст. 4 Закона Российской Федерации № 182-ФЗ, в соответствии с которой приоритетное положение в системе принципов занимает принцип защиты и соблюдения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Такое положение соответствует самой идее криминологического предупреждения преступлений. В ст. 4 Закона № 122-З принцип защиты и соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций закреплен после таких специальных принципов как плановость и системность и осуществления индивидуальной профилактики правонарушений с учетом личности гражданина. Ранее в Законе № 453-З был закреплен принцип «защиты и соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан».

Вместе с тем, как нам представляется, идея защиты и соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций является необходимой составляющей принципа законности. Справедливо отмечает А.И. Долгова, что «недопустимо применение предупредительных мер, носящих дискриминационный характер, необоснованно ограничивающих права и законные интересы граждан». Новеллой Закона № 122-З является закрепление прав и обязанностей граждан, в отношении которых осуществляется индивидуальная профилактика правонарушений (ст. 32). В соответствии с названной статьей «ограничение прав, свобод и законных интересов граждан, в отношении которых приняты решения об осуществлении про-

филактического учета, в том числе ограничение прав на тайну корреспонденции, телефонных и иных сообщений, свободное передвижение и выбор места жительства, неприкосновенность жилища и иных законных владений граждан, не допускается, если иное не предусмотрено настоящим Законом и другими законодательными актами». Изложенное дает основания к выводу о необходимости изменения порядка изложения принципов в Законе № 122-З. Такой порядок должен не только отражать систему принципов, но и соответствовать действительному значению каждого из них.

Основываясь на обозначенных выше положениях, считаем, что принцип законности в Законе № 122-З необходимо определить следующим образом: «профилактика преступлений и правонарушений в Республике Беларусь осуществляется в соответствии Конституцией Республики Беларусь, настоящим Законом, иными нормативными правовыми актами, регламентирующими общественные отношения в сфере профилактики преступлений и правонарушений. При осуществлении профилактики преступлений и правонарушений соответствующими субъектами обеспечивается защита и соблюдение прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций. Ограничение прав, свобод и законных интересов граждан, в отношении которых приняты решения об осуществлении профилактического учета, в том числе ограничение прав на тайну корреспонденции, телефонных и иных сообщений, свободное передвижение и выбор места жительства, неприкосновенность жилища и иных законных владений граждан, не допускается, если иное не предусмотрено настоящим Законом и другими законодательными актами».

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХУЛИГАНСТВО

Крейдич В. А.

Хулиганство как преступление против общественного порядка и общественной нравственности имеет многовековую историю. Исследование эволюции уголовной ответственности за хулиганство, как нам представляется, позволяет раскрыть социальную обусловленность ее

установления, изучить сущность и основания криминализации хулиганства, его место в системе преступлений против общественного порядка и общественной нравственности.

Еще в Соборном Уложении 1649 г. Государства Российского существовали статьи, которые устанавливали уголовную ответственность за преступления, посягающие на общественный порядок. Так, в ст. 7 гл. XXII названного Уложения устанавливалась ответственность за «мучительское надругательство». Статья 17 этой же главы гласила: «А будет кто с похвальбы, или с пьянства, или умыслом наскачет на лошади на чью жену, и лошадью ея стопчет и повалит, и тем ея обесчестит, или ея тем боем изувечит...». Однако в то время еще не существовало четкого определения общественного порядка, поэтому в подавляющем большинстве случаев деяния не дифференцировались в зависимости от умысла. Можно лишь весьма условно считать, что слова «с похвальбы, или с пьянства, или умыслом», по сути, свидетельствуют о наличии в действиях лица хулиганских побуждений, хотя в современной трактовке умысел – несколько иная категория, посредством которой определяется форма вины.

Слова «хулиганство», «хулиган» в русском языке появились предположительно на рубеже IXX и XX вв., причем их происхождение принято связывать с англоязычными странами – Англией и США. Так, в Англии слово «hooligan» распространилось примерно с 1890 г., обозначая исключительно дерзких озорников юго-восточной части Лондона и сразу попав в юридическое уложение Prevention of crime Act. Если же пытаться найти корни происхождения рассматриваемых слов в США, то следует обратиться к мнению ученых, указывающих на то, что европейскими переселенцами во время освоения Северной Америки принято было называть хулиганами представителей воинствующего племени индейцев – апашей.

По другой теории слово «хулиганство» произошло от древнерусского слова «хулить» и французского «genes» – люди. Кличку хулиган давали крепостным крестьянам, которые были в чем-то повинны и их хотели опорочить, унизить. Впоследствии хулиганами стали называть уличных буянов, грабителей и иных преступников, а слово «хулиган» стало нарицательным.

Самым распространенным является мнение о происхождении этого слова от ирландской фамилии семьи Hooligan. В этой семье особенно отличались два брата, которые, будучи моряками, при заходе в порт, постоянно устраивали пьяные драки, потасовки, сопровождаемые грубыми, порой циничными выходками. Хулиганами стали называть людей, посягающих на личность гражданина, а также на имущество.

Развитие российского и отечественного уголовного законодательства об ответственности за хулиганство, как выделял А.В. Рагулин, в целом носило эволюционный характер и прошло несколько этапов: догосударственный и раннегосударственный (X в.– середина XVII в.), институционализации уголовной ответственности за хулиганство (1649–1917 гг.), советский этап (1917–1996 гг.), постсоветский этап (1997–2003 гг.), современный этап (начиная с декабря 2003 г. и по настоящее время).

Хулиганство в качестве самостоятельного преступления впервые упоминается в советском законодательстве в Декрете СНК РСФСР от 04.05.1918 г. «О революционных трибуналах», наряду со шпионажем, погромами, взяточничеством, подлогами, неправомерным использованием советских документов. Хулиганство, согласно названному Декрету, имело в то время политическое содержание.

После окончания гражданской войны подход к определению хулиганства изменился, оно перестало представлять собой форму классово-контрреволюционного сопротивления. Статья 176 Уголовного кодекса РСФСР в редакции 1922 г. определила хулиганство как «озорные, бесцельные, сопряженные с явным проявлением неуважения к отдельным гражданам или обществу в целом действия». Постановлением ЦИК Белоруссии от 24.06.1922 г. действие Уголовного кодекса РСФСР с 1 июля 1922 г. было распространено и на территории Белоруской СССР. В последующем понятие хулиганства неоднократно изменялось. Так, постановлением ВЦИК от 16.10.1924 г. оно определялось как «озорные, сопряженные с явным неуважением к обществу действия, в частности буйство и бесчинство». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10.08.1940 г. «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство», не раскрывая понятия хулиганства, предусматривал лишь наказуемость хулиганских

действий, совершенных на предприятиях, в учреждениях и общественных местах. В соответствии с этим Указом стали применяться статьи уголовных кодексов союзных республик, предусматривающие ответственность за хулиганство.

В соответствии с Уголовным кодексом БССР 1960 г., под хулиганством понимались умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок, регулируемый правилами социалистического общежития, связанные с проявлением явного неуважения к обществу. После внесения изменений в ст. 201 названного кодекса хулиганство определялось как умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу. Преступления против общественного порядка и общественной нравственности включены в гл. 30 Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г. (далее – УК Республики Беларусь).

Статья 339 УК Республики Беларусь раскрывает понятие уголовно наказуемого хулиганства и перечисляет признаки простого хулиганства. В соответствии с ч. 1 ст. 339 УК Республики Беларусь хулиганство представляет собой «умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу, сопровождающиеся применением насилия или угрозой его применения либо уничтожением или повреждением чужого имущества либо отличающиеся по своему содержанию исключительным цинизмом».

Таким образом, на протяжении всей истории развития человечества преступления и правонарушения против общественного порядка всегда находились в поле зрения как законодателя определенной исторической эпохи и страны, так и правоприменительной практики. На понятие хулиганства, на его юридическое содержание также оказывали влияние и исторические события, происходящие в стране в определенный промежуток времени. Так, в первые годы советской власти хулиганство рассматривалось не только как преступление против общественного порядка, но и как определенная форма контрреволюционной деятельности. В настоящее время хулиганство является самостоятельным составом преступления против общественного порядка в уголовных кодексах всех стран СНГ. Однако законодательное закрепление хулиганства не решило проблем, возникающих при квалифика-

ции данного состава преступления. В настоящее время хулиганство относится к наиболее опасным и распространенным преступлениям против общественного порядка и общественной нравственности, нередко способствующим совершению более тяжких преступлений: нанесению телесных повреждений, грабежам, разбоям, изнасилованиям, убийствам.

КРИМИНАЛЬНОЕ БАНКРОТСТВО: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Криштапович Н. Е.

Понятие криминального банкротства отсутствует в законодательстве Республики Беларусь. Упоминание о нем встречается разве что в международном законодательстве. В Модельном Законе «Об обеспечении безопасности крупных спортивных мероприятий», принятом на 45-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств–участников СНГ, среди угроз безопасности крупного спортивного мероприятия в экономической сфере, в частности, упоминается криминальное банкротство предприятий, привлекаемых к строительству объектов крупного спортивного мероприятия.

Данный термин употребляется и учеными в области уголовного права и описывает группы общественно опасных деяний, связанных с созданием или увеличением неплатежеспособности должников либо совершенных в условиях их неплатежеспособности, имеющей или приобретающей устойчивый характер. Предметом криминальных банкротств обычно выступают имущество, имущественные обязательства, бухгалтерские и иные учетные документы.

Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 13.07.2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» под экономической несостоятельностью понимается неплатежеспособность субъекта хозяйствования, имеющая или приобретающая устойчивый характер, признанная решением экономического суда об экономической несостоятельности с санацией должника. В той же статье банкротство определяется как неплатежеспособность субъекта хозяйствования, имеющая или приобретающая устойчивый характер, при-

знанная решением экономического суда о банкротстве с ликвидацией должника-юридического лица, прекращением деятельности должника-индивидуального предпринимателя.

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее - УК) содержит четыре статьи, которые характеризуют составы «банкротных» преступлений (ст. 238–241 УК). Эти преступления являют собой создание либо увеличение неплатежеспособности, совершаются в условиях неплатежеспособности, имеющей или приобретающей устойчивый характер. Поскольку последнее является признаком банкротства, такие преступления нередко определяют как криминальное банкротство.

Можно отметить некоторые особенности преступлений из группы криминального банкротства. Так, сокрытие банкротства, преднамеренное банкротство и препятствование возмещению убытков кредитору предполагают последствия (причинение ущерба в крупном или особо крупном размере). Таким образом, состав вышеуказанных преступлений материальный. Ложное банкротство может существовать и с формальным составом преступления. Сокрытие банкротства и препятствование возмещению убытков кредитору предполагают наличие неплатежеспособности организации-должника, имеющей или приобретающей устойчивый характер. В случае ложного банкротства подобный факт отсутствует. Преднамеренное банкротство непосредственно связано с фактом создания либо увеличения неплатежеспособности организации-должника.

Сокрытие банкротства, преднамеренное банкротство, препятствование возмещению убытков кредитору могут существовать вне зависимости от факта возбуждения дела о банкротстве организации-должника. Нередко недобросовестные должники пытаются заключить с организациями-кредиторами договоры о рассрочке оплаты долга, возложении обязательств на третье лицо, переводе долга с целью якобы оплатить имеющуюся задолженность, однако на деле прописывая и согласовывая с организациями-кредиторами формулировки в договоре, по которым просматривается намерение организации-должника представить ситуацию, как препятствование возмещению убытков кредитору (например, «с целью недопущения банкротства должника», «с согласия кредитора»; как правило, в преамбуле договора). В случае доказывания инициативы организации-должника на подписание по-

добного договора, думается, уголовная ответственность руководителя и главного бухгалтера организации-кредитора по ст. 241 УК наступать не должна. Вместе с тем в таких случаях следует задуматься о наличии умысла на подобные действия штатных работников организации-кредитора, не увидевших это в проекте договора, и изучить порядок исполнения ими своих должностных обязанностей. В отличие от трех вышеперечисленных «банкротных» преступлений ложное банкротство может иметь место лишь по итогам рассмотрения судом дела о банкротстве организации-должника, возбужденного на основании поданных такой организацией документов с обязательным уведомлением всех организаций-кредиторов о подаче такого заявления.

Для рассмотрения упомянутых деяний в качестве уголовных преступлений следует установить наличие умысла на их совершение, а также целей, поименованных в диспозициях ст. 238–241 УК.

Сложностью в квалификации деяний из группы криминального банкротства является отнесение таковых к преступлениям либо правонарушениям. Так, не являются преступлением действие или бездействие, формально содержащие признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК, однако в силу своей малозначительности, не обладающие общественной опасностью, присущей преступлению. Согласно ч. 4 ст. 11 УК малозначительным признается деяние, не причинившее, по своему содержанию, а также своей направленности не могшее причинить существенного вреда или ущерба охраняемым уголовным законом интересам. Вместе с тем понятие ущерба в законодательстве Республики Беларусь раскрыто, пожалуй, лишь в ч. 2 ст. 14 Гражданского кодекса Республики Беларусь. Методика определения размера вреда (в том числе реального ущерба) противоправными действиями установлена соответствующим Положением, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 07.12.2006 г. № 1001. Так, п. 4 названного Положения устанавливает порядок определения вреда в семи разных случаях его возникновения, однако порядок его взыскания оставляет на усмотрение законодателя. Также документом предусмотрено, что размер вреда определяется при осуществлении контроля организаций в форме проверок в соответствии с Положением о порядке организации и проведения проверок, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 16.10.2009 г. № 510, если иной порядок

не установлен законодательными актами. Следует предложить определить иное в законодательных актах меньшей юридической силы для создания возможности установления причиненного физическим лицам, юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям вреда (ущерба), а также в целях правильной квалификации деяний правоохранительными органами.

Возможность определения размера ущерба (вреда), как это предусмотрено п.7 и п. 24 Инструкции о порядке определения наличия (отсутствия) признаков ложной экономической несостоятельности (банкротства), преднамеренной экономической несостоятельности (банкротства), сокрытия экономической несостоятельности (банкротства) или препятствования возмещения убытков кредитору, а также подготовки экспертных заключений по этим вопросам, утвержденной постановлением Министерства экономики Республики Беларусь от 04.12.2012 г. № 107, антикризисным управляющим, председателем ликвидационной комиссии, управляющим по банкротству, экспертом в данной области представляется теоретической. Негативным является тот момент, что размер ущерба, причиненного организациям-кредиторам, устанавливается только по завершении ликвидационного производства. К этому времени имущества у организации-должника больше не остается, требования кредиторов не могут быть удовлетворены. Данное положение дел связано с отсутствием конкретных методик определения размера ущерба, которую, по нашему мнению, следовало бы разработать Министерству экономики Республики Беларусь в качестве Приложения к уже существующей Инструкции.

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ КАК ВИД УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Марачёва В. М.

Смертная казнь представляет собой один из самых древних видов наказания, который человечество использует на протяжении тысячелетий. Истоки данного явления лежат в обычае кровной мести, когда убийство себе подобного несло характер справедливого возмездия. Несмотря на то, что цивилизация прошла сложный и длительный путь развития, сделала значительные шаги в области назначения и исполне-

ния наказаний, постигла истину, что жизнь – это неотъемлемое право каждого человека, непосредственно закрепленное в конституции, смертная казнь как исключительная мера уголовного наказания присутствует в законодательстве многих стран, в том числе и в ст. 59 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК).

Заметим, что проблема смертной казни – это проблема не только одного из видов уголовного наказания, поскольку ее назначение и исполнение затрагивают многие социально-правовые, политико-экономические, нравственно-психологические и иные сферы общественной жизни.

С древнейших времен определяющей сущностью смертной казни являлась кара. Действительно, в смертной казни кара проявляется максимально, так как у осужденного отнимается жизнь, а, следовательно, и все другие права и свободы. Но это происходит лишь после приведения приговора в исполнение. Необходимо отметить, что согласно ст. 449 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь и ст. 175 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (УИК) осужденный всегда имеет право обжаловать приговор в порядке, установленном указанным законодательством. Смертная казнь, бесспорно, является самым суровым наказанием для осужденного, так как лишает его наиболее ценного – жизни. Кроме того, и для родственников осужденного такой приговор несет последующие тяжкие страдания.

Смертная казнь в Беларуси может быть назначена только за деяния, предусмотренные в Особенной части УК, к которым, например, относятся: измена государству; заговор с целью захвата государственной власти неконституционным путем; захват власти путем, повлекшим гибель людей; террористический акт; диверсия; бандитизм; умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах; посягательство на жизнь работника милиции и иных лиц в связи с выполнением ими функций по охране общественного порядка при отягчающих обстоятельствах и др. В этом заключается исключительность смертной казни как уголовно-правовой санкции.

В рамках аналитического подхода к проблеме смертной казни правомерно поставить несколько вопросов, в частности: решает ли смертная казнь задачу обезопасить общество от совершения преступ-

лений, которые преступник мог бы совершить в дальнейшем? Либо, может, чтобы не совершалось повторных тяжких преступлений, следует раз в год приводить в исполнения приговор публично? Или же, наоборот, наше государство должно вовсе отказаться от исключительной меры наказания и как альтернативу использовать пожизненное заключение? Однако можно ли назвать «гуманной» мерой пожизненное заключение, и какие цели ставит общество и государство перед данной мерой? Ведь, если лицо перевоспитано, его необходимо освободить из мест лишения свободы, а не держать там всю жизнь. К тому же можно лишь условно говорить, что пожизненным заключением обеспечивается безопасность общества, поскольку рано или поздно осужденный достигнет того возраста, когда его общественная опасность будет равняться нулю. Из сказанного следует, что пожизненное заключение вряд ли является альтернативной или более гуманной мерой наказания, нежели смертная казнь.

Отметим, что на сегодняшний день в мире наиболее распространены шесть различных видов смертной казни: расстрел; повешение; смертельная инъекция; электрический стул; обезглавливание; побивание камнями. В Республике Беларусь согласно ст. 175 УИК применяется расстрел приговоренного к смертной казни. В день казни смертников в Беларуси проводят по одному через подземный переход, зачитывают отказ Президента Республики Беларусь в помиловании, уточняют анкетные данные, завязывают глаза и уводят в соседнее помещение. По сигналу двое сотрудников следственного изолятора опускают приговоренного на колени, затем исполнитель стреляет в затылок. Полагаем, что вышеприведенный способ приведения приговора о смертной казни в исполнение является не соответствующим требованиям времени. На наш взгляд, целесообразно в подобных ситуациях применять смертельную инъекцию или ввести новый вид смертной казни – например, посредством донорства.

Заметим, что мировое сообщество на современном этапе находится в заключительной стадии борьбы за гендерное равенство. Вместе с тем в нашей стране смертная казнь применяется только к мужчинам, в то время как даже в СССР были случаи казни женщин. Считаем, что с учетом международных принципов гендерного равенства имеет-

ся необходимость установить смертную казнь и для женщин за определенные преступления.

В дискуссиях о смертной казни ее сторонники и противники во главу угла ставят утилитарный аспект, задаваясь принципиальным вопросом: зачем смертная казнь нужна вообще? Вместе с тем, высказываясь «за» смертную казнь или «против» нее, мы отражаем не только уголовно-правовую проблему, но и собственную гражданскую позицию. Автор данной статьи - «за» смертную казнь, потому что, как представляется, человек, с особой жестокостью отнявший, например, чужую жизнь, в принципе недостоин жить сам и тем более находиться в пожизненном заключении, состоя на полном обеспечении государства. Вместе с тем подчеркнем, что вопрос о принципиальном сохранении либо окончательной отмене смертной казни всегда будет оставаться остро дискуссионным.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Минтель А. В.

История развития законодательства, регулирующего общественные отношения в сфере высоких технологий, неразрывно связана с появлением и совершенствованием компьютеров и глобальной сети Интернет. Первым исследованием, подтолкнувшим развитие сетевых технологий, стало «Galactic Network» Джона Ликлайдера, написанное в 1962 г., где описывалась возможность появления в будущем глобальной сети, подключиться к которой сможет любой желающий. До недавнего времени ни в одном из уголовных кодексов союзных республик невозможно было найти главу под названием «Компьютерные преступления» или «Информационная безопасность».

Информационная безопасность представляет собой защищенность информационных ресурсов, открытого доступа к любому источнику информации отдельных граждан, общественных организаций, государства в целом, а также является компонентом военной безопасности.

Происходящие в настоящее время процессы преобразования в политической жизни и экономике Республики Беларусь оказывают непосредственное влияние на состояние национальной безопасности нашего государства. При этом возникают принципиально новые факторы, которые необходимо учитывать при оценке реального состояния информационной безопасности и определения ключевых проблем. Негативные последствия деструктивного применения информационных технологий преступниками и террористами, а также отдельными государствами для решения военно-политических задач затрагивают интересы многих стран, приобретая глобальный характер.

Большинство социальных, политических, экономических, технологических и иных процессов, протекающих в обществе, генерируют и потребляют широкий спектр информации. Соответственно, они зависят от качества, актуальности и достоверности этой информации. А эти показатели, в свою очередь, напрямую зависят от того, насколько безопасна информационная подсистема, обеспечивающая требуемый процесс. Факторы, подлежащие учету при оценке состояния информационной безопасности, с достаточной степенью условности, можно разделить на социально-политические, экономические и организационно-технические.

Социально-политическими факторами являются уровень правовой и информационной культуры населения Республики, рост числа преступлений в информационной сфере. Среди экономических факторов, наиболее существенными являются появление множества коммерческих структур в Республике Беларусь, в том числе и с участием зарубежного капитала, состояние отечественных отраслей промышленности, разрабатывающих и производящих средства информатизации и защиты информации. К организационно-техническим факторам относятся непоследовательность развития и недостаточная разработанность нормативной правовой базы в сфере информационных правоотношений, уровень регулирования государством процессов функционирования и развития рынка средств информатизации, широкое использование в сфере государственного управления незащищенных от утечки информации программных средств и др.

В настоящее время определяющим фактором для информационной безопасности республики является активное внедрение информа-

ционных технологий во все сферы жизнедеятельности общества, в первую очередь в республиканские органы государственного управления и кредитно-финансовую сферу, представляющие собой совокупность программных и технических средств, объединенных структурно и функционально для решения задач передачи и обработки информации.

Государственная политика обеспечения информационной безопасности Республики Беларусь определяет основные направления деятельности органов государственной власти, субъектов государственного управления, порядок закрепления их обязанностей по защите интересов страны в информационной сфере в рамках направлений их деятельности и базируется на соблюдении баланса интересов личности, общества и государства в информационной сфере.

Государственное регулирование в сфере информатизации имеет целью формирование и развитие информационной инфраструктуры государства с учетом современных мировых тенденций совершенствования информационных технологий, информационное обеспечение социального и экономического развития страны, национальной безопасности.

Государственная политика обеспечения информационной безопасности Республики Беларусь базируется на следующих основных принципах:

– соблюдение Конституции и законодательства Республики Беларусь, общепризнанных принципов и норм международного права при осуществлении деятельности по обеспечению информационной безопасности;

– правовое равенство всех участников процесса информационного взаимодействия, основывающееся на праве граждан на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации любым законным способом;

– приоритетное развитие отечественных современных информационных технологий, производство технических и программных средств, способных обеспечить совершенствование национальных сетей, их подключение к глобальным информационным сетям в целях соблюдения жизненно важных интересов Республики Беларусь.

Первоочередными мероприятиями по реализации государственной политики обеспечения информационной безопасности Республики Беларусь являются: разработка и внедрение механизмов реализации правовых норм, регулирующих отношения в информационной сфере, подготовка концепции правого обеспечения информационной безопасности Республики Беларусь; принятие и реализация программ, предусматривающих обеспечение доступа к открытым информационным ресурсам, архивным материалам, иной социально значимой информации; повышение правовой культуры и компьютерной грамотности граждан; комплексное противодействие угрозам информационной войны; пресечение компьютерной преступности; системы подготовки кадров в области обеспечения информационной безопасности; участие Республики Беларусь в международных соглашениях, в создании и использовании межгосударственных глобальных информационных сетей и систем.

Президент Республики Беларусь в соответствии с Конституцией Республики Беларусь и иными законодательными актами определяет единую государственную политику и осуществляет иное государственное регулирование в области информации, информатизации и защиты информации.

Совет Министров Республики Беларусь в области информации, информатизации и защиты информации обеспечивает проведение единой государственной политики, координирует, направляет и контролирует работу республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь, утверждает государственные программы, если иное не предусмотрено законодательными актами Республики Беларусь, и обеспечивает их реализацию, осуществляет иные полномочия, возложенные на него Конституцией Республики Беларусь, настоящим Законом, иными законами Республики Беларусь и актами Президента Республики Беларусь.

Иные государственные органы в пределах своих полномочий в области информации, информатизации и защиты информации участвуют в реализации единой государственной политики, формируют и используют информационные ресурсы, создают и развивают информационные системы и сети, обеспечивают их совместимость и взаимо-

действие в информационном пространстве Республики Беларусь, осуществляют техническое нормирование и стандартизацию в области информационных технологий, информационных ресурсов, информационных систем и сетей.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ОБ УБИЙСТВЕ, СОВЕРШЕННОМ В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА

Мшар А. Ю.

Главной задачей любого государства является охрана жизни человека, и естественно, что за лишение этого права виновное лицо должно нести строжайшую ответственность. Это в полном объеме относится к лицам, виновным в совершении посягательств на жизнь другого человека. Статья 139 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) устанавливает ответственность за убийство как за самостоятельное преступление против человека. Основной состав убийства закреплен в ч. 1 ст. 139 УК Республики Беларусь и именуется основным, поскольку не содержит в себе ни квалифицирующих, ни привилегирующих обстоятельств. Привилегированный состав убийства наряду со всеми признаками основного состава дополнительно включает в себя привилегирующие обстоятельства, каждое из которых указано в отдельных статьях: убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 140 УК Республики Беларусь); убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст. 141 УК Республики Беларусь); убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 142 УК Республики Беларусь); убийство при превышении пределов необходимой обороны (ст. 143 УК Республики Беларусь).

Среди привилегированных составов убийств особая роль отводится убийству в состоянии аффекта, в рамках которого виновный действует в особом психическом состоянии, а потерпевший сам провоцирует действия виновного.

Как и другие сферы жизнедеятельности современного общества, право подвержено влиянию процессов интеграции и глобализации.

Процессы взаимного влияния и проникновения в национальных правовых системах протекают все более активно. Поэтому особую важность имеет подробное изучение зарубежного уголовного законодательства, его анализ, поиск особенностей и отличий от отечественного.

Как справедливо отмечается Дж.П. Флетчером, «между различными системами уголовного права на самом деле существует гораздо больше общего, чем мы привычно полагаем. Для того чтобы выявить это, надо отвлечься от частностей и лингвистической пестроты в уголовных кодексах. Скрытое единство не лежит на поверхности, а находится под глубоким пластом законодательных положений и судебных решений и проступает в ходе дискуссий, ведущихся практически в каждой стране, имеющей свою правовую культуру. Разные страны могут находить различные ответы, трактуя исходные категории, но такие решения, составляющие поверхностный слой права, не должны затмевать несомненное единство, лежащее в основе правовых культур».

С научно-познавательной стороны изучение зарубежного уголовного законодательства дает возможность теоретически осмыслить ведущие закономерности его развития, лучше освоить свое национальное право. Сравнительное уголовное право расширяет научное мировоззрение, повышает правовую культуру, позволяет получить более глубокое представление о новых чертах и тенденциях развития основных правовых систем современности.

В свете сказанного, обратимся к рассмотрению уголовного законодательства ФРГ. § 213 Уголовного кодекса этой страны закрепляет понятие «менее тяжкий случай убийства». Ответственность при наличии такового смягчается, «если тот, кто совершил убийство, при отсутствии вины с его стороны, был приведен в ярость жестоким обращением с ним или с его родственником или тяжким оскорблением со стороны убитого человека и совершил деяние на месте, где он был спровоцирован…». Следовательно, законодатель рассматривает убийство, совершенное лицом в состоянии «оправданного» аффекта, вызванного гневом, при этом ярость виновного, убийство, вызваны поведением потерпевшего. Существенным пробелом данной нормы, по нашему мнению, является ограниченный перечень противоправных или аморальных действий (бездействия) потерпевшего, которыми мо-

жет быть вызвано состояние аффекта. Помимо этого, недочет законодателя, как нам кажется, заключается в том, что Уголовный кодекс ФРГ предусматривает только один вид аффекта - гнев-ярость, хотя само состояние «оправданного» аффекта может возникнуть в связи с другими чувствами (ненависть, отчаяние).

Научный интерес представляет Уголовный кодекс Австрии, который предусматривает термин «всем понятного душевного переживания». Совершение убийства под влиянием «всем понятного душевного переживания» наказывается лишением свободы сроком от пяти до десяти лет, то есть указанное убийство рассматривается как менее тяжкое. В ст. 113 Уголовного кодекса Швейцарии («убийство в состоянии аффекта») законодатель формулирует ответственность за убийство «при наличии извиняющих обстоятельств», то есть «находясь в состоянии сильного душевного волнения или под воздействием сильной психотравмирующей ситуации».

Сравнивая законодательство Австрии и Швейцарии, необходимо отметить, что в ст. 113 Уголовного кодекса Швейцарии говорится о «сильном душевном волнении» (аффекте), которое оценивается вне зависимости от того, чем или кем оно было вызвано, чего нельзя сказать об уголовном законодательстве Австрии. Наряду с этим «или» здесь же в качестве альтернативы указанному «извиняющему обстоятельству» называется убийство «под воздействием сильной психотравмирующей ситуации».

В ст. 141 УК Республики Беларусь в отличие от схожей нормы Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК Российской Федерации) вместо слов «иными противозаконными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего» в качестве повода, который вызвал у виновного «состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения», после слов «иными противозаконными или…» предусмотрено слово «грубыми» и далее по тексту «аморальными действиями потерпевшего…». Такой формулировкой законодатель будто бы подчеркивает оправданность (моральную и психологическую) появления у виновного ярости, гнева, ненависти, т.е. определенной эмоциональной реакции, вызванной грубой провокацией. Такой подход близок к подходу законодателей ФРГ. Обратим внимание на то, что в ст. 141 УК Республики Беларусь так же, как и в ст. 107 УК Российской

Федерации, в качестве самостоятельного обстоятельства, способного вызвать «состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения», названа «длительная психотравмирующая ситуация», которая создается в результате «систематического противоправного или аморального поведения потерпевшего». Однако подобная ситуация вызвана определенными провокационными действиями (бездействием) самой жертвы и подразумевает накопление эмоциональной энергии в психике виновного. Самостоятельно подобная ситуация не может быть основанием (извинительным обстоятельством), которое бы вызывало состояние так называемого «оправданного» аффекта. Необходимо внешнее воздействие, какие-либо слова, действия потерпевшего, вызвавшие раздражение, и приведшие к срыву в социально-значимом поведении человека. Должен иметь место поступок провокационного характера.

Существенной отличительной чертой УК Российской Федерации является и то, что в отличие от УК Республики Беларусь он предусматривает квалифицированный вид данного убийства: «убийство двух или более лиц в состоянии аффекта».

В заключении отметим, уголовное законодательство Республики Беларусь об убийстве, совершенном в состоянии аффекта, на фоне других государств выглядит достаточно сбалансированным. Однако для его развития и усовершенствования анализ зарубежного законодательства должен быть неотъемлемой частью деятельности правотворческих и правоприменительных органов.

О СУБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 235 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Новикова Е. В.

В судебной практике и в доктрине уголовного права существуют разночтения, касающиеся ответа на вопрос о том, может ли исполнитель основного преступления быть субъектом легализации («отмывания») средств, полученных преступным путем. В частности, можно встретить утверждения о том, что признание указанного лица субъек-

том преступления, предусмотренного ст. 235 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), необоснованно, так как ведет к повальному привлечению к уголовной ответственности за легализацию преступного дохода всех виновных в его получении, которые им так или иначе распорядились. Позволим себе категорически не согласиться с указанным утверждением и предложим следующие аргументы в поддержку своей позиции.

Для правильного применения ст. 235 УК необходимо исходить из сути (содержания) данного преступления, которая не всегда прямо вытекает из текста закона. Следует понимать, что легализация (отмывание) преступных доходов является серьезным коррупционным преступлением (части 2 и 3) международного характера, общественная опасность которого заключена, в первую очередь, в цели. Именно цель составляет суть уголовной противоправности этого преступления – придать преступному доходу правомерный вид, сделать «черное» «белым», замаскировать преступный доход для включения его в гражданский оборот. И не имеет значение, кто это сделает (исполнитель основного преступления или иное лицо). Это особый механизм утаивания преступного дохода, и не любая сделка вписывается в этот механизм. Нельзя согласиться с упрощенным пониманием сути этого преступления и сравнивать его, например, с преступлением, предусмотренным ст. 236 УК, которое имеет совершенно другое сущностное содержание.

Можно спрогнозировать встречное возражение о том, что, мол, любой преступник будет стремиться утаить совершенное преступление. Да, это так. Но далеко не во всех случаях, а правильнее сказать даже и о том, что в редких случаях, удастся установить цель утаивания, являющуюся обязательным признаком анализируемого состава преступления. Указанная цель должна устанавливаться из характера финансовой операции (например, использование подставных лиц при сделке, совершение сделки без реальных расчетов, использование офшоров, использование фиктивных договоров и т.п.). Именно здесь проходит грань, которая отсекает примитивное распоряжение, и появляется новый уровень общественной опасности.

Таким образом, речь идет не об автоматическом привлечении каждого лица к ответственности, которое примитивно распорядилось

доходом, а о сознательном процессе маскировки связи между источником преступного дохода и самим доходом, в результате чего он становится частью экономического оборота страны.

Нельзя не учитывать и статистический аспект рассматриваемой проблемы. По данным международных экспертов около 40 % мирового экономического оборота составляют «грязные» деньги. Преступник, в том числе и исполнитель основного преступления, не просто использует эти средства для своих нужд, а сознательно пускает их в гражданский оборот, легализует, чтобы придать им вид законно заработанных (приобретенных) доходов, повысив свой социальный статус, легально став обеспеченным человеком.

В качестве одного из контраргументов отстаиваемой нами позиции можно услышать, что в данном случае мы имеем дело с посткриминальным поведением виновного. Возможно. Но посткриминальное поведение представляет собой широкое понятие, в рамках которого возможны самостоятельные общественно опасные проявления. Главное, что это посткриминальное поведение приобретает характер нового общественно опасного поведения, чего мы игнорировать не имеем права. И эта общественная опасность никуда не исчезает и никак не деформируется в случаях совершения легализации исполнителем основного преступления.

При отрицании изложенной позиции возникает целый ряд вопросов квалификационного порядка. Например, как оценить ситуацию, при которой вымогатель совершает финансовую операцию, а ему кто-то сознательно помогает, зная об источнике. Или жена склоняет мужа на заключение фиктивной сделки с целью сокрытия преступно полученного им дохода. Или, как быть, если установлен и доказан факт участия в легализации лица, при этом то, что он является и исполнителем основного преступления выясняется значительно позже.

В связи с рассматриваемой проблемой необходимо вспомнить ч. 2 ст. 3 УК, которая гласит: «Нормы Кодекса подлежат строгому толкованию». Часть 3 примечания к ст. 235 УК не дает оснований для иных интерпретаций.

Важен исторический аспект проблемы. Как известно в 2015 г. уголовный закон был подвергнут корректировке, которая коснулась ст. 235 УК. Согласно новой редакции данной статьи было исключено

примечание к ней, по которому исполнитель основного преступления не признавался субъектом ст. 235 УК. То есть расширились пределы криминализации за счет введения ответственности за так называемое «самоотмывание». Указанное изменение УК произошло после вступления в силу Закона от 30.06.2014 г. «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения». Этот факт представляется важным, поскольку объясняет одну из причин появления новой редакции ст. 235 УК, заключающуюся в приведении в соответствие указанному Закону терминологию. Эта причина, хотя и значимая, но все же носящая «технический» характер. Причинами же содержательного характера послужила необходимость, во-первых, учесть опыт России и Казахстана по созданию уголовно-правовых средств противодействия отмыванию преступных доходов в целью гармонизации и унификации законодательства союзных государств. И, во-вторых, выполнить рекомендации межправительственной организации, которая занимается выработкой мировых стандартов в сфере противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма, а также осуществляет оценки соответствия национальных систем этим стандартам (FATF англ. Financial Action Task Force on Money Laundering). Ассоциированным членом FATF является Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма, куда входят девять государств, в том числе и Беларусь. С учетом международного характера рассматриваемого преступления, а также того, что значительное число финансовых операций носят транснациональный характер, чрезвычайно важным является создание условия для работы механизма возврата выведенных из национальной экономки средств, чтобы появилась возможность пустить их в легальный оборот. Надо понимать, что речь идет о сохранении капитала в стране и, в конечном итоге, поддержании международного имиджа страны, который способен пошатнуться в случае занесения Беларуси в «черный» список FATF. Правильное понимание и толкование сути уголовной противоправности преступления, предусмотренного ст. 235 УК, будет служить барьером указанного негативного развития событий.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ РЕЦИДИВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Плетенева Д. А.

Рецидив преступления, то есть совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за умышленное преступление, с очевидностью свидетельствует о серьезной деформации личности преступника. Это предполагает особое правовое регулирование уголовной ответственности лиц, допустивших рецидив. Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) предусматривает несколько уровней учета этого обстоятельства при назначении наказания или избрании иных мер уголовной ответственности. Решение этой задачи осуществляется посредством сочетания способов дифференциации и индивидуализации ответственности.

1. Обстоятельством, отягчающим ответственность, признается совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление (п. 1 ч. 1 ст. 64 УК). В данном случае закон говорит о повторности преступления в самом широком смысле слова, поэтому делается уточнение: «Суд вправе в зависимости от характера преступлений не признать это обстоятельство отягчающим». Очевидно, что такого права у суда нет, если повторность проявилась в форме рецидива.

2. Статья 65 УК устанавливает специальные правила назначения наказания за рецидив, когда учитываются количество, характер и степень общественной опасности ранее совершенных преступлений, обстоятельства, в силу которых исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным, а также характер и степень общественной опасности вновь совершенного преступления. Наиболее жесткие правила назначения наказания установлены ч. 2 ст. 65 УК применительно к опасному и особо опасному рецидиву, когда размер наказания при опасном рецидиве не может быть менее половины, а при особо опасном рецидиве – менее двух третей максимального срока наиболее строгого вида наказания.

3. В Особенной части УК повторность, включающая и рецидив, во многих случаях предусмотрена как квалифицирующее обстоятельство. Это могут быть такие формулировки как: преступление «совер-

шенное повторно» (в 67 нормах), деяние, «совершенное лицом, ранее совершившим…» (в 27 нормах).

4. Реже законодатель в качестве квалифицирующего признака предусматривает только признак рецидива: совершение преступления лицом «ранее судимым» (в 16 нормах).

В результате применения вышеназванных правил регламентации назначения мер уголовной ответственности при рецидиве, возникает определенный риск многократного учета этого обстоятельства при назначении наказания. Подобная ситуация возникла после вступления в силу действующего УК.

Например, суды назначали лицу, ранее судимому за кражу имущества, наказание за кражу, совершенную повторно, в пределах санкции ч. 2 ст. 205 УК с последующим применением правил ч. 2 ст. 65 УК. Очевидно, что названная санкция сконструирована с учетом повторности в широком смысле слова, то есть включающей и рецидив. Но в ч. 2 ст. 65 УК в первоначальной редакции предписывалось, что «срок наказания за рецидив не может быть менее половины… максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление». В результате двойного учета судимости как вида повторности и как простого рецидива диапазон санкции резко сужался. Часть 2 ст. 205 УК предусматривала что кража, совершенная повторно, – наказывается исправительными работами на срок до двух лет, или ограничением свободы на срок до пяти лет, или лишением свободы на срок от двух до пяти лет. После применения ч. 2 ст. 65 УК выбор суда ограничивался санкцией «лишение свободы на срок от двух лет шести месяцев до пяти лет». При такой дифференциации наказания для индивидуализации ответственности на основании общих начал назначения наказания (ст. 62 УК) оставался очень узкий выбор. Ситуация была исправлена Законом Республики Беларусь от 22.07.2003 г. № 227-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь», когда из ч. 2 ст. 65 УК было исключено специальное правило назначения наказания при простом рецидиве.

Таким образом, рецидив как квалифицирующий признак предусмотрен в 110 нормах УК. Такое решение законодателя представляется правильным. Но возникает вопрос: можно ли считать оптимальным

признание в качестве одного квалифицирующего обстоятельства двух разных ситуаций – повторности преступления при отсутствии судимости и повторности в качестве рецидива? Полагаем, что нельзя.

Есть два варианта выхода из этого положения. Первый – радикальный: отказаться от признака повторности преступления при отсутствии судимости, оставив в соответствующих частях статей УК признак рецидива – «совершение преступления лицом, ранее судимым за…». При этом повторность преступления при отсутствии судимости будет учитываться как отягчающее ответственность обстоятельство в процессе индивидуализации ответственности на основе ст. 62 УК. Подобный подход реализован в Уголовном кодексе Российской Федерации.

Второй вариант решения компромиссный. Предлагается разделить анализируемые обстоятельства на самостоятельные квалифицирующие признаки в отдельных нормах (например, в ч. 2 статьи – совершение преступления повторно, а в ч. 3 статьи – совершение преступления лицом, ранее судимым за такое же преступление). Такое решение, по нашему мнению, сделает закон оптимальным, но перенасыщенным квалифицирующими признаками (что на сегодняшний день уже имеет место). Представляется, что применение в качестве квалифицирующего обстоятельства признака повторности преступления при отсутствии судимости следуют свести к минимуму, ограничившись тяжкими насильственными преступлениями и иными особо тяжкими преступлениями.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Самсонов Н. В.

Исследование феномена коррупции дает основания рассуждать, что коррупционные отношения, выгодные для индивидуумов, неискоренимы. Являясь негативным социальным явлением, присущим всем государствам, и как «одно из древнейших явлений в системе общественных отношений коррупция представляет насущную и серьезную проблему практически для всех государств современного мира, среди

которых не более 25 способны ее удерживать на низком уровне», с учетом чего, система противодействия коррупции должна быть постоянной государственной функцией. В научной литературе справедливо отмечается, что «зарождение новых функций государства зависит от конкретных исторических условий, при которых структурные элементы общих функций могут приобретать самостоятельное значение, становясь в силу особой значимости самостоятельными функциями».

Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь, а также Законом Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» от 15.07.2015 г. № 305-З определены национальные приоритеты и направления борьбы с коррупцией. Согласно положениям данной Концепции антикоррупционная функция государства представляет собой совокупность действий, направленных на устранение коррупции и ее причин, нормализацию работы государственного аппарата. Антикоррупционную функцию «целесообразно рассматривать в подсистеме «обеспечение национальной безопасности», входящей в систему общесоциальных функций государства.

В юридической литературе антикоррупционная функция определяется как «деятельность государства и отдельных институтов гражданского общества, связанная с защитой общественных интересов, прав и свобод человека и гражданина, путем создания условий для самореализации личности, установления равенства и социальной справедливости, укрепления институтов демократии, обеспечения неотвратимости наказания за коррупционные действия». В общем смысле антикоррупционная функция государства представляет собой непосредственное вытеснение из жизни общества явлений коррупции на всех уровнях его организации.

Под понятием противодействие коррупции в литературе, в основном, понимают «процесс реализации мер, направленных на совершенствование антикоррупционного законодательства, причем вопросы правового регулирования борьбы с коррупцией выходят среди исследователей данной проблемы на первое место». Цель оптимизации системы противодействия коррупции – достижение и поддержание такого уровня сбалансированной ответственности за состояние антикоррупционной работы личности, общества и государства при котором обеспечивается реализация национальных интересов и их защищенность от

угроз, формирующихся под воздействием коррупциногенной обстановки.

Одну из эффективных антикоррупционных политик проводит КНР. Действенность используемых Китаем методов в настоящее время обусловлена видением китайского руководства причин роста коррупции в стране, как результата капитализации социалистической экономики, внедрения рыночных механизмов, а также влияния западного образа жизни на менталитет китайцев. Одним из способов борьбы с коррупцией, на практике подтвердившим свою эффективность, является ротация кадров во всех органах власти в основном за счет молодых и перспективных руководителей министерского и провинциального уровня – кадрового резерва для формирования следующего поколения руководителей КНР. Также в Китае борьба с коррупцией ведется путем этического воспитания общества, антикоррупционной пропаганды. Следует отметить, что в КНР за многомиллионные взятки предусмотрена такая мера как смертная казнь. В некоторых случаях казни совершаются публично в воспитательных целях.

В Сингапуре в отличие от хорошо известного юридического принципа презумпции невиновности специально для государственных служащих был введен противоположный юридический принцип – презумпция коррумпированности. Это означает, что в отличие от гражданина, заведомо ни в чем не виновного до тех пор, пока в суде не доказано обратное, государственный служащий при малейшем подозрении заведомо виновен – до тех пор, пока он не докажет свою невиновность. Например, если становится известным, что должностное лицо нарушило закон и предоставило кому-то необоснованную персональную льготу или преимущественное право, доказывать, что это было продиктовано коррупционным мотивом, прокурору не нужно – это подразумевается, как само собой разумеющееся. Обвиняемый же, если не хочет, чтобы его жизнь закончилась смертной казнью и позором для всей семьи на последующие поколения, должен суметь в суде сам доказать свою невиновность.

В Республике Корея отличительной особенностью законодательства является право начинать расследование о коррупции фактически любому совершеннолетнему гражданину страны. Работа по борьбе с коррупцией основана на заявлениях граждан или обществен-

ных организаций, которые направляются в оперативно-консультационный центр (по телефону, факсу, электронной почте). Заявления о случаях коррупции подтверждаются более чем в 70 % случаев. В случае доказательства фактов коррупции заявившему человеку выплачивается вознаграждение в размере от 2 до 10 % от суммы взятки.

В США в конце 1960–х гг. ФБР была разработана и успешно осуществленная операция под названием «Шейх и пчела». Агенты ФБР внедрялись в коррупционные сети под видом посредников арабских миллионеров и предлагали высокопоставленным государственным служащим и конгрессменам большие взятки за продвижение их коммерческих интересов. Операция вошла в учебники ФБР США как пример успешной борьбы с «беловоротничковой» преступностью.

На наш взгляд, использование правоохранительными органами метода провоцирования на коррупционные действия при условии закрепления в трудовом контракте чиновника возможности использования данной технологии (без уголовно-правовых последствий) вполне могла быть применима в Республике Беларусь и стать эффективной мерой, способствующей именно предупреждению коррупции.

Так, бывший начальник ГУВД Санкт–Петербурга и Ленинградской области В. Петухов, ссылаясь на зарубежную практику, призывал признать за оперативными органами «право на провокацию», а заместитель председателя Комитета по безопасности, один из руководителей Комиссии по борьбе с коррупцией Государственной Думы Федерального Собрания РФ А. Александров, избегая употребление слова «провокация», утверждал, что «проверка на честность» государственных и муниципальных служащих путем предложения им «взятки» не противоречит ни правовым, ни нравственным нормам.

Стран, где коррупции не было бы вовсе, наверное, нет. Просто необходимо различать низовую коррупцию, когда государственные служащие берут взятки у граждан, и коррупцию на высшем уровне, когда крупный государственный служащий получает вознаграждение, например, за распределение государственных заказов или проталкивание выгодных кому-то законов.

Подводя итог, следует отметить, что вышеуказанные меры не являются исчерпывающими или истиной в последней инстанции. Од-

нако их «комплексное осуществление способно в любом государстве превратить коррупцию из приносящей высокие доходы и не сопряженную с большим риском деятельность в приносящее низкие доходы и сопряженное с большим риском занятие».

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Чаплыгина Д. О.

Понятие «рецидив» происходит от латинского - recidivus, что в переводе означает «повторение явления после его кажущегося исчезновения». К рецидивным преступлениям относятся все преступления, совершенные лицами, ранее совершавшими преступления, в случае если прежние преступления известны правоохранительным органам и стали предметом их основанного на законе реагирования.

Причины и условия рецидивной преступности включают в себя две группы криминогенных факторов: 1) объективные, охватывающие широкий спектр организационных, правовых, воспитательных мер; 2) субъективные, характеризующие личность рецидивиста. И для этой преступности наиболее важными, преобладающими выступают именно субъективные условия, поскольку преступник-рецидивист совершает преступления не только под влиянием объективных условий, но и из-за антиобщественной направленности личности. Зачастую они сами создают объективные условия для совершения преступлений.

К числу причин рецидивной преступности можно отнести такие неблагоприятные условия, как: криминогенная семья, отношения с лицами, ведущими антисоциальный образ жизни. То есть обстоятельства, которые привели к рецидиву, - это обстоятельства, которые имели место, как до первой судимости лица, так и до применения альтернативных мер наказания, продолжались и возобновлялись после отбытия наказания.

Непосредственной причиной любых преступлений являются антиобщественные взгляды и привычки виновных. Поэтому те недостатки деятельности государственных и общественных организаций по борьбе с преступностью, которые усугубляют антиобщественные

взгляды и привычки осужденных, должны быть отнесены к причинам рецидивной преступности. Недостатки деятельности государственных и общественных организаций по борьбе с преступностью, не оказывающие такого влияния на антиобщественные взгляды и привычки осужденных, но создающие благоприятную обстановку для совершения ими новых преступлений, относятся к условиям рецидивов преступлений.

Недостатки в деятельности государственных органов, связанные с осуждением за предшествующие рецидивам преступления, разнообразны по содержанию и отрицательному влиянию на рецидивную преступность. К данной группе недостатков относятся: низкая раскрываемость преступлений; факты необоснованного освобождения от уголовной ответственности и наказания; назначение необоснованно мягких или излишне суровых наказаний; ошибки при избрании мер пресечения и факты слабого контроля за осужденными, содержащимися под стражей.

Наиболее способствует рецидивной преступности низкая раскрываемость преступлений. Речь идет о фактах безнаказанности самого осужденного, а также других лиц. Сознание возможности избежать ответственности за преступления укрепляет антиобщественные взгляды и привычки виновных. Не подлежит сомнению прямая связь между уровнем раскрываемости преступлений и состоянием преступности вообще и рецидивной в особенности. Необоснованное, т.е. вопреки целям общего и специального предупреждения преступлений, освобождение виновных от уголовной ответственности или наказания способно поощрить антиобщественные элементы, особенно если они - рецидивисты, на совершение новых преступлений.

Назначение судами необоснованно мягких наказаний может быть обусловлено и недостатками самого законодательства, что выявляется длительным изучением судебной практики и ее научным обобщением. На состояние рецидивной преступности отрицательно сказываются и факты назначения излишне суровых наказаний. Они могут озлобить осужденных и послужить одной из специфических причин рецидивной преступности.

Существенным условием рецидивов преступления, как пишет Н.Ф. Кузнецова, является то, что государственные и общественные

организации слабо работают над вовлечением освободившихся из мест лишения свободы лиц в здоровую в моральном отношении среду, над изоляцией их от влияния антиобщественных элементов. После отбытия наказания осужденных встречает, как правило, враждебное, в лучшем случае настороженное, отношение со стороны окружающих. Оно вполне объяснимо: перед ними человек, причинивший обществу вред, нередко тяжкий и не поправимый. Без целеустремленной работы с отбывшими наказание лицами невозможно обезопасить их от пагубного общения с антиобщественными элементами. Объясняя причины рецидивов преступлений, осужденные признают, что встречая настороженное к себе отношение, они начинают искать общения среди себе подобных, а это приводит к совместному распитию спиртного и заканчивается рецидивами преступлений.

Для нашего общества важнее предупредить рецидивы преступлений, нежели применять к виновным суровые меры уголовной ответственности. Предупреждение рецидивов преступлений имеет ту особенность, что помимо общих профилактических мер, оно предполагает осуществление мер, направленных на искоренение перечисленных выше специфических причин и условий рецидивов преступлений.

Рецидивная преступность является следствием общих процессов детерминации и причинности преступности в конкретных временно-пространственных границах; одновременно на нее оказывают сильное влияние процессы самодетерминации преступности в соответствующих условиях. Можно сказать, что рецидивная преступность наиболее концентрированно выражает негативные процессы, происходящие в преступности.

Рецидив преступления является наиболее опасной формой преступной деятельности. Факт рецидива свидетельствует, что крайняя мера воздействия – уголовное наказание - не достигла предупредительной цели. Неоднократное совершение преступлений свидетельствует о постоянном нежелании лица вести общественно полезный образ жизни. Тот факт, что лицо совершает новое преступление уже при наличии судимости (или даже судимостей), лишь подчеркивает привычный для него общественно опасный характер поведения.

По справедливому мнению Г.А. Аванесова, проблема рецидивной преступности – это, прежде всего, проблема личности особой ка-

тегории преступников. Повышенная общественная опасность рецидивной преступности заключается в том, что рецидивисты играют важную роль в «воспроизводстве» новых преступников или в закреплении привычек и навыков антиобщественного поведения у лиц, ставших на путь преступления. Таким образом, в процессе осуществления профилактики этих преступлений следует искать особенности, которые отличают рецидивистов от лиц, совершивших правонарушение впервые. К особенностям могут относиться: устойчивая антиобщественная (преступная) направленность рецидивистов; систематичность в совершении преступлений (причем преимущественно корыстного и насильственного характера), тенденция к привлечению в преступную деятельность новых лиц, повышение уровня преступной квалификации.

Исходя из изложенного, предупреждение рецидивной преступности предполагает активное, целенаправленное воздействие на весь комплекс обусловливающих ее причин, условий и особенностей.

СЕКЦИЯ 2
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЫ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Бенчук О. М.

Важнейшим элементом обеспечения реализации прав граждан в уголовном судопроизводстве является организация расследования уголовных дел в разумные сроки. Помимо объективных причин, которые независимо от лица, расследующего уголовное дело, увеличивают срок расследования, существуют также и организационные причины, которые можно и нужно контролировать. По мнению многих исследователей и практических сотрудников, решением данной проблемы стал бы перевод всех стадий уголовного производства на электронную платформу, а именно внедрение электронной формы уголовного дела (далее – е-УД), поскольку именно с помощью привлечения информационных технологий можно модернизировать и повысить результативность выполняемой работы, связанной с расследованием преступлений.

Для внедрения электронной формы уголовного дела первостепенной задачей должно стать создание пилотной версии е-УД, которая будет охватывать некоторое количество составов уголовных преступлений, расследуемых Следственным комитетом Республики Беларусь. Это позволит плавно перейти на электронный формат по делам предварительного расследования. В ходе такого пилотного проекта возможна апробация двух вариантов ведения е-УД с применением: 1) электронного делопроизводства; 2) видео-аудио приложений основных процессуальных действий. Обе эти версии значительно сэкономят время ведения дела, но при этом не скажутся отрицательно на его качестве.

Потенциально процесс подачи заявления о преступлении может выглядеть следующим образом: заявитель сможет оставлять электрон-

ный вариант заявления на определенной интернет площадке. Аутенфикация будет проходить либо по одноразовому паролю, либо по электронной цифровой подписи. Появление такой возможности значительно упростит процедуру подачи и приятия заявлений, при этом скорость работы органов предварительного расследования значительно повысится за счет перераспределения временного ресурса.

Проведенные исследования показывают, что в настоящее время следователи практически все процессуальные документы подготавливают по месту своей дислокации, формируют в электронном виде, затем, распечатывая, преобразуют их в бумажный документ, представляют участникам процесса для подписания или подписывают сами, придавая документу юридически значимый статус. Файлы же, которые были созданы первоначально в электронном виде, сохраняются, тем самым формируя папки уголовных дел в электронном виде. Однако они не имеют систематизации и юридической силы, носят информационный характер для следователя, либо используются им как шаблон, либо как источник копирования информации при составлении различных процессуальных документов.

Относительно безопасности электронной формы уголовного дела можно предложить следующий вариант: сканированные варианты бумажных документов следователи будут заверять своей электронной цифровой подписью, а участники процесса будут иметь возможность читать их на мониторе и подписывать при помощи технологии стилус (со временем ознакомление и подписание электронных документов станет возможным посредством механизма подписания по отпечатку пальца). Такой подход сможет значительно сэкономить время, затрачиваемое на изготовление бумажных процессуальных документов, и позволит исключить возможность их фальсификации. Ведь, как справедливо отмечается в юридической литературе, электронная форма уголовного дела может ограничиться всего лишь одним цифровым, но прочным носителем, в котором будут содержаться все материалы по делу либо по нескольким делам.

Стоит отметить, что одной из составляющих частей е-УД являются используемые органом, ведущим уголовный процесс, в настоящее время SMS-повестки, которые представляют собой оперативный способ уведомления участника процесса о вызове для участия в след-

ственных и иных процессуальных действиях. В то же время существует ряд проблем, с которыми придется столкнуться в ходе реализации электронной формы уголовного дела.

Так, для повсеместного использования е-УД необходимо создать надлежащую материально-техническую базу в каждом следственном подразделении, органах прокуратуры и судах. Кроме того, нужно будет принять меры к обучению, в первую очередь следователей, прокуроров и судей, поскольку работа с электронным уголовным делом потребует особых навыков, связанных с информационными технологиями.

Однако, несмотря на указанные трудности, которые возникнут в ходе информатизации уголовного процесса, все же преимущества внедрения е-УД очевидны. К ним можно отнести доступ к материалам в режиме реального времени, который значительно сократит срок расследования и повысит его качество. А способы и методы, которые будут использоваться для минимизации рисков фальсификации материалов, обеспечат транспарентность уголовного процесса на более высоком уровне. Кроме того, такой подход рассматривается нами как один из вариантов сокращения документооборота и финансовых затрат в уголовном процессе.

В подтверждение успешности данной модернизации может служить положительный опыт Казахстана, Армении, Германии. Однако стоит отметить, что для выработки подходов к проведению реформы в уголовном процессе стоит учесть не только положительный, но и отрицательный опыт других стран, дабы понять с какими трудностями мы можем столкнуться при внедрении е-УД. Как отметил Председатель Следственного комитета Республики Беларусь И.Д. Носкевич: «Пока мы на стадии становления своей Единой автоматизированной информационной системы (ЕАИС), задачей которой является не только перевод уголовного процесса на электронную платформу как таковую, но и оптимизация, совершенствование деятельности всего ведомства». Таким образом, применение некоторых правовых и организационных мер уже в ближайшей перспективе позволит начать поэтапное внедрение е-УД на разных стадиях уголовного процесса в целях осуществления эффективного процессуального контроля за качеством и законностью производства предварительного расследования.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ДОКАЗЫВАНИЮ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Бибило В. Н.

Уголовный процесс состоит из отдельных стадий, системообразующими элементами которых являются: 1) одноуровневая система уголовно-процессуальных действий; 2) наличие самостоятельных задач; 3) своеобразное преломление принципов уголовного процесса; 4) обособленность во времени; 5) наличие уголовно-процессуального документа, завершающего стадию.

Каждая из стадий уголовного процесса обладает своими процессуальными возможностями по доказыванию обстоятельств совершенного преступления. Среди них основополагающей является стадия предварительного расследования, поскольку ошибки, допущенные в этой стадии, могут помешать установлению истины в судебных стадиях уголовного процесса. Следует иметь в виду, что доказательства в уголовном процессе не появляются сами собой, а собираются и формируются. Преступление – событие прошлого и путем уголовно-процессуальной деятельности его наличие необходимо доказать. Следы преступления, оставленные на объектах материального мира и в сознании человека, необходимо изъять уголовно-процессуальными способами. Такие следы-отражения, содержащие сведения о преступлении, не являются доказательствами до тех пор, пока им не будет придана уголовно-процессуальная форма. Доказательство – это единство содержания (информации) и процессуальной формы (показания потерпевшего, заключение эксперта, вещественные доказательства и т.д.).

Для уголовного процесса характерен довольно широкий круг его участников. Среди них особое место занимают органы и лица, на которые возложена обязанность доказывания. Основным субъектом доказывания в стадии предварительного расследования является следователь – должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие, а также иные полномочия, предусмотренные законом (ст. 36 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь 1999 г. – далее УПК). Главная задача следователя – собрать доказательства в целях быстрого и полного расследования преступлений, обеспе-

чения правильного применения закона с тем, чтобы каждый, кто совершил преступление, был подвергнут справедливому наказанию, и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден (ст. 7 УПК). Собранные доказательства необходимо закрепить в установленном порядке. Следователь собирает доказательства путем:

1) производства следственных действий, виды которых определены в УПК;

2) истребования предметов, справок, характеристик, иных документов от государственных органов, местных органов власти и управления, общественных организаций, которые обязаны представить запрашиваемые документы или их копии;

3) удовлетворения ходатайств о приобщении представленных предметов и документов к материалам дела в качестве доказательств;

4) требования ревизий и проверок от соответствующих органов и должностных лиц и представлению следователю материалов о их проведении. При этом требования следователя о предоставлении информации, документов, содержащих государственные секреты или иную охраняемую законом тайну, санкционируются прокурором (ст. 103 УПК).

Информация о преступлении непрерывно убывает: из памяти стираются обстоятельства совершенного преступления, следы на предметах под воздействием внешних факторов могут исчезнуть или остаться искаженными и даже фальсифицированными. В связи с этим в УПК предусмотрено проведение необходимых следственных действий до возбуждения уголовного дела. В некоторых случаях возникает необходимость одно и то же следственное действие проводить несколько раз.

Нарушение норм УПК при собирании доказательств влечет за собой признание их недопустимыми (ч. 4 ст. 105 УПК), т. е. не имеющими юридической силы, а значит, они не могут быть положены в основу обвинения и использованы для доказывания обстоятельств совершенного преступления (ч. 5 ст. 105 УПК). Полученные материалы следователь должен проверить, сопоставить с другими доказательствами, оценить их по своему внутреннему убеждению и только затем принять решение о допустимости или недопустимости доказательств.

При производстве по уголовному делу все решения принимаются следователем самостоятельно, но по некоторым из них необходима санкция прокурора либо начальника следственного подразделения. В случае несогласия следователя с указаниями прокурора о производстве дополнительных следственных и иных процессуальных действий (ч. 4 ст. 36, п. 3 ч. 1 ст. 264 УПК) следователь вправе представить дело вышестоящему прокурору, а при несогласии с указаниями начальника следственного подразделения о привлечении в качестве обвиняемого, квалификации преступления и объеме обвинения следователь вправе, приостановив исполнение этих указаний, обжаловать их вышестоящему начальнику следственного подразделения (ч. 4 ст. 36 УПК).

Порядок признания следователем доказательств недопустимыми не определен в УПК, тем не менее, его надо дифференцировать в зависимости от способа получения доказательства. Если поступило ходатайство о признании представленного стороной доказательства недопустимым, следователь путем вынесения постановления может либо удовлетворить ходатайство, либо отказать в этом. Трудности вызывают случаи, когда доказательство получено путем проведения следственных действий, в ходе которых был нарушен закон и стороны не заявляют ходатайства о признании его недопустимым. Не ожидая указаний начальника следственного подразделения или прокурора, следователь обязан вынести постановление о признании доказательства недопустимым, а не ограничиваться лишь тем, чтобы не упоминать о нем в обвинительном акте. Конечно, когда уголовное дело уже расследовано и находится у прокурора для направления в суд, последний может возвратить дело следователю путем вынесения постановления (п. 3 ч. 1 ст. 264 УПК). Если в судебном разбирательстве возникнет вопрос о допустимости доказательства и от решения этого вопроса зависит дальнейший ход уголовного процесса, то согласно ч. 2 ст. 301 УПК по ходатайству государственного обвинителя суд объявляет перерыв на срок до десяти суток для осуществления деятельности прокурора в соответствии с возникшими реалиями.

Значительные помехи в вынесении законного и обоснованного приговора могут произойти в случае, когда следователь допустил существенные ошибки в процессе доказывания, что привело к односторонности и неполноте установления обстоятельств дела. Причем, если

эту односторонность и неполноту не заметит прокурор, суд не сможет своими процессуальными средствами их устранить, а это чревато вынесением неправосудного судебного акта.

Проблемным является вопрос о том, какую функцию осуществляет следователь, производя предварительное следствие по уголовному делу. Определенный ответ содержится в УПК 1999 г., где в ч. 2 ст. 24 говорится: «Функции обвинения, защиты и осуществления правосудия отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо», но согласно п. 40 ст. 6 УПК следователь не входит в число лиц на стороне обвинения, хотя п. 48 ст. 6 УПК обязывает его осуществлять уголовное преследование. Возникает вопрос о соотношении уголовного преследования и обвинения. УПК Российской Федерации их отождествляет (п. 45 ст. 5) и в п. 55 ст. 5 уточняется, что уголовное преследование осуществляется стороной обвинения. Можно сказать, аналогичное содержится и в УПК Республики Беларусь, только не столь категорично: в п. 17 ст. 6 УПК отмечается, что обвинение – это процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения.

Сравнительный анализ понятий «обвинение» и «уголовное преследование» показывает, что они не тождественны и их следует различать. Уголовное преследование – это деятельность, имеющая свою протяженность во времени, а обвинение – это функция (направление деятельности). Обвинение – своего рода ядро уголовного преследования, нацеленное на утверждение о совершении преступления определенным лицом. К тому же уголовное преследование продолжается, когда обвинение уже предъявлено. Своего рода эстафету от следователя принимает прокурор, который продолжает уголовное преследование.

Осуществление следователем функции обвинения предполагает постановку вопроса о том, должен ли следователь собирать оправдательные доказательства. Наличие ст. 18 УПК о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела обязывает следователя собирать доказательства как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого. Однако целенаправленное собирание доказательств обоих видов – завышенное требование к доказательственной деятельности следователя. Не в связи ли с этим УПК расширил возможности защит-

ника в сфере доказательственной деятельности (ч. 3 ст. 103 УПК)? В следственной практике оказывается, что следователь занимается, прежде всего, поисками обвинительных доказательств, и только когда попутно будут обнаружены оправдательные доказательства, он приобщает их к уголовному делу. Такой подход стимулирует деятельность защитника, который проявляет свою активность, не ожидая окончания расследования уголовного дела.

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА ЖЕРТВАМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Борико С. В.

При совершении преступлений потерпевшим причиняется физический, материальный и моральный вред. Этот вред, как правило, возмещается обвиняемым. Однако часто лица, совершившие преступления, не устанавливаются, в результате причиненный преступлением вред потерпевшему не возмещается. По данной проблеме имеется много международных правовых актов. Так, в ст. 17 Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948 г. отмечается, что никто не должен быть произвольно лишен своего имущества. В Декларации основных принципов правосудия, для жертв преступлений от 29.11.1985 г. отмечается, что жертвам преступлений следует оказывать необходимую материальную, медицинскую, психологическую и социальную помощь по правительственным, добровольным, общинным и местным каналам.

В национальном законодательстве Республики Беларусь также имеются нормы, относящиеся к данной проблеме. Так, в ст. 10 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь указывается, что в случае причинения преступлением вреда орган уголовного преследования, суд обязаны принять меры к обеспечению гражданского иска.

По имущественным преступлениям, как правило, при производстве по уголовным делам накладывается арест на имущество обвиняемого для возмещения причиненного вреда. Примерно 50–60 % такого вреда возмещается имуществом обвиняемых. Но совершаются преступления против собственности, по которым не устанавливаются лица, совершившие такие преступления. К подобным преступлениям относятся кражи. Среди совершаемых преступлений против собственности

они составляют 84 %. И здесь возникает проблема установления лиц, совершивших кражи.

Например, в 2016 г. их раскрываемость составила лишь 47,3 %, т.е. лица, совершившие кражи, не были установлены и, естественно, вред потерпевшим не возмещался. В 2006 г. в Республике Беларусь было зарегистрировано 104 161 кража, если допустить, что раскрываемость их составила 50 %, то 52 тыс. потерпевшим причиненный вред не возмещался, реально он не мог возмещаться, так как 70 % лиц, совершивших кражи, являются неработающими, каждое третье лицо имеет судимость, около 50 % из них не имеют постоянного источника дохода. В итоге десятки тысяч граждан Республики Беларусь ежегодно лишаются материальных ценностей, и добиться их возмещения невозможно.

Международный опыт свидетельствует о том, что если компенсацию невозможно получить от преступника или из других источников, то государство принимает меры к предоставлению финансовой компенсации. В некоторых странах (Англии, ФРГ, Испании и др.) созданы специализированные фонды для возмещения вреда лицам, пострадавшим от преступных деяний, которые финансируются государством и неправительственными организациями, частными лицами.

В США, Германии и Англии действует программа компенсации вреда за счет государственных ассигнований только в случае причинения вреда в результате преступлений, совершенных в отношении жизни и здоровья граждан. В остальном ущерб погашается благодаря разветвленной системе страхования, в том числе обязательного. В Республике Казахстан принят Закон «О фонде компенсации вреда потерпевшим от преступлений», в Уголовно-процессуальном кодексе имеется статья «фонд компенсации вреда потерпевшим». Существующие во многих странах фонды по защите жертв преступлений возглавляют специальные комиссии, которые рассматривают просьбы жертв преступлений о возмещении им причиненного преступлением вреда.

В этой связи и учитывая зарубежный опыт, национальное законодательство следует дополнить Законом «О потерпевших от преступлений» и предусмотреть создание государственного внебюджетного фонда помощи потерпевшим, который будет формироваться за счет следующих источников: 1) штрафы, которые назначаются в качестве

уголовного наказания; 2) штрафы, которые назначаются в качестве административного наказания; 3) государственные средства, полученные от конфискации имущества обвиняемых; 4) добровольные взносы граждан и юридических лиц.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что давно назрела необходимость в разработке правовых и организационных механизмов, направленных на защиту жертв преступлений. К этим мерам следует отнести:

1) из числа ученых-юристов, экономистов, финансистов создать рабочую группу для разработки проекта закона;

2) в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь ввести статью «Фонд компенсации вреда потерпевшим от преступления»;

3) при разработке проекта данного закона широко использовать зарубежный положительный опыт.

Таким образом, в Республике Беларусь имеются политические, экономические, юридические, психологические и социальные возможности для защиты жертв преступлений. Решение этой важной проблемы будет способствовать всестороннему, полному и объективному производству по уголовным делам, защите прав и законных интересов жертв преступлений.

ЭКСПЕРТНАЯ ИНИЦИАТИВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Борисенкова Д. М.

В настоящее время подавляющее большинство уголовных дел требует проведения различных видов экспертиз с целью установления обстоятельств, входящих в предмет уголовно-процессуального доказывания, без которых зачастую невозможно принять законное и обоснованное решение о возбуждении или отказа в возбуждении уголовных дел. Заключение эксперта, согласно Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь (далее – УПК), является одним из источников доказательств, которое оценивается в совокупности с другими имеющимися в уголовном деле доказательствами. Учитывая важ-

ность экспертизы для нужд уголовного процесса, действующий УПК определяет понятие и процессуальный статус эксперта, устанавливает основания, виды и порядок назначения экспертиз по уголовному делу, четко закрепляя случаи обязательного экспертного исследования.

Так, экспертом в уголовном процессе является незаинтересованное в исходе уголовного дела лицо, обладающее необходимыми специальными познаниями, которому орган, ведущий производство по уголовному делу, поручает проведение экспертизы. Для надлежащего выполнения экспертных функций и дачи заключения эксперт наделяется определенными правами и обязанностями, а также несет ответственность за проведение экспертизы.

Одним из процессуальных прав эксперта является право давать заключения как по поставленным в постановлении (определении) вопросам, так и по входящим в его компетенцию обстоятельствам, выявившимся при производстве экспертизы (п. 4 ч. 2 ст. 61 УПК). Последнее обстоятельство в научной литературе именуется экспертной инициативой, хотя такого термина в законодательстве нет.

Так, известный российский ученый Р.С. Белкин отмечает, что экспертная инициатива есть не что иное, как установление экспертом по собственному усмотрению фактов и обстоятельств, не предусмотренных экспертным заданием, но имеющих значение для уголовного дела. Экспертная инициатива зачастую выражается в установлении экспертом обстоятельств, способствовавших совершению преступления, конструктивных дефектов исследуемых объектов и т.п. Обстоятельства, инициативно установленные экспертом, излагаются в заключении наряду с выводами эксперта по поставленным органами расследования вопросам. Впоследствии такие инициативно установленные обстоятельства могут быть объектом обобщения для внесения экспертным учреждением тех или иных предложений в компетентные органы. Разделяя мнение цитируемого автора, считаем важным отметить некоторые особенности экспертной инициативы.

Так, инициатор назначения экспертизы (даже при наличии профессионального опыта и методических рекомендаций) не всегда может обладать познаниями обо всех возможностях методик экспертного исследования, необходимых для правильной постановки вопросов эксперту. Помимо этого, в ходе производства экспертизы могут выявить-

ся те обстоятельства, которые инициатор не мог предполагать при вынесении постановления о назначении экспертизы, но которые будут иметь существенное значение. Разрешение всех требующихся вопросов будет способствовать более полному установлению обстоятельств дела, более быстрому расследованию и раскрытию преступления. Поэтому экспертная инициатива может устранить необходимость в проведении дополнительной экспертизы, что сократит временные и материальные затраты. К тому же, если при производстве экспертизы применяются разрушающие методы, то существует единственная возможность полно и объективно разрешить все вопросы, не только поставленные перед экспертом инициатором назначения экспертизы, но и обозначенные экспертом самостоятельно.

Считаем необходимым указать и некоторые отрицательные моменты, связанные с экспертной инициативой. Например, если эксперт посчитает необходимым добавить в заключение выводы по вопросам, которые не были поставлены, а они окажутся несущественными для дальнейшего производства по делу или будет признаны неотносимыми к делу, то это может затруднить восприятие и оценку заключения эксперта в целом.

Обратившись к ч. 1 ст. 95 УПК, можно заметить, что в данной норме категорически определяется: заключение эксперта содержит выводы по поставленным вопросам, что ставит под сомнение законность выводов, сделанных посредством экспертной инициативы, и может привести к признанию заключения эксперта недопустимым доказательством.

Думается, что решением обозначенной проблемы могут послужить положения ч. 2 ст. 204 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, определяющие, что если при производстве судебной экспертизы эксперт установит обстоятельства, которые имеют значение для уголовного дела, но по поводу которых ему не были поставлены вопросы, то он вправе указать на них в своем заключении. По нашему мнению, названную норму целесообразно было бы предусмотреть и в белорусском УПК.

Наряду с рассмотренной проблемой в нормативном урегулировании нуждаются и вопросы пределов экспертной инициативы, ответственности эксперта и оценки заключения эксперта в части экспертной

инициативы. Иными словами, требует решения ситуация, при которой может возникнуть вопрос: будет ли несогласие с выводами эксперта, сделанными по его инициативе, основанием для назначения повторной экспертизы либо суд может согласиться с таким заключением эксперта в части поставленных перед ним вопросов, не прибегая к повторной экспертизе.

Подытоживая, отметим, что экспертная инициатива является эффективным средством установления предмета уголовно-процессуального доказывания, без которого зачастую невозможно инициировать уголовный процесс и определить движение по уголовному делу. В то же время очевидна законодательная неурегулированность отдельных рассмотренных нами вопросов, связанных с экспертной инициативой, которые ждут своего дальнейшего разрешения.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОГО С ЦЕЛЬЮ СБЫТА ОБОРОТА НАРКОТИКОВ, СОВЕРШЕННОГО ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППОЙ

Бурко Л. А.

Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов (далее – незаконный оборот наркотиков) является серьезной проблемой, стоящей перед современным белорусским обществом и органами, призванными пресекать и не допускать совершения данных противоправных деяний. Еще большую опасность представляют действия по незаконному с целью сбыта обороту наркотиков, совершенные организованной группой, которые предусмотрены ч. 4 ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК).

Согласно п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 25.09.2003 г. № 9 совершение преступления организованной группой является наиболее опасной формой преступности, поэтому всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств при рассмотрении данной категории дел является важным условием постановления правосудного приговора.

Так, за первое полугодие 2018 г. по ч. 4 ст. 328 УК было осуждено 26 чел. При этом стоит отметить, что объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 328 УК, наряду с совершением незаконного с целью сбыта оборота наркотиков организованной группой, также предусматривает совершение данного преступления с использованием лабораторной посуды или лабораторного оборудования, предназначенного для химического синтеза. В виду этого считаем необходимым рассмотреть следующие вопросы квалификации данного деяния:

1) разграничение составов преступлений, предусмотренных ч. 3 и ч. 4 ст. 328 УК;

2) обязательные признаки объективной стороны для квалификации преступления по ч. 4 ст. 328 УК.

В соответствии с ч. 3 ст. 328 УК одним из признаков объективной стороны является совершение преступления группой лиц. Так, согласно ч. 12 ст. 4 УК под группой лиц понимается признак, характеризующий совершение преступления группой лиц без предварительного сговора, по предварительному сговору или организованной группой. Однако в ч. 4 ст. 328 УК квалифицирующим признаком объективной стороны является совершение преступления организованной группой. Данная конкуренция между нормами решается путем их толкования правоприменителем. В то же время, например, в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) данный вопрос решен с помощью указания в статье конкретных признаков, входящих в понятие «группа лиц». Так, в ч. 3 и ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, устанавливающей ответственность за незаконный с целью сбыта оборот наркотиков, указывается на признак совершения преступления группой лиц по предварительному сговору и организованной группой соответственно.

В силу ч. 1 ст. 18 УК под совершением преступления организованной группой следует понимать умышленное участие двух или более лиц, предварительно объединившихся в управляемую устойчивую группу для совместной преступной деятельности. При принятии решения о возбуждении уголовного дела по ч. 4 ст. 328 УК орган, ведущий уголовный процесс, должен на основе анализа материалов ответить на следующие вопросы: 1) является ли данная группа устойчивой и управляемой (сделать вывод о признаке «организованная»); 2) какова

структура данной группы; 3) какова роль и место каждого участника группы (распределение функций).

Например, об устойчивости группы может говорить продолжительность преступной деятельности и стабильность состава участников. По мнению Т.В. Аверьяновой, особенностью проведения следственных действий с участниками организованной группы является определение их положения и роли в группе. Поэтому в процессе определения места участников в организованной группе при осуществлении преступной деятельности важно выделить ее руководителя.

Так, при допросе руководителя преступного сообщества следует стремиться установить следующее:

1) как и у кого возник замысел организации организованной группы, при каких обстоятельствах, что было побудительным мотивом к этому, в какой последовательности реализовывался замысел;

2) какая преступная деятельность осуществлялась;

3) каким способом совершались преступления, как был избран или разработан способ, из какого источника была получена информация о нем;

4) структура сообщества;

5) способы вовлечения новых членов сообщества, исполнители, их всесторонняя характеристика;

6) имущество деньги и ценности, нажитые преступным путем, распределение между членами группы.

В то же время, говоря об осуществления незаконного с целью сбыта оборота наркотиков, совершенного организованной группы, о личности руководителя может говорить выполнение лицом следующих функций:

– создание структуры организованной группы и принципов взаимодействия ее участников;

– сплочение состава организованной группы и определение роли каждого участника;

– организация приобретения технических средств, которые используются с целью распространения через сеть Интернет наркотических веществ;

– приискание, приобретение и расфасовка необходимого количества наркотических веществ, для организации их дальнейшего сбыта на определенной территории;

– размещение на информационных ресурсах объявлений с предложением о сбыте наркотических веществ;

– незаконное с целью сбыта хранение наркотических веществ в потайных местах с обеспечением конфиденциальности сведений до поступления оплаты;

– контроль поступления денежных средств на электронные кошельки платежной системы;

– регулирование ценообразования на реализуемые участниками преступной группы наркотические вещества;

– проведение инструктажа членов группы, доведение преступных заданий до конкретных исполнителей;

– контроль и осуществление распределения преступных доходов;

– создание системы противодействия правоохранительным органам, выработка тактики поведения участников организованной группы в случае их задержания за совершенные преступления;

– поддержание дисциплины в возглавляемой организованной группе.

Таким образом, определение личности руководителя организованной преступной группы и выполняемых им функций является важнейшим аспектом при принятии решения о возбуждении уголовного дела по ч. 4 ст. 328 УК. При этом неустановление личности руководителя, как правило, ведет к принятию решения о квалификации преступления по ч. 3 ст. 328 УК как преступление совершенное группой лиц по предварительному сговору в виду отсутствия ответов на поставленные выше вопросы. Также считаем необходимым внести изменения в ч. 3 ст. 328 УК, заменив слова «группой лиц» на слова «группой лиц по предварительному сговору или без предварительного сговора». Указанное изменение даст возможность правоприменителям в процессе квалификации преступления обходиться без соответствующих толкований.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Захаренко А. В.

Каждое демократическое правовое государство в качестве приоритета правоохранительной политики ставит права и свободы личности. Конституция Республики Беларусь (ст. 2) провозглашает права человека, его личную свободу высшей ценностью и целью общества и государства, которое ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности. Данное конституционное положение трансформировано в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК), статья 50 которого предусматривает права и обязанности потерпевшего. В юридической литературе встречаются суждения о том, что потерпевший по многим процессуальным позициям находится в неравном положении с подозреваемым и обвиняемым, рассматривается как второстепенный участник уголовного процесса, чем в определенной степени нарушается принцип состязательности и равенства в уголовном судопроизводстве. Названные обстоятельства говорят о недостаточной законодательной урегулированности механизма защиты прав потерпевших.

В уголовно-процессуальном смысле потерпевшим является физическое лицо, которому предусмотренным уголовным законом общественно опасным деянием причинен физический, имущественный или моральный вред и в отношении которого орган, ведущий уголовный процесс, вынес постановление (определение) о признании его потерпевшим (ст. 49 УПК). В названном процессуальном документе должно обязательно указываться на характер причиненного потерпевшему вреда. Если же лицо в результате совершенного в отношении него преступного деяния умерло, то возникает вопрос: имеется ли в таком уголовном деле потерпевший и каков процессуальный статус лица, который назван потерпевшим по такому уголовному делу.

Для разрешения данной проблемы необходимо обратиться к ч. 4 ст. 49 УПК, где сказано, что по делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть потерпевшего, права и обязанности, предусмотренные ст. 50 УПК, осуществляют члены его семьи, близкие род-

ственники или законные представители. Их трактовка также содержится в УПК, где под членами семьи понимаются близкие родственники, другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и иные лица, проживающие совместно с участником уголовного процесса и ведущие с ним общее хозяйство (п. 53 ст. 6 УПК); под близкими родственниками – родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья, сестры, дед, бабка, внуки, супруг (супруга) участника уголовного процесса (п. 1 ст. 6 УПК). По нашему мнению, такая законодательная позиция является дискуссионной, а признание в качестве потерпевших членов семьи, близких родственников или законных представителей умершего лица является юридически некорректным. Во-первых, термин «потерпевший» применим к лицу, которому непосредственно общественно опасным деянием был причинен вред, а в случае его смерти родственники, члены семьи и другие лица могут представлять интересы умершего. Во-вторых, перечисленные выше лица не могут в полной мере осуществлять все права и обязанности умершего пострадавшего (например, дача показаний, участие в следственных действиях).

В данном контексте справедливой видится точка зрения известного процессуалиста советского периода М.С. Строговича, который полагал, что члены семьи, близкие родственники, законные представители умершего потерпевшего должны быть признаны самостоятельными участниками уголовного процесса, которые и сами пострадали от преступных действий и представляют интересы умершего. Данное суждение наиболее полно отражает уголовно-процессуальную функцию, которая выполняется близкими родственниками, членами семьи, законными представителями умершего потерпевшего.

Достаточно неоднозначным является также вопрос о том, может ли признаваться потерпевшим лицо, которое совершило убийство при превышении пределов необходимой обороны. При такой ситуации убийство совершается лицом вследствие реальной и явной угрозы его жизни и здоровью, а также жизни и здоровью его близких лиц. В связи с этим отдельные правоведы высказывают довольно аргументированную мысль о том, что данный вопрос должен решаться положительно, поскольку до вынесения приговора суда и вступления его в законную силу нельзя дать окончательную правовую оценку действиям причи-

нителя вреда. Хотя такая позиция имеет и оппонентов. Известно, что основанием освобождения от уголовной ответственности является лишь необходимая оборона, то есть правомерное причинение вреда нападающему. Обороняющийся при превышении пределов необходимой обороны действует неправомерно. Наказуемость деяний, совершенных при превышении пределов необходимой обороны, объясняется тем, что в подобных случаях отпадают основные условия, которые придают необходимой обороне правомерный характер. Если обороняющийся сам становится «преступником», то он не может быть признан потерпевшим.

Еще одним аспектом, требующим внимания законодателя, является определение процессуального статуса заявителя, которым выступает лицо, пострадавшее от преступления. Пункт 10 ст. 6 УПК заявителем определяет всякое лицо, которое обратилось в суд или орган уголовного преследования в порядке, установленном УПК, за защитой своего действительного или предполагаемого права либо сообщившее об известном ему готовящемся, совершаемом или совершенном общественно опасном деянии, предусмотренном уголовным законом. Безусловно, таким лицом может быть и пострадавший от преступления. Отметим, что УПК не определяет процессуальный статус заявителя–пострадавшего, а права и обязанности, указанные в ст. 50 УПК, применимы лишь к лицу, признанному потерпевшим в порядке ст. 49 УПК. На практике случается, что еще до такого официального признания лицо уже может участвовать в производстве по уголовному делу (например, давать объяснения по существу заявления, принимать участие в следственных действиях, проводимых до возбуждения уголовного дела), а его единственной процессуальной гарантией является возможность применения мер по обеспечению безопасности. Сложившаяся ситуация не способствует эффективной защите прав лиц, пострадавших от преступления, но которые еще не признаны потерпевшими по уголовному делу. В этой связи полагаем, что пострадавшее лицо, которое обратилось с заявлением о совершении в отношении него преступления, должно знать, какие действия совершены по его заявлению и какие процессуальные решения приняты. Он также должен иметь право заявлять отводы и ходатайства, представлять доказательства, подавать жалобы, требовать признания его потерпевшим.

Изложенное приводит к выводу о том, что действующий УПК целесообразно дополнить новым участником уголовного процесса – пострадавшим, наделив его правами и обязанностями.

Таким образом, рассмотренные выше проблемные аспекты по защите прав лиц, пострадавших от преступлений, и предложенные нами варианты их решения заслуживают внимания отечественного законодателя.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ПЕРЕДАЧИ ЛИЦА, НА КОТОРОЕ РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ СТАТУС ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО, ПОД НАБЛЮДЕНИЕ КОМАНДОВАНИЯ ВОИНСКОЙ ЧАСТИ

Корольков Д. Н.

Одной из мер пресечения, в соответствии со ст. 116 и 122 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), является передача лица, на которое распространяется статус военнослужащего (далее – военнослужащий), под наблюдение командования воинской части. Специфика указанной меры пресечения заключается в применении ее лишь в отношении специального субъекта – лица, на которое распространяется статус военнослужащего.

В соответствии со ст. 1 и 2 Закона Республики Беларусь «О статусе военнослужащих» (далее – Закон о статусе военнослужащих) статус военнослужащих – это совокупность их прав, свобод, обязанностей и ответственности, установленная Конституцией Республики Беларусь, названным законом и иными законодательными актами Республики Беларусь, в том числе международными договорами Республики Беларусь. Статус военнослужащих имеют:

– военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, в том числе обучающиеся в военных учебных заведениях;

– военнослужащие, проходящие военную службу по призыву;

– граждане, проходящие службу в резерве, – при нахождении на занятиях или учебных сборах, определенных программами подготовки резервистов;

– военнообязанные – при нахождении на военных или специальных сборах.

Представляется целесообразным выделить ряд проблемных аспектов применения на практике анализируемой меры пресечения.

Так, по нашему мнению, применение вышеуказанной меры пресечения может быть обеспечено только путем постоянного контроля командованием воинской части за военнослужащим, к которому применена мера пресечения. Возможность такого контроля может быть обеспечена только в условиях постоянного пребывания военнослужащего в месте нахождения воинской части. Передача под наблюдение командованию подозреваемого или обвиняемого военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, по нашему мнению, является бессмысленным. Указанное обуславливается тем, что военнослужащие контрактной службы проживают вне воинской части (оснований для проживания на территории воинской части в данном случае в законодательстве не предусмотрено), значит, командование воинской части лишено возможности реального, постоянного осуществления за ним наблюдения. Указанное, в свою очередь, может привести к тому, что подозреваемый (обвиняемый) военнослужащий может скрыться от органа уголовного преследования, воспрепятствовать предварительному расследованию уголовного дела. Таким образом, полагаем, что вышеназванная мера пресечения не может распространяться на военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, в мирное время, в связи с невозможность реализации такой меры.

Следующей проблемой, которую полагаем необходимым обозначить в рамках заданной темы, является определение момента окончания указанной меры пресечения, что также обусловлено наличием специального субъекта при применении меры пресечения.

Так, в соответствии с ч. 4 ст. 119 УПК мера пресечения отменяется, когда в ней отпадает дальнейшая необходимость, или изменяется на более строгую или более мягкую, когда это вызывается обстоятельствами уголовного дела. Однако в законодательстве отсутствует правовое регулирование реализации данной меры пресечения по окончанию срока службы военнослужащего по призыву и контракту. Статьями 45 и 46 Закона Республики Беларусь «О воинской обязанности и воинской службе» установлены сроки военной службы по призыву и

контракту. А в соответствии с п. 10.1 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 25.04.2005 № 186 (далее – Положение о прохождении военной службы) контракт прекращает свое действие в день истечения срока, на который он заключен. В соответствии со ст. 1 Закона о статусе военнослужащих, такой статус приобретается гражданами Республики Беларусь со дня начала состояния на военной службе и утрачивается со дня, следующего за днем окончания состояния на военной службе. В нормативных правовых актах предусмотрен перечень изъятий из общего правила, в частности определен перечень случаев, при которых срок службы не засчитывается в срок срочной военной службы, однако исполнения вышеуказанной меры пресечения среди них нет. Исходя из анализа данных норм, можно сделать вывод, что командование воинской части оказывается в затруднительном положении по реализации рассматриваемой меры пресечения, так как имеется коллизия норм права. С одной стороны, у командования воинской части нет оснований для ограничения права свободного передвижения военнослужащего, который выслужил срок военной службы по призыву, или у которого истек срок прохождения службы по контракту, а с другой стороны – есть обязанность обеспечить исполнение меры пресечения.

Кроме того, необходимо отметить, что в соответствии со ст. 197 Положения о прохождении военной службы военнослужащие, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, до принятия решения по уголовному делу могут быть уволены по различным основаниям, и у командования воинской части нет обязанности по уведомлению органа предварительного расследования или суда, за исключением случая увольнения военнослужащего срочной военной службы по истечении срока военной службы по призыву.

Необходимо отметить, что ряд ученых-процессуалистов считают, что в случае увольнения в запас (отставку) подозреваемого или обвиняемого, который находится под наблюдением командования воинской части, мера пресечения должна быть заменена на другую. Данное мнение имеет место быть, однако, по мнению автора, не совсем соответствует ч. 4 ст. 119 УПК.

Проведя анализ законодательства Российской Федерации, можем сделать вывод, что данный пробел законодательства в России решен следующим образом. Согласно п. 11 ст. 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» окончанием военной службы считается дата исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части; военнослужащий должен быть исключен из списков личного состава воинской части в день истечения срока его военной службы, за исключением, в частности, случаев, когда в отношении военнослужащего, являющегося подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления, избраны меры пресечения в виде заключения под стражу с содержанием на гауптвахте или наблюдения командования воинской части.

Продолжая анализировать сущность применения указанной меры пресечения, можно выделить следующий проблемный аспект: в соответствии с ч. 2 ст. 122 УПК командованию воинской части, под наблюдение которого передается подозреваемый или обвиняемый, вручается копия постановления (определения) о применении указанной меры пресечения. Таким образом, из толкования данной нормы можно усмотреть, что не требуется согласие командования воинской части на применение указанной меры пресечения. В то же время, на наш взгляд, отсутствие необходимости получения такого согласия командования воинской части может привести к ряду проблем, так как в связи с различными обстоятельствами командование может быть не в состоянии обеспечить надлежащее наблюдение за военнослужащим, например, при выполнении воинской частью боевых задач по предназначению.

Подводя итог, можно сделать выводы о том, что, во-первых, мера пресечения в виде передачи военнослужащего под наблюдение командования воинской части, применяется достаточно редко (в 2017 г. менее 0,1 % обвиняемых подвергались этой мере пресечения); во-вторых, реализация данной меры пресечения недостаточно урегулирована на законодательном уровне; в-третьих, в целях повышения эффективности использования этой меры пресечения назрела необходимость в ее совершенствовании на законодательном уровне, что позволит исключить неоднозначное толкование положений о порядке его использования в уголовном судопроизводстве.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Кравцов П. И.

2016 год ознаменован тем, что вступил в силу новый Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон о борьбе с коррупцией), разработанный по поручению Главы государства Генеральной прокуратурой Республики Беларусь. В развитие данного Закона в республике издан ряд нормативных правовых актов, свидетельствующих о пристальном внимании государства к коррупционной составляющей в стране.

Отметим, что Беларусь ежегодно повышает свои позиции в рейтингах, составляемых такой влиятельной международной организацией, как Transparency International, и, например, согласно данным исследования индекса восприятия уровня коррупции, в 2017 г. Республика Беларусь заняла 68 место из 180, улучшив эту позицию на 11 пунктов.

Прокуратура Республики Беларусь занимает одну из лидирующих позиций среди правоохранительных органов по борьбе с коррупцией, осуществляя надзор за исполнением антикоррупционного законодательства и выполняя координирующую функцию таких органов по борьбе с преступностью и коррупцией. Анализируя ст. 4 Закона Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон о прокуратуре), можно сделать вывод, что органы прокуратуры решают задачи по борьбе с коррупцией при осуществлении деятельности по всем отраслям прокурорского надзора.

Прокурорский надзор за исполнением антикоррупционного законодательства имеет свои черты.

Так, предмет данного надзора включает выполнение должностными лицами обязанностей, установленных законодательством о борьбе с коррупцией, например, достоверное представление сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, соблюдение такими лицами запретов и ограничений. Кроме того, в предмет рассматриваемого надзора входит проверка правовых актов, издаваемых такими должностными лицами, на предмет их соответствия нормативным правовым актам, а также надзор за точным и едино-

образным исполнением норм антикоррупционного законодательства. Посредством данного вида надзора выявляются, предупреждаются, пресекаются и устраняются нарушения антикоррупционного законодательства. Прокурорско-надзорная деятельность за исполнением антикоррупционного законодательства направлена на выявление и устранение фактов коррупционных правонарушений, основными видами которых являются гражданско-правовые деликты, дисциплинарные проступки, административные проступки и уголовные преступления. Заметим, что всем коррупционным правонарушениям предшествует нарушение этических и корпоративных стандартов поведения работников соответствующих профессий. Прокуроры наделены широким спектром полномочий, позволяющих принимать меры как к устранению выявленных нарушений антикоррупционного законодательства, так и к привлечению виновных к предусмотренной законодательством ответственности. Напомним, что ответственность за коррупционные правонарушения, закрепленные в ст. 37 Закона о борьбе с коррупцией, наступает в соответствии с законодательством Республики Беларусь, а именно: по ст. 10.5 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях; по определенным составам Уголовного кодекса Республики Беларусь (ст. 424– 427, 430–433).

Главной формой осуществления прокурорско-надзорной деятельности по всем направлениям является проведение прокурорской проверки. Проверки исполнения законодательства в антикоррупционной сфере проводятся на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушений, требующих прокурорского реагирования. Структура проверки состоит из нескольких стадий: планирование проверки; подготовка к проведению проверки; проведение проверки; оформление результатов проверки. Основой для правильного выбора объекта надзорной проверки, подготовки перечня вопросов и выработки методики выявления нарушений антикоррупционного законодательства является анализ и обобщение информации о состоянии законности. При этом, по мнению Первого заместителя прокурора г. Минска А.В. Карповича, прокурорским работникам необходимо учитывать, что при осуществлении надзора за исполнением антикоррупционного законодательства органы прокуратуры не должны подменять иные государственные органы, но работа должна строится по

принципу активного взаимодействия прокуратуры с другими правоохранительными и контролирующими органами в ходе предупреждения, выявления и пресечения коррупционных проявлений.

При выявлении нарушений антикоррупционного законодательства прокурор наделен полномочием по их устранению, а выбор акта прокурорского надзора зависит от специфики нарушения и его последствий, но осуществляется в строгом соответствии с Законом о прокуратуре. Представляется, что при внесении актов реагирования прокуроры должны перспективно оценивать возможные негативные последствия исполнения своих требований. Иными словами, акты прокурорского надзора должны быть направлены не на разрушение существующих правоотношений, а на их корректировку и приведение в соответствие с действующим законодательством.

Прокурорский надзор за исполнением антикоррупционного законодательства осуществляется в различных сферах жизнедеятельности. Наиболее коррупциогенными остаются сферы распоряжения государственной собственностью и имуществом государственных организаций, в том числе бюджетными средствами при осуществлении государственных закупок товаров (работ, услуг), а также закупок товаров (работ, услуг) за счет собственных средств, при выполнении государственных программ.

Так, на координационном совещании по борьбе с преступностью и коррупцией прокуратуры г. Минска, состоявшемся на базе Академии управления при Президенте Республики Беларусь 28 ноября 2018 г., Первый заместитель прокурора г. Минска А.В. Карпович отметил недостатки в рассматриваемой сфере надзора: отсутствие со стороны администрации должного внутреннего контроля в сфере государственных закупок, реализации инвестиционных проектов и государственных программ, что является существенным упущением и почвой для коррупционной составляющей.

Анализ выявленных коррупционных преступлений свидетельствует, что наиболее распространенными способами их совершения, в частности, являются использование государственных средств для личных нужд; необоснованное списание материальных ценностей, занижение их стоимости при отчуждении близким родственникам или ввиду получения материального вознаграждения; предоставление необос-

нованных льгот и преимуществ материального характера для организаций, осуществляющих предпринимательскую деятельность. При этом по сравнению с 2017 г. за 10 месяцев 2018 г. наблюдается увеличение количества коррупционных преступлений, сопряженных со взяточничеством: с 338 (2017 г.) до 422 (2018 г.).

Подытоживая, отметим, что прокуратура принимает участие в борьбе с преступностью и коррупцией по различным направлениям. Ведь кроме надзора за исполнением антикоррупционного законодательства прокуратура осуществляет надзор за расследованием уголовных дел коррупционной направленности, обеспечивает поддержание государственного обвинения в суде по таким делам, ведет борьбу с коррупционными правонарушениями и преступлениями, их профилактику, а главное является координатором деятельности правоохранительных и иных органов по борьбе с преступностью и коррупцией.

Цитируя слова Главы государства о том, что «коррупция – это ржавчина, которая съедает все», считаем, что прокуратуре отводится ведущее место в противодействии коррупционным проявлениям, а разрабатываемые и принимаемые меры в борьбе с этой «ржавчиной» должны осуществляться на постоянной и системной основе.

ТРЕБОВАНИЕ ОБ УСТРАНЕНИИ НАРУШЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СИСТЕМЕ ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

Куркович В. В.

При осуществлении надзора в ходе досудебного производства, при производстве дознания и предварительного следствия Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) предоставляет прокурору достаточно широкий диапазон полномочий, в том числе направленных на устранение выявленных нарушений. Одним из таких полномочий является требование об устранении нарушений законодательства, допущенных органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем в ходе дознания, предварительного следствия (п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК). Данное требование направляется надзирающим прокурором начальнику следственного подразделения или начальнику

органа дознания. Отметим, что требование об устранении нарушений законодательства – одна из сравнительно новых процессуальных мер обеспечения законности в уголовном процессе, которая появилась с внесением изменений в уголовно-процессуальное законодательство в связи с созданием в 2013 г. Следственного комитета Республики Беларусь.

Требование является достаточно распространенной мерой прокурорского реагирования в досудебном уголовном производстве, о чем свидетельствуют официальные данные Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: например, в 2016 г. в целом по республике прокурорами было внесено 1 207 таких требований. В то же время данное полномочие прокурора вызывает определенный интерес в виду своей новизны и недостаточно четкой нормативной определенности.

УПК (п. 46^1 ст. 6) предлагает понимать под требованием обязательное к рассмотрению письменное требование начальнику следственного подразделения, начальнику органа дознания об устранении нарушений законодательства, допущенных органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем в ходе дознания, предварительного следствия. Из этого определения можно сделать вывод о том, что требование об устранении нарушений законодательства представляет собой акт прокурорского надзора, который должен быть отражен и в Законе Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон о прокуратуре). Вместе с тем глава 10 Закона о прокуратуре содержит акты прокурорского надзора универсального характера, т.е. применяемые в любой отрасли надзора. А требование об устранении нарушений законодательства имеет узкую направленность, касается определенного круга субъектов (органов дознания, предварительного следствия) и может применяться лишь на одной стадии уголовного процесса – на предварительном расследовании. Из этого следует, что названное требование является специализированной мерой прокурорского реагирования и не обладает универсальным характером, присущим актам прокурорского надзора, указанным в главе 10 Закона о прокуратуре.

Требование об устранении нарушений законодательства, на первый взгляд, имеет общие характеристики с такими актами прокурорского надзора, как представление и предписание, но для их разгра-

ничения и признания каждого из таких прокурорских документов самостоятельным необходимо четко раскрыть сущность каждого из них.

Так, согласно ст. 38 Закона о прокуратуре, представление – это акт прокурорского надзора, содержащий требование об устранении нарушений законодательства, причин и условий, способствующих этим нарушениям. Исходя из приведенной трактовки представления и нормативной дефиниции требования (п. 46^1 ст. 6 УПК) видится их общность, но при более глубоком анализе усматриваются и различия между ними. Несовпадение требования и представления прослеживается в их целевом характере: требование выносится, как правило, при обнаружении единичного факта нарушения уголовно-процессуального законодательства, не носящего многочисленный характер; представление вносится при обнаружении прокурором неединичных фактов нарушений законности, составляющих собой некую совокупность, и носит более «абстрактный» характер; представление направлено на устранение постоянных ошибок системного характера, в то время как требование призвано устранять единичные факты ошибок в деятельности органов дознания и предварительного следствия.

Более близкими по своему содержанию видятся требование (п. 46^1 ст. 6 УПК) и предписание (ст. 41 Закона о прокуратуре). Предписание – это акт прокурорского надзора об устранении нарушений законодательства, которое носит явный характер и может причинить существенный вред правам и законным интересам граждан (индивидуальным предпринимателям, организациям), общественным и государственным интересам, если оно не будет немедленно устранено. При анализе нормативной трактовки предписания усматривается его общность с требованием как акта реагирования на конкретные действия нарушителя. При этом, исходя из специфики деятельности органов предварительного расследования, любое нарушение уголовно-процессуального законодательства с их стороны может повлечь причинение существенного вреда для прав участников процесса, в чем и видится явный характер таких нарушений. Вместе с тем рассматриваемые меры прокурорского реагирования являются самостоятельными и обособленными. Это видится в том, что некоторые нарушения, охватываемые содержанием требования в уголовном процессе, могут зачастую носить неявный характер и не всегда являются прямым на-

рушением какого-либо акта законодательства (например, волокита и затягивание сроков расследования).

Несмотря на законодательное позиционирование самостоятельности требования об устранении нарушений законодательства, некоторые исследователи ставят под сомнение его эффективность. Одним из аргументов такой точки зрения является не до конца понятный и не четко регламентированный механизм реализации требования.

Разъяснение отдельных законодательных пробелов относительно исполнения указанного требования прокурора можно найти в приказе Генерального прокурора Республики Беларусь «О некоторых мерах по совершенствованию прокурорского надзора и процессуального контроля на стадии досудебного производства» от 18.04.2013 г. № 20. Данный приказ устанавливает, что начальник следственного подразделения безотлагательно после рассмотрения требования, вынесенного на основании п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК, информирует прокурора о результатах его рассмотрения. Значимость информирования начальником следственного подразделения прокурора о результатах рассмотрения требования состоит в том, что могут быть приняты не все меры к устранению нарушений законодательства, либо принятые меры недостаточны для устранения нарушений, либо не соответствуют степени их тяжести. В таком случае прокурор вправе вынести повторное требование.

Положительно оценивая установление, содержащееся в цитируемом приказе, считаем, что формулировка об информировании прокурора должна быть закреплена в ч. 5 ст. 34 УПК. Это обусловлено тем, приказы Генерального прокурора Республики Беларусь являются обязательными лишь для прокурорских работников, но не для следственных органов. А нормы уголовно-процессуального законодательства имеют диапазон воздействия на представителей обоих государственных органов.

Подытоживая, отметим, что требование прокурора в досудебном уголовном производстве представляет собой достаточно эффективное средство прокурорского реагирования на нарушения законодательства, направленное на обеспечение законности при производстве предварительного расследования и восстановление нарушенных прав и законных интересов участников уголовного процесса.

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ОРГАНОВ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ИМИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Потапчук О. Г.

С целью предупреждения, выявления, пресечения преступлений на Государственной границе, а также обеспечения пограничной безопасности, органы пограничной службы наделены правом осуществления оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в рамках своей компетенции. ОРД на современном этапе развития органов пограничной службы Республики Беларусь (далее – органы пограничной службы) является неотъемлемой частью охраны Государственной границы Республики Беларусь (далее – Государственная граница). Благодаря ОРД органы пограничной службы при выполнении задач по охране государственной границы способны активно бороться с преступностью и противодействовать иным правонарушениям на Государственной границе, т.к. ОРД позволяет получать упреждающую информацию не только на стадии совершения преступления, но и при формировании преступного умысла.

ОРД органов пограничной службы, а также задачи, возложенные на эти органы Законом Республики Беларусь от 15.07.2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – закон об ОРД), направлены на защиту жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав и законных интересов организаций, собственности от преступных посягательств, обеспечение безопасности общества и государства.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 21.06.2008 г. № 419-З «О Государственной границе Республики Беларусь», ОРД органов пограничной службы заложена в двух понятиях:

1) оперативное обеспечение охраны Государственной границы – деятельность государственных органов, организующих и осуществляющих в соответствии с их компетенцией разведывательные, оперативно-розыскные, контрразведывательные и иные мероприятия в целях выполнения задач по охране Государственной границы;

2) охрана Государственной границы – комплекс оперативно-служебных действий, контрольных, оперативно-розыскных, режимных и иных мероприятий, осуществляемых органами пограничной службы, иными государственными органами, организациями и физическими лицами в соответствии с их компетенцией в целях соблюдения законодательства Республики Беларусь о Государственной границе.

Большая советская энциклопедия дает нам следующее понятие оперативного обеспечения – это комплекс мероприятий, создающий условия для успешного выполнения задач, по предназначению, войсками (силами), то есть выполнение операций. Составная часть военных действий на уровне соединений и частей называется тактическим (боевым) обеспечением.

Хотелось бы отметить, что применение ОРД в практике оперативных подразделений органов пограничной службы, основано на оперативном обеспечении охраны Государственной границы, т.е. на информационном обеспечении подразделений пограничной службы и пограничного контроля.

Основным направлением деятельности оперативных подразделений органов пограничной службы является создание условий для успешной реализации задач по охране государственной границы подразделениями пограничной службы и пограничного контроля, а также, получение информации о совершаемом или подготавливаемом преступлении с целью своевременного реагирования на возникающие вызовы и угрозы данными подразделениями в пограничном пространстве.

К сожалению, нигде не рассматривается возможность оперативных подразделений органов пограничной службы самостоятельно противодействовать вызовам и угрозам, возникающим в пограничном пространстве, хотя, категория преступлений совершаемых на Государственной границе (организация незаконной миграции, перемещение через государственную границу наркотических средств, психотропных веществ, огнестрельного оружия и боеприпасов и другие виды противоправной деятельности, носящие организованные формы реализации и имеющие большую степень общественной опасности) требуют этого.

При анализе ОРД в органах пограничной службы, возникает вопрос о месте и роли подразделений пограничной службы и пограничного контроля в стадиях оперативно-розыскного процесса с учетом их

возможностей. Необходимо сразу же оговорится, что эффективно охранять границу только лишь оперативными силами и средствами, формами и методами ОРД, без привлечения войсковых сил, в современных условиях практически не возможно. В современной практике сочетается оперативный и войсковой способ охраны государственной границы – как комплексное использование разнородных сил и средств.

Противоправная деятельность на Государственной границе носит организованный, системный и законспирированный характер, не редки случаи применения научно-технических средств при совершении преступлений. Данные факторы оказывают решающее влияние на способность органов пограничной службы не только осуществлять задержание лиц причастных к противоправной деятельности через государственную границу, но и влияют на способность органов пограничной службы привлекать таких лиц к уголовной и административной ответственности за совершенные преступления и правонарушения.

Подводя итог, можно констатировать, что:

– ОРД, проводимая оперативными подразделениями органов пограничной службы, не рассматривается как самостоятельный субъект охраны Государственной границы, несмотря на ее возможности, а применение оперативных подразделений строится с позиции оперативного обеспечения;

– современные формы осуществления противоправной деятельности на Государственной границе требуют необходимости развития оперативных подразделений органов пограничной службы, с целью еще более эффективного противодействия преступности на государственной границе.

О ПЕРСПЕКТИВАХ МЕДИАЦИИ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ КОНФЛИКТОВ

Рачинская В. И.

Институт медиации в Республике Беларусь становится все более популярным инструментом для разрешения спорных ситуаций. В ходе медиации спорящие стороны добросовестно и добровольно в целях урегулирования своего конфликта стараются прийти к компромиссу,

вырабатывая взаимоприемлемое соглашение, оптимальное для каждого, чего не может обеспечить судебный порядок разрешения спора, где почти всегда есть победитель и проигравший.

Так, 24.01.2014 г. вступил в силу Закон Республики Беларусь № 58-З «О медиации» (далее – Закон о медиации), основные положения которого восприняло и иное законодательство Республики Беларусь. Например, Закон Республики Беларусь от 30.12.2011 г. № 334-З «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» (далее – Закон об адвокатуре) определяет, что адвокаты могут выступать медиаторами при урегулировании правовых споров. Положительно оценивая данное законодательное установление, считаем, что оно в полной мере отвечает задачам белорусской адвокатуры и связывает адвокатскую деятельность с правоохранительной в целях предотвращения и разрешения жизненных проблем граждан и юридических лиц, защите их прав, свобод и интересов.

Принятая в 2010 г. Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 23.12.2010 г. № 672, положила начало дискуссиям о необходимости введения в национальное законодательство норм о медиации в уголовном процессе.

На протяжении длительного периода многими учеными (Л.Л. Зайцева, В.С. Каменков, Ю.А. Амельченя, С. Мицкевич), практиками, депутатами Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь высказывались обоснованные суждения о целесообразности использования медиации в уголовном процессе, предлагались проекты Законов о внесении дополнений и изменений в уголовно-процессуальное законодательство по вопросам медиации, которые были предметом рассмотрения нормотворческих органов.

Разделяя данную позицию, считаем, что действующий Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) может содержать нормы, регламентирующие медиацию и право участников уголовного процесса – подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего воспользоваться данной примирительной процедурой с участием медиатора, в качестве которого может выступать адвокат. В связи с вышеизложенным представляется целесообразным введение в действующий УПК следующих положений.

Так, ст. 6 УПК следует дополнить нормой, уточняющей понятие медиативного соглашения, под которым предлагается понимать соглашение, заключенное в рамках уголовного процесса между потерпевшим и подозреваемым, обвиняемым по результатам медиативной процедуры, проведенной в порядке, предусмотренном законодательными актами. В данной правовой норме также следует определить дефиницию «примирительная процедура» – медиация, проводимая в соответствии с УПК между потерпевшим и подозреваемым, обвиняемым в целях примирения сторон, возмещения причиненного преступлением вреда, восстановлением нарушенных прав и стимулирования законопослушного поведения лиц, совершивших преступление.

По нашему мнению, в УПК необходимо закрепить добровольный порядок примирения потерпевшего и подозреваемого, обвиняемого посредством процедуры медиации на любой стадии уголовного процесса до удаления суда в совещательную комнату.

В процессуальной регламентации нуждается и срок данной процедуры, который нами предлагается ограничить одним месяцем. В законе следует четко обозначить, что при достижении примирения потерпевшим и подозреваемым, обвиняемым заключается медиативное соглашение, в котором излагаются достигнутые соглашения о возмещении причиненного совершенным преступлением вреда, о восстановлении нарушенных преступлением прав, а также иные договоренности. Такое примирение и добровольное исполнение подозреваемым, обвиняемым медиативного соглашения может являться обстоятельством, смягчающим уголовную ответственность по делам, исключающим прекращение производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. В то же время невыполнение подозреваемым, обвиняемым медиативного соглашения является основанием для его принудительного исполнения в порядке, установленном законодательством об исполнительном производстве.

В связи с изложенным нами отстаивается позиция о введении нового участника уголовного процесса – медиатора, понятие и процессуальный статус которого также должны иметь нормативную регламентацию. Думается, что УПК необходимо дополнить новой статьей, в которой, во-первых, закрепить, что медиатором является не заинтере-

сованное в исходе уголовного дела лицо, отвечающее требованиям законодательства о медиации, привлекаемое органом, ведущим уголовный процесс, по ходатайству потерпевшего и подозреваемого, обвиняемого для проведения примирительной процедуры. Такое определение, на наш взгляд, ставит адвоката в преимущественное положение как участника медиативной процедуры в отличие от других кандидатов, ведь он может оказывать действительно квалифицированную юридическую помощь сторонам уголовно-правового конфликта в составлении законного, исполнимого и справедливого медиативного соглашения.

Во-вторых, в УПК следует отразить права медиатора на ознакомление со сведениями, касающимися подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего, с обстоятельствами уголовного дела в объеме, определенном органом, ведущим уголовный процесс, и необходимом для проведения примирительной процедуры; на беспрепятственное общение с подозреваемым, обвиняемым, содержащимся под стражей, без ограничения количества и продолжительности бесед.

В качестве корреспондирующих обязанностей полагаем справедливым закрепить в УПК следующие обязанности медиатора:

1) соблюдение требований, возложенных на него уголовно-процессуальным и иным законодательством;

2) представление органу, ведущему уголовный процесс, документов, подтверждающих его квалификацию медиатора;

3) обязанность действовать только с согласия и в интересах сторон примирительной процедуры;

4) обязанность сообщать органу, ведущему уголовный процесс, о результатах примирительной процедуры.

Наряду с предложенными правами и обязанностями считаем, что на адвоката, выступающего в качестве медиатора, распространяются также и нормы Закона об адвокатуре, и частично – действующего УПК, касающегося участия адвоката в качестве защитника. При этом адвокат в своей деятельности обязан соблюдать высокие стандарты профессиональной адвокатской этики, что, несомненно, наложит свой отпечаток при осуществлении им деятельности медиатора.

Таким образом, перечисленные выше обстоятельства, ставят адвоката на более выигрышную позицию не только перед лицами иных

профессий, но и перед коллегами-юристами, принимающими участие в урегулировании юридических конфликтов, в том числе и уголовно-правовых споров, посредством медиации. Думается, что введение медиации в уголовный процесс Республики Беларусь является ближайшей законодательной перспективой, а высказанные нами идеи могут быть восприняты нормотворческими органами при разработке соответствующих норм уголовно-процессуального законодательства.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПЛАТФОРМА МОДЕРНИЗАЦИИ ДОСУДЕБНОГО УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Савчук Т. А.

Внедрение информационно-коммуникационных технологий в уголовно-правовую сферу является важным этапом осуществляемых в настоящее время Республикой Беларусь реформ на пути реализации электронного правосудия, предусмотренных программой деятельности Правительства на 2011–2015 гг.

Информационно-коммуникационное обеспечение уголовного процесса в Республике Беларусь включает в себя формирование информационных правовых ресурсов; максимально возможное компьютерное оснащение органов уголовного преследования и суда; внедрение в деятельность следственных органов Единой автоматизированной информационной системы; использование современных информационных технологий при проведении следственных и иных процессуальных действий.

Неоспорим тот факт, что информационные технологии в деятельности органов, ведущих уголовный процесс, способствуют ускорению поиска, обработки и последующего анализа необходимой, в том числе доказательственной, информации, оперативному обмену различными сведениями по уголовному делу. Названные обстоятельства послужили импульсом для активных научных исследований и дискуссий по вопросам информационно-коммуникационного обеспечения уголовного процесса, а также по различным аспектам обеспечения и защиты информации в досудебном уголовном производстве.

Основной идеей проводимых в настоящее время научных исследований и практических пилотных проектов по вопросу использования информационных технологий в уголовно-процессуальной деятельности является внедрение электронной формы уголовного дела. Отметим, что на протяжении длительного периода времени развитие уголовно-процессуального законодательства и практики его применения государств постсоветского пространства, главным образом, сдерживается взглядом на письменную форму, как на основную и незаменимую форму фиксации в уголовном процессе. Но в условиях современного развития науки и информационных технологий, активной государственной политики в сфере электронного правосудия этот взгляд может быть заменен на отношение к письменной форме, как второстепенной и заменимой форме фиксации информации в уголовном процессе.

Позитивное отношение к электронной форме уголовного дела наблюдается среди отдельных правоведов, указывающих в качестве аргументов в ее пользу ненадежность бумажного носителя (его ветхость и легкое уничтожение), объемность и тяжеловесность томов уголовного дела. Несомненно, электронная форма уголовного дела имеет свои преимущества и уже используется в отдельных государствах, реализующих концепцию модернизации уголовно-процессуальной формы путем перехода на электронную платформу (например, в Эстонии работа с электронным делом регламентирована уголовно-процессуальным законодательством, а в Грузии программное обеспечение по уголовному делу используется на основании приказа Главного прокурора) или предпринимающих конкретные шаги в данном направлении (Россия, Казахстан, Армения).

В Республике Армения реализовано два проекта: во-первых, «Система электронного следствия», представляющая «личный кабинет следователя» (шаблоны процессуальных документов, система напоминания об истечении процессуальных сроков, поисковая система уголовных дел); во-вторых «Система оцифровки уголовных дел» – комплекс по хранению копий уголовных дел в электронном формате. Эффективность данных проектов доказана на практике: это упрощение процедуры оформления процессуальных решений следователя, процессуальная экономия и оперативность процессуального контроля.

В Республике Казахстан с 2017 г. проводится апробирование проекта «Электронное уголовное дело», который содержит 315 образцов процессуальных документов, а также решает вопросы электронного извещения участников уголовного дела, возможность их ознакомления с делом и подписание ими электронных процессуальных документов при помощи графического планшета и стилуса, электронного взаимодействия с судами по вопросам санкционирования и направлений уголовных дел. Только за четыре месяца 2017 г. через этот пилотный проект прошло 517 уголовных дел, показав значительные преимущества – экономия времени следователя, прокурора, суда, повышение качества расследования уголовных дел и значительное сокращение процессуальных расходов.

В Республике Беларусь в настоящее время отсутствуют информационные ресурсы, позволяющие аккумулировать и анализировать информацию, необходимую следственным органам для расследования уголовных дел с соблюдением конфиденциальности и оперативности. Работа в данном направлении ведется Следственным комитетом Республики Беларусь с 2013 г., который занимается разработкой Единой автоматизированной информационной системы (ЕАИС) для автоматизации процессов следственной деятельности.

Так, Концепция ЕАИС будет представлена одиннадцатью взаимосвязанными подсистемами, объединенными в три блока.

В основе функционирования ЕАИС (первый блок) – прикладное администрирование, система защиты информации, классификация и кодирование информации.

Второй блок ЕАИС включает подсистемы по организации следственной работы, не связанной с расследованием преступлений (автоматизация кадровой работы, аналитической отчетности, нормативной базы).

Третий блок ЕАИС имеет непосредственное отношение к деятельности следователя по расследованию преступлений, его основной идеей является планомерный переход к электронному формату уголовного дела, предположительное он будет состоять из трех подсистем (автоматизация следственной работы; взаимодействие с информационными ресурсами государственных органов; взаимодействие с Единым государственным банком данных о правонарушениях).

Автоматизация следственной работы планируется по ключевым позициям: работа по заявлениям (сообщениям) о преступлениях; база данных «Участники процесса»; база данных «Изъятые предметы», «База знаний», «Контакты»; контроль процессуальных сроков и исполнения поручений руководителей следственных подразделений; организация и планирование следственной работы; составление описи уголовных дел и материалов проверок; составление статистической отчетности следственной работы. Отметим, что уже сейчас в рамках ЕАИС введены в действие технические подсистемы первого блока – «Классификаторы» и «Прикладное администрирование», а также подсистемы второго блока – «Управление кадрами» и «Поиск по государственным информационным ресурсам».

Представляется, что повсеместное внедрение рассматриваемой ЕАИС в практику работы следственных органов Республики Беларусь повысит эффективность взаимодействия следователей с государственными органами (включая прокуратуру и суды), уменьшит нагрузку и высвободит время для проведения следственных и иных процессуальных действий, ускорит проведение расследования уголовных дел.

Зарубежный опыт по реализации электронного уголовного дела показал и проблемные аспекты, в числе которых значительные финансовые затраты, невозможность работы с электронным делом на удаленном доступе и при чрезвычайных обстоятельствах, отсутствие возможности ознакомления с уголовным делом в цифровом формате участниками процесса и реализации ими определенных процессуальных прав (подачи жалоб, ходатайств). Но внедрение информационных технологий в уголовный процесс является закономерным условием успешного реформирования законодательства и оптимизации уголовно-процессуальной деятельности, главное, что следует учитывать при внедрении информационных технологий – такая модернизация не должна нарушать конституционных прав и свобод личности, вовлекаемой в орбиту уголовного процесса, и основополагающих процессуальных предписаний.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДРУЖЕСТВЕННЫХ КОМНАТ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Соболюк Т. А.

Функционирование комнат дружественного опроса несовершеннолетних, при проведении следственных и иных процессуальных действий (далее – дружественных комнат) позволяет эффективно осуществлять правосудие, дружественное к детям. Основная функция дружественных комнат – создание комфортных и отвечающих потребностям детей условий для проведения следственных и иных процессуальных действий с участием несовершеннолетних. Организация таких комнат отвечает Рекомендации Комитета Министров Совета Европы по правосудию, дружественному к ребенку, которые предписывают государствам предпринять все усилия для создания максимально благоприятной для ребенка обстановки и наиболее подходящих условий при осуществлении правосудия в отношении последнего.

В большинстве зарубежных государств проведен ряд мероприятий, направленных на проведение дружественного допроса несовершеннолетних на досудебных и судебных стадиях уголовного процесса. Наиболее часто в зарубежной практике допросы несовершеннолетних участников процесса (потерпевших, свидетелей) проводятся с использованием аудио- и видеозаписи в дружественных комнатах с комфортной обстановкой для такой категории лиц. В последующем данные записи исследуются в судебном разбирательстве с тем, чтобы избежать повторного допроса несовершеннолетних. Некоторые государства практикуют проведение допросов несовершеннолетних в дружественных комнатах с оказанием психолого-социальной, правовой и отчасти медицинской помощи несовершеннолетним потерпевшим, свидетелям (Дания, Швеция, Норвегия). В Турции работает несколько пилотных проектов, где такие помещения прикреплены к больницам.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) в 2016 г. был дополнен ст. 224-1 и ст. 343-1, предусматривающими проведение допроса, очной ставки и опознания с использованием видеоконференцсвязи (далее – ВКС), в том числе и несовершенно-

летних потерпевшего, свидетеля. Данные нововведения представляют собой первые шаги по внедрению информационных технологий в уголовный процесс, что отражает стремление Республики Беларусь отвечать мировой практике внедрения электронного правосудия. Следует отметить, что в ряде государств (страны Европы, США, Канада, Грузия, Турция, Молдова, Казахстан, Болгария) созданы условия для ВКС в специальных помещениях в здании суда (или другом месте, но с обязательной видеосвязью с залом суда).

До недавнего времени в Республике Беларусь отсутствовали специализированные дружественные комнаты для несовершеннолетних участников процесса. Это упущение было отмечено Комитетом ООН по правам ребенка и по его рекомендациям в республике начато внедрение технологий опросов, дружественных детям.

Так, в июле 2009 г. при поддержке Международного общественного объединения «Понимание» в г. Минске открылась первая комната дружественного опроса несовершеннолетних. А в 2012 г. по инициативе данного общественного объединения в Национальный план действий Республики Беларусь по улучшению положения детей и охране их прав и законных интересов на 2012–2016 гг. был включен пункт рассмотрения вопроса о внедрении в уголовный процесс (в частности, в судебное производство) дружественных форм опроса несовершеннолетних. В рамках реализации названного плана к 2017 г. в Беларуси функционировало 19 дружественных детям комнат допроса, включая открытый в 2016 г. «Дом понимания», оказывающий помощь детям-жертвам и (или) свидетелям, пострадавшим от насилия. В основном такие комнаты открываются на базе социально-педагогических центров. Дружественная комната допроса несовершеннолетних представляет собой изолированное помещение, оснащенное панорамной камерой и микрофоном. При проведении следственного действия (в т.ч. допроса) в такой комнате находится только несовершеннолетний и специально подготовленный психолог. Иные участники процесса находятся в другой комнате и наблюдают за происходящим на экране телевизора, при этом они могут задавать вопросы несовершеннолетнему через психолога. Примечательно, что если в отношении несовершеннолетнего потерпевшего насилие совершил мужчина, то допрос проводит обязательно женщина-психолог, что оказывает положитель-

ное влияние на допрашиваемого и не создает для него некомфортных условий.

В рассматриваемом нами контексте интересен опыт некоторых зарубежных государств.

Например, в Кыргызской Республике на базе суда функционируют детские комнаты, состоящие из отдельных залов заседаний и ожидания, предназначенных для обеспечения благоприятных условий детям-жертвам, свидетелям и детям, находящимся в конфликте с законом, а также тем, кто находится в состоянии стресса на протяжении всего судебного процесса. Такие залы оснащены техническим оборудованием, небольшой библиотекой, игрушками, информационными плакатами, юридической литературой по вопросам защиты детей для психологов, юристов, учителей и родителей. Примечательно, что в зале судебных заседаний по делам несовершеннолетних отсутствуют решетки, в которых обычно пребывают обвиняемые во время судебного заседания. Судьи, специализирующиеся на рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних, ведут слушания без судейских мантий.

В Узбекистане первая дружественная к детям комната следственных действий открыта в Министерстве внутренних дел в 2018 г. при поддержке ЮНИСЕФ на основе международных практик.

Примечательно, что в Республике Молдова дружественный допрос несовершеннолетних потерпевших (свидетелей) нашел закрепление на законодательном уровне. Так, Уголовно-процессуальный кодекс Молдовы закрепляет, что допрос несовершеннолетних потерпевших (свидетелей) проводится исключительно в допросных комнатах, оборудованных для дружественного допроса. В допросной комнате может находиться только несовершеннолетний потерпевший (свидетель) и лицо, производящее допрос. В свою очередь, судья, ведущий судебное разбирательство, а также другие участники данного процессуального действия (защитник, законный представитель, психолог) находятся в наблюдательной комнате. Названные участники процесса могут задавать вопросы допрашиваемому несовершеннолетнему через судью по уголовному преследованию, который передает их лицу, производящему допрос, устно посредством технических устройств или письменно – во время перерыва.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что многие государства стремятся создавать надлежащие механизмы для реального обеспечения процессуальных гарантий несовершеннолетних участников уголовного процесса, в том числе посредством использования ВКС, функционирования дружественных комнат и создания благоприятных условий для проведения следственных и иных процессуальных действий с названными участниками процесса. Представляется, что Республика Беларусь находится на пути создания таких действенных механизмов, а изложенный нами зарубежный опыт может быть заимствован с целью усиления защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного процесса.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОКАЗАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ УЧАСТНИКАМ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ К НИМ МЕР ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ

Терешко С. Д.

Статус мер по обеспечению безопасности участников уголовного процесса как незаменимого института уголовно-процессуального права был подтвержден путем отведения им отдельной главы в рамках Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК). В целом, обеспечение безопасности сводится к двум основным задачам: во-первых, защитить граждан от преступных посягательств, а во-вторых, гарантировать их сотрудничество с органами уголовного преследования. Однако если первая задача практически в полной мере решаема благодаря применению мер по обеспечению безопасности, то с решением второй задачи на практике может возникнуть ряд трудностей.

Дело в том, что производство по уголовному делу может вызвать у его участников, в особенности, у потерпевшего и свидетелей, сильные душевные волнения и даже стресс. А в условиях угрозы и необходимости применения к ним мер безопасности, такие участники и вовсе могут отказаться сотрудничать, опасаясь за жизни и здоровье

себя и своих близких, а также свое имущество, и не веря в эффективность государственной защиты.

В таких случаях выходом из сложившейся ситуации может стать оказание психологической помощи участникам, к которым применены меры безопасности. При этом такая помощь должна предоставляться за счет средств бюджета специалистами, которые независимы от следствия и обвинения. Кроме того, необходимо понимать, что она не связана с подготовкой к даче показаний или суду, а направлена только на поддержку участников уголовного процесса и сведения к минимуму стресса от их участия в деле.

В настоящее время мы говорим о том, что в Республике Беларусь оказание психологической помощи находится «в руках» самих участников уголовного процесса, что, как правило, исследователи связывают с отсутствием финансовой поддержки со стороны государства и вопросом подготовки специалистов. В этой связи В.В. Агафонцев справедливо отметил, что если принять во внимание факт отсутствия надлежащей правовой, медицинской и психологической помощи, «становится понятным нежелание потерпевших и других лиц, призванных содействовать правосудию, заявлять о фактах совершения преступлений, а также принимать активное участие в следственных действиях и судебном разбирательстве».

На фоне этого, отметим, что опыт по оказанию помощи со стороны государства не является чем-то уникальным. В настоящее время программы, а также иные инструменты специализированной помощи закреплены и успешно действуют во многих странах, в числе которых Австрия, Германия, США, Южная Африка, Япония и ряд других. При этом подходы стран в этой области совершенно различны, начиная от создания специального списка психологов, к которым может обратиться лицо (Новая Зеландия) и заканчивая учреждением должности штатного психолога при соответствующем подразделении (Австралия). Имеют успех и некоммерческие организации, оказывающие не только психологическую, но и юридическую, финансовую, иные виды помощи соответствующим лицам на безвозмездной основе (Великобритания).

Таким образом, в зависимости от возможностей, в том числе финансовых, того или иного государства может быть избрана опти-

мальная модель по оказанию необходимой помощи лицам, к которым применены меры безопасности. Кроме того, согласимся с Н.С. Томиловой, которая отмечала, что «при оказании правовой, психологической и физической защиты свидетелей и потерпевших, решаются не только личные интересы граждан, но и государственные». Именно поэтому, в вопросах, касающихся обеспечения безопасности участников процесса, оказания им психологической помощи, не должны выноситься на первый план вопросы, касающиеся финансирования.

Что касается подготовки соответствующих специалистов, полагаем, что помимо знаний и опыта работы в области медицины и психологии, им также необходимо обладать пониманием уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Конечно, в виду отсутствия правового регулирования, а также практики подготовки специалистов, на сегодняшний день мы можем говорить о последнем требовании только в рамках рекомендации. Однако они, а также другие требования, предъявляемые к данным лицам, их полномочия и функции должны быть четко определены в законодательстве.

Вместе с тем заметим, что здесь также неизбежно встает вопрос о том, всем ли участникам процесса, к которым применены меры безопасности, а также их близким должна быть оказана психологическая помощь. Отметим, что, безусловно, эта помощь не может быть навязана лицу. Тем не менее, оно должно иметь возможность воспользоваться ей в случае необходимости в течение всего срока производства по делу. Более того, ни поведение лица, ни характер угроз, ни тяжесть совершенного преступления, ни примененная мера безопасности не должны влиять на наличие такой возможности.

В связи с этим, на наш взгляд, оказание психологической помощи должно основываться на принципах доступности, бесплатности, конфиденциальности. При этом последний принцип предполагает не только сохранение врачебной тайны, но также «тайны следствия». Именно поэтому психологи, оказывающие соответствующую помощь, должны считаться надежными и обладать доверием органа, ведущего уголовный процесс.

Кроме того, представляет интерес и вопрос о том, в каких формах может быть оказана психологическая помощь. Так, первой и наиболее очевидной формой является организация сеансов терапии, в

рамках которой психолог сможет выслушать и успокоить лицо, обратившееся за помощью.

Второй формой помощи может стать сопровождение лица психологом на следственных действиях и в судебное заседание. Заметим, такая форма знакома белорусскому законодательству в рамках производства по уголовным делам с участием лиц в возрасте до восемнадцати лет. При этом с разрешения органа, ведущего уголовный процесс, психологи могут задавать несовершеннолетним вопросы. Данные положения носят без сомнения положительный характер, однако остается невыясненным вопрос о том, почему в глазах законодателя лица в возрасте до восемнадцати лет остаются единственными, кому может потребоваться помощь соответствующего специалиста.

Наконец, третьей формой могут стать беседы психологов с данными лицами для оценки их психологического состоянии и возможности дальнейшего участия в уголовном процессе, а также формы такого участия. При этом данная форма является единственной, которая может быть произведена вне зависимости от желания лица.

Исходя из всего вышесказанного, мы делаем вывод о том, что в настоящее время требуется детальная проработка вопроса, касающегося оказания психологической помощи участникам уголовного процесса, к которым применены меры по обеспечению безопасности. При этом внимание законодателя должно быть обращено на следующие важные аспекты:

– законодательное закрепление возможности соответствующих лиц воспользоваться психологической помощью;

– закрепление порядка оказания психологической помощи этим лицам на основе принципов доступности, бесплатности и конфиденциальности;

– закрепление требований, предъявляемых лицам, оказывающим психологическую помощь в рамках уголовного процесса.

Полагаем, что вышеуказанные аспекты могут быть отражены в рамках гл. 8 УПК, посвященной мерам по обеспечению безопасности уголовного процесса и других лиц, а также путем разработки соответствующих актов. В свою очередь правоприменительным органам следует обеспечить разработку соответствующего механизма, а также

урегулированию на практике вопросов, касающихся участия таких специалистов в уголовном процессе.

В заключение, отметим, что реализация данных рекомендаций является необходимым шагом для решения задач, стоящих не только перед институтом мер по обеспечению безопасности, но также и уголовным процессом в целом.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ КООРДИНИРУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ ПРОКУРАТУРЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАКОННОСТИ В СФЕРЕ ЗАКУПОК

Хмарук С. К.

На современном этапе развития новый государственный менеджмент затрагивает все сферы деятельности белорусского государства, в том числе и правоохранительную. Верховенство закона (честность и беспристрастность правовых структур, особенно тех, которые обеспечивают соблюдение прав человека), является важнейшим условием качественного государственного управления.

Органы прокуратуры осуществляют координацию правоохранительной деятельности государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией, иных организаций, участвующих в борьбе с преступностью, а также деятельность по профилактике правонарушений. Вместе с тем, как обоснованно отмечается правоведами, в законодательстве Республики Беларусь отсутствует легальное определение понятия «координирующая функция прокуратуры». В юридической литературе в самом общем виде под ней понимают объединение усилий, согласованность, устранение дублирования действий различных органов в борьбе с преступностью и коррупцией.

Проблемным аспектом координационной деятельности прокуратуры является недостаточная эффективность проводимых координационных совещаний, что в значительной степени обусловлено недостаточной подготовленностью их организации и проведения. В связи с этим важной задачей прокуратуры в настоящее время является оптимизация системы координации правоохранительной деятельности. В этом ракурсе А.С. Сенько обоснованно указывает на то, что «основные

направления координации на поднадзорной им территории (сфере деятельности) прокуроры должны определять лично, с учетом конкретных криминогенных условий, результатов анализа состояния преступности и коррупции. Вопросы, включаемые в план работы координационного совещания, должны носить системный и своевременный характер, быть актуальными и значимыми в масштабах региона».

Одним из важных направлений в работе органов прокуратуры города Минска по координации правоохранительной деятельности выступает сфера государственных закупок, развитие которой прошло путь от регулирования одной процедуры до сложного, комплексного института общественных отношений. Вполне обоснованно, что необходимым элементом государственного регулирования системы закупок является контроль (надзор) за происходящими процессами. Соответственно, и в координации правоохранительной деятельности, одним из важнейших вопросов для прокуроров является сфера государственных закупок.

О значительной коррупциоемкости данной сферы свидетельствуют не только данные прокурорского надзора (каждое третье коррупционное правонарушение выявляется в сфере закупок), но и значительное число жалоб, которые поступают от субъектов хозяйствования. Так, в первом полугодии 2018 г. в Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь поступило 620 жалоб по результатам закупочной деятельности. В основном это жалобы на решение заказчика, отклонившего предложение, либо обжалование выбора победителя.

Эффективность координирующей функции прокуратуры во многом обеспечивается надлежащей организацией аналитической работы. В этом смысле важное значение имеют результаты проводимого на регулярной основе анализа (мониторинга) общедоступной информации на официальном сайте государственных закупок icetrade.by. По результатам такого мониторинга прокурорами объявлено 33 официальных предупреждений о недопустимости нарушений законодательства, вынесено 5 предписаний об устранении выявленных нарушений. Накопление аналитической информации о состоянии законности в закупочной деятельности осуществляется при осуществлении надзора за предварительным расследованием уголовных дел, при обобщении

данных работы межведомственных рабочих групп, результатов проведенных совместных с иными государственными органами проверок.

Прокурорские работники зачастую сталкиваются с необходимостью совершенствования правовых норм, регулирующих осуществление закупок. С положительной стороны можно отметить, что ряд имеющихся проблем уже решен в новом Законе Республики Беларусь «О государственных закупках товаров (работ, услуг)». Так, из нововведений можно отметить недопустимость при проведении повторной процедуры государственной закупки изменения предмета закупки, требований к предмету, а также требований к участникам, определенных при проведении закупки, признанной несостоявшейся. Критерии, способ оценки и сравнения предложений должны устанавливаться Советом Министров Республики Беларусь.

В рамках координации деятельности по профилактике правонарушений в сфере закупок прокуратура города Минска апробирует подходы, направленные на расширение объема информации, направляемой в комиссию по противодействию коррупции Мингорисполкома.

В соответствии с Типовым положением о комиссии по противодействию коррупции, одной из ее задач является аккумулирование, обобщение и анализ информации о нарушениях законодательства о борьбе с коррупцией, совершенных работниками государственного органа (организации), а также подчиненных (входящих в систему, состав) организаций. Исходя из этого, нам представляется необходимым доведение до сведения комиссий информации о выявлении в иных организациях или регионах схем коррупционных и иных злоупотреблений в сфере закупок.

Так, в комиссию по противодействию коррупции Мингорисполкома для учета при организации работы в подведомственных и подчиненных организациях направлены сведения о выявлении правоохранительными органами Витебской и Гомельской областей преступных схем хищения бюджетных средств при подготовке зданий к отопительному сезону, а также ухода от процедур закупок путем заключения спонсорских договоров.

В решении Мингорисполкома нашли свое отражение и используются на практике предложения прокуратуры города Минска о вклю-

чении субъектами хозяйствования столицы антикоррупционных оговорок в хозяйственные договоры.

Необходимость активизации координационной деятельности прокуроров так же обуславливают и значительные изменения антимонопольного законодательства. Так, в частности, до недавнего времени в белорусском законодательстве отсутствовал порядок рассмотрения фактов ограничения конкуренции при проведении закупок. С принятием новой редакции Закона Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» изменилась правовая ситуация в части обеспечения конкуренции при осуществлении закупок товаров (работ, услуг). Антимонопольный орган наделен полномочиями по рассмотрению обращений о нарушении антимонопольных требований к закупкам товаров, как самостоятельном виде нарушений. Эти материалы, а также информация государственной информационно-аналитической системы государственных закупок, (от процесса планирования до исполнения договора) должны находиться в поле зрения прокуроров для своевременной выработки со взаимодействующими органами мер по предупреждению противоправных проявлений.

АКТЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Шалковский В. С.

В системе направлений деятельности органов прокуратуры отдельных государств романо-германской правовой системы особое место занимает надзор за точным и единообразным исполнением законодательства в различных сферах жизнедеятельности. Для эффективного осуществления надзорной деятельности прокурорам предоставлен ряд полномочий, предоставляющих огромный спектр возможностей для устранения, пресечения, предупреждения нарушений законодательства. В числе таких полномочий важное место отводится полномочиям прокуроров, направленных на устранение нарушений законности, среди которых особое значение имеют акты прокурорского надзора. Сре-

ди государств–участников СНГ преобладает схожий подход законодательного закрепления актов прокурорского надзора, но имеются и отличия в их правовой регламентации и практическом использовании.

В данном контексте представляет интерес сравнительно-правовой анализ актов прокурорского надзора по законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации, учитывая общее историческое наследие по рассматриваемому вопросу. Так, акты прокурорского надзора и порядок их принесения регламентированы специальным законодательством: Законом Республики Беларусь от 08.05.2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон о прокуратуре) и Федеральным Законом Российской Федерации от 17.11.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Федеральный Закон о прокуратуре).

Начав с установления общих черт в регламентации актов прокурорского надзора в Беларуси и России, отметим, что по своему наименованию, содержанию и срокам рассмотрения имеют сходство три акта: представление, протест и постановление.

Так, представление по белорусскому Закону о прокуратуре, в отличие от российского закона, имеет целью не только устранение самих нарушений закона, но также причин и условий, которые способствовали таким нарушениям. Из этого следует, что представление в белорусской практике прокурорского надзора делает акцент на профилактике дальнейших правонарушений. Кроме того, эффективность представления как акта прокурорского надзора, видится и в том, что белорусские прокуроры вправе принимать участие при рассмотрении представления органами (должностными лицами), на чье имя оно было адресовано. А Федеральный Закон о прокуратуре не представляет прокурорам аналогичного права.

В соответствии с Федеральным Законом о прокуратуре протест может быть принесен исключительно на противоречащие законодательству акты и только в орган или должностному лицу, издавшему такие акты. Исходя из нормативной формулировки, в российской прокурорской практике протест не предусматривает поэтапной передачи от нижестоящего органа к вышестоящему и может быть принесен сразу в вышестоящий орган либо суд. В Республике Беларусь, напротив, такой акт может быть принесен еще и на решения (действия) негосу-

дарственных организаций и индивидуальных предпринимателей. При этом в отечественном Законе о прокуратуре предусмотрена передача протеста в вышестоящий орган только после принесения его непосредственно в орган (должностному лицу), издавший акт, либо принявший опротестуемое решение. Из этого следует, что протест в белорусском законодательстве имеет более широкую область применения, что позволяет прокурорам эффективнее решать проблему отмены (изменения) противоречащих закону правовых актов. В то же время протест в Республике Беларусь и России является единственным актом прокурорского надзора, имеющий возможность его судебной защиты.

Федеральным Законом о прокуратуре определена возможность вынесения прокурором лишь постановления о возбуждении производства об административном правонарушении, иные виды постановлений прокурора регламентированы Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ), поскольку они относятся к уголовно-процессуальной сфере. Между тем в белорусском законодательстве постановление как акт прокурорского надзора трактуется достаточно широко и включает в себя постановления о возбуждении уголовного дела, дисциплинарного производства или о привлечении лица к материальной ответственности (ч. 1 ст. 40 Закона о прокуратуре), а также иные постановления, выносимые прокурором по другим вопросам. Отдельные виды прокурорских постановлений предусматриваются и Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь. Общим для законодательства Беларуси и России является возможность отзыва неисполненных постановлений, как вынесшим его прокурором, так и вышестоящим прокурором. Думается, что такое законодательное установление позволяет прокурору оперативно реагировать на изменившиеся обстоятельства, а отзыв вынесенного постановления в таких случаях освобождает прокурора от необходимости издания нового постановления об отмене уже вынесенного.

Эквивалентными по своему назначению являются официальное предупреждение (Закон о прокуратуре) и предостережение о недопустимости нарушения закона (Федеральный Закон о прокуратуре), между которыми все же имеются некоторые отличия, определяющие степень воздействия прокурора на те или иные правоотношения. Так, упомянутое официальное предупреждение может быть вынесено не

только в отношении должностных лиц, но и граждан, индивидуальных предпринимателей, тогда как предостережение о недопустимости нарушения закона может быть направлено только должностным лицам и руководителям общественных объединений. Сказанное приводит к очевидному выводу о том, что официальное предупреждение имеет более широкий диапазон воздействия прокурорско-надзорных средств в Республике Беларусь по предупреждению нарушений законности.

Наиболее существенным отличием в актах прокурорского надзора по законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации является наличие по Закону о прокуратуре такого акта, как предписание. Названный акт прокурорского надзора, согласно белорусскому законодательству, представляет собой императивное требование прокурора, направленное на быстрое (незамедлительное) устранение нарушений законодательства, носящих явный характер и способных причинить существенный вред правам и законным интересам граждан. О необходимости введения подобного акта в российское законодательство высказываются мнения на страницах юридической печати. В частности, Ф.Н. Багаутдинов в своей работе «Эффективность прокурорского надзора в современных условиях» указывает на недостаточность именно оперативности в действиях прокурорских работников по вопросам защиты прав граждан, поэтому им подчеркивается эффективность предписания, как акта прокурорского надзора, и предлагается введение нового акта по типу уже имеющегося в п. 3 ст. 37 УКП РФ – требования прокурора. Особым условием применения данного акта Ф.Н. Багаутдинов называет признание вины субъектом, в отношении которого такой акт вынесен.

Таким образом, анализ законодательных норм Республики Беларусь и Российской Федерации об актах прокурорского надзора показывает существенное преимущество белорусского законодательства, наделяющего прокуроров императивными полномочиями по предупреждению и устранению нарушений законности, которые имеют широкий диапазон воздействия и позволяют оперативно и качественно не только устранять нарушения законности, но и выполняют превентивную функцию.

ВОПРОСЫ ПЕРЕДАЧИ НА ВРЕМЯ ЛИЦА ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК ФОРМЫ ЭКСТРАДИЦИИ

Шендель П. А.

Законодательно в Республике Беларусь на уровне Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) закреплены три формы экстрадиции: 1) выдача лица для осуществления уголовного преследования и отбывания наказания; 2) передача лица для отбывания наказания; 3) передача на время лица для производства процессуальных действий.

Третья форма экстрадиции предполагает необходимость участия лица, отбывающего наказание в виде лишения свободы на территории Республики Беларусь, в процессуальных действиях на территории иностранного государства, в данном случае такое лицо может быть по просьбе органа иностранного государства передано на время для их производства исключительно в качестве свидетеля или потерпевшего. Условия исполнения просьбы органа иностранного государства о передаче на время лица для производства процессуальных действий закреплены в ст. 472 и 476 УПК.

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 494 УПК просьба органа иностранного государства о передаче на время лица, которое отбывает наказание в виде лишения свободы на территории Республики Беларусь, иностранному государству для производства процессуальных действий с его участием в качестве свидетеля или потерпевшего адресуется Генеральной прокуратуре Республике Беларусь (далее – Генеральная прокуратура), которая принимает решение по этой просьбе. В просьбе должно быть указано, какое конкретно лицо должно быть передано на время органу иностранного государства, по какому делу и в качестве кого вызывается, для производства каких процессуальных действий.

Просьба органа иностранного государства о передаче ему на время лица, которое отбывает наказание в виде лишения свободы на территории Республики Беларусь, для производства процессуальных действий может быть исполнена при соблюдении двух условий:

1) при наличии заверенной копии решения органа иностранного государства, ведущего уголовный процесс, о производстве соответствующих процессуальных действий;

2) при представлении органом иностранного государства письменного обязательства о том, что лицо, в отношении которого поступила такая просьба: а) будет содержаться под стражей и будет возвращено в Республику Беларусь в срок, установленный Генеральным прокурором Республики Беларусь (далее – Генеральный прокурор) или его заместителем; б) не будет привлечено в этом иностранном государстве к уголовной, административной, гражданско-правовой ответственности или подвергнуто наказанию в связи с его показаниями либо за деяние, совершенное им до пересечения государственной границы этого иностранного государства; в) будет освобождено из-под стражи и получит возможность беспрепятственно возвратиться в Республику Беларусь в случае, если Генеральная прокуратура уведомит орган иностранного государства, что переданное на время лицо отбыло наказание или освобождено от наказания, получит возмещение расходов, связанных с его пребыванием на территории иностранного государства и возвращением в Республику Беларусь, в порядке, указанном органом иностранного государства.

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 500 УПК передача лица, отбывающего наказание в виде лишения свободы на территории Республики Беларусь, на время иностранному государству для производства процессуальных действий с его участием в качестве свидетеля или потерпевшего на территории этого государства возможна только с согласия указанного лица. Кроме того, УПК (ст. 476) закрепляет условия исполнения просьбы органа иностранного государства, содержащей положение о выдаче на время лица для производства процессуальных действий с его участием в качестве обвиняемого.

Орган иностранного государства может направить просьбу органу Республики Беларусь, ведущему уголовный процесс, о выдаче лица, отбывающего наказание в виде лишения свободы в исправительном учреждении Республики Беларусь, на время для производства процессуальных действий на территории этого иностранного государства с его участием в качестве обвиняемого. Указанное лицо может быть выдано на время иностранному государству для предъявления

обвинения и допроса в качестве обвиняемого, проведения проверки показаний на месте, следственного эксперимента, предъявления для опознания и других следственных действий.

В соответствии с п. 8 ч. 1 ст. 494 УПК такая просьба органа иностранного государства адресуется Генеральной прокуратуре, которая принимает решение по этой просьбе. В просьбе должно быть указано, какое конкретно лицо подлежит выдаче на время (фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, место отбывания наказания, гражданство), по какому уголовному делу, сведения о привлечении органом иностранного государства, ведущим уголовный процесс, этого лица в качестве обвиняемого в совершении преступления на территории иностранного государства. К запросу о выдаче лица на время иностранному государству для производства процессуальных действий должна быть приобщена заверенная копия постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

Просьба органа иностранного государства о выдаче лица на время для производства процессуальных действий может быть исполнена при условии:

1) если отсрочка выдачи лица может повлечь истечение срока давности привлечения к уголовной ответственности или затруднить расследование преступления на территории иностранного государства (например, не позволит в последующем провести опознание лица, очную ставку);

2) при наличии письменных обязательств органа иностранного государства, что лицо, в отношении которого поступила такая просьба:

а) будет содержаться под стражей и будет возвращено в Республику Беларусь в срок, установленный Генеральным прокурором (его заместителем), который не превышает трех месяцев. Согласно ч. 2 ст. 476 УПК этот срок по просьбе органа иностранного государства может быть продлен постановлением Генерального прокурора или его заместителя. В то же время предельный срок возвращения в Республику Беларусь лица, выданного иностранному государству на время, при его продлении Генеральным прокурором (его заместителем) в законе не установлен;

б) не будет подвергаться без соответствующего решения Генерального прокурора или его заместителя в этом иностранном государ-

стве уголовному преследованию, за исключением преступления, послужившего основанием для такой просьбы, а также не будет осуждено либо задержано в целях отбывания наказания за преступление, совершенное им до пересечения государственной границы этого иностранного государства.

Согласия лица для его выдачи иностранному государству на время не требуется. Исполнена может быть только просьба органа иностранного государства о выдаче на время лица, когда такое лицо является гражданином этого государства, лицом без гражданства либо гражданином третьего государства.

Таким образом, передача на время лица для производства процессуальных действий является одной из форм экстрадиции. При этом законодатель выделяет два вида такой передачи: 1) непосредственно передача лица на время для производства процессуальных действий в качестве свидетеля или потерпевшего; 2) выдача лица на время для производства процессуальных действий в качестве обвиняемого. Стоит отметить, что ст. 472 УПК не предусматривает возможности передачи иностранному государству на время лица, содержащегося под стражей, для производства процессуальных действий с его участием в качестве свидетеля или потерпевшего. Данный пробел УПК нарушает признанные Республикой Беларусь ст. 106 Конвенции ООН о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (2002) и ст. 78-1 Конвенции ООН о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (1993). В целях приведения национального законодательства в соответствие с международными документами следует устранить названный правовой пробел.

АДВОКАТУРА В СИСТЕМЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Щур А. С.

В юридической литературе правоохранительные органы представляют собой совокупность государственных органов, специальной функцией которых является защита правопорядка, безопас-

ности государства, прав и свобод граждан, борьба с преступностью и иными правонарушениями, восстановление нарушенных прав и в необходимых случаях – применение предусмотренных законом санкций. В учебной литературе к правоохранительным органам Республики Беларусь традиционно относят прокуратуру, органы внутренних дел, органы государственной безопасности, государственного, в том числе таможенного контроля и другие. Однако вопрос о системе правоохранительных органов на научном уровне является дискуссионным в виду отсутствия четкого законодательного определения такой системы. В данном контексте представляет интерес вопрос об отнесении адвокатуры к правоохранительным органам, который является предметом исследования таких правоведов как О.А. Тимошкина, Б.В. Шагиев, А.А. Чувилев. Так, О.А. Тимошкина называет следующие основные признаки правоохранительных органов, при анализе которых можно определить место адвокатуры в системе правоохранительных органов.

Исходя из первого такого признака – правоохранительная деятельность осуществляется исключительно государственными органами, можно сделать вывод о том, что адвокатура таковым не является. Это следует из ст. 4 Закона Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности», закрепляющей такие принципы организации адвокатуры и адвокатской деятельности как самоуправление и самофинансирование.

Вторым признаком правоохранительной деятельности выступает то, что компетенция правоохранительного органа урегулирована нормами права. Такой признак вполне применим к адвокатуре, ведь указанный Закон, равно как и кодифицированное процессуальное законодательство Республики Беларусь, предусматривают достаточно полный перечень прав и обязанностей адвокатов.

Осуществление деятельности правоохранительного органа происходит посредством специфических действий, которые в большинстве своем носят принудительный характер и имеют строгую процессуальную форму, что также причисляется к признакам правоохранительных органов. Следуя буквальному смыслу ст. 6 Закона Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности», каждый вправе обратиться за юридической помощью к адвокату, однако адвокатура оказывает такую помощь на добровольной основе и не использует ме-

ры принудительного характера. Применительно процессуальной формы осуществления правоохранительной деятельности адвокатами отметим ее рекомендательный характер. Так, разрабатываемые и принимаемые президиумом Республиканской коллегии адвокатов методические рекомендации (например, по составлению и ведению адвокатами производств по гражданским делам, составлению апелляционных жалоб по уголовным делам) содержат указания, которые содержат примерный алгоритм действий адвокатов по видам оказываемой юридической помощи. Сказанное также указывает на обособленность адвокатуры от правоохранительных органов.

В рассматриваемом контексте представляется уместным проанализировать опыт государств–участников СНГ по построению системы правоохранительных органов.

Например, законодательство Российской Федерации относит к правоохранительным органам суды, органы внутренних дел, органы государственной безопасности, органы юстиции, прокуратуру, органы предварительного расследования, органы по обеспечению правовой помощи (адвокатура и нотариат). Основную нагрузку по защите прав и свобод граждан, а в значительной мере и юридических лиц, несет адвокатура. Услуги, оказываемые адвокатурой, носят особый характер, ведь они относятся к сфере защиты права. Поэтому адвокатура в широком смысле относится к правоохранительным органам, и является не менее значимым, чем прокуратура и суды. Это объясняется и тем, что во всех случаях, когда органы государства выдвигают против конкретного человека обвинение, применяют к нему задержание или содержат его под стражей, либо когда в суде ведется гражданско-правовой спор, государство признает за человеком право воспользоваться услугами адвоката и обеспечивает реализацию этого права.

Законодательство Украины правоохранительными называет органы прокуратуры, внутренних дел, службы безопасности, таможенные органы, органы охраны государственной границы, органы государственной налоговой службы, государственной контрольно-ревизионной службы, рыбоохраны, государственной лесной охраны, а также другие органы, осуществляющие правоприменительные или правоохранительные функции. Иными словами, нормативный перечень правоохранительных органов не является исчерпывающим. На-

званные правоохранительные органы выполняют свои задачи не изолировано, а во взаимодействии друг с другом, а равно с другими государственными учреждениями, трудовыми коллективами, объединениями граждан. Из общей массы многочисленных объединений граждан и органов общественного самоуправления специальное внимание уделяется таким общественным организациям, основной целью которых является содействие успешному осуществлению правоохранительной деятельности. Ведущее место среди них занимает адвокатура с ее адвокатскими конторами, объединениями, коллегиями адвокатов. Значительная роль адвокатуры состоит в содействии выполнению задач правосудия.

Таким образом, законодательство России и Украины указывает на значительную роль адвокатуры и ее место в системе правоохранительных органов. Думается, что адвокатура, не смотря на ее нормативное позиционирование как правового института, в широком смысле может именоваться правоохранительным органом. Такое суждение вытекает из задач современной белорусской адвокаты по охране прав и законных интересов граждан и организаций посредством оказания квалифицированной юридической помощи, а также принципов ее организации и деятельности. В то же время необходимо четко понимать, что адвокатура не входит в систему государственных органов, а адвокаты не вправе принимать государственно-значимые решения и не могут воздействовать на клиента, в том числе посредством применения мер государственного процессуального принуждения. И, тем не менее, адвокатура играет важную роль в сфере защиты прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, выполняя тем самым правоохранительную функцию.

СЕКЦИЯ 3
КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

РАССЛЕДОВАНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ И ПРЕКУРСОРОВ В ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Борис К. К.

Проблемы совершенствования методики расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров в глобальной сети Интернет привлекали внимание ученых с конца XX в. в период их зарождения, и продолжают оставаться предметом дискуссии в современной уголовно-правовой и криминалистической науке.

Способы совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров наряду с научно-техническим прогрессом и развитием общества постоянно совершенствуются. Общественная опасность преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемых с использованием глобальной сети Интернет, определяется увеличением криминогенности информационного пространства, оказывая влияние на различные сферы жизни общества, что связано с общедоступностью, открытостью глобальной сети, недостаточным правовым регулированием ее деятельности. Вне поля исследования отечественных ученых оказались вопросы исследования различных способов совершения таких деяний, а также структура, динамика совершения таких деяний, особенности личности преступника и места совершения преступления, профилактика данного вида преступлений.

Современной тенденцией развития наркопреступности является расширение распространения преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет, что повышает спрос на наркотики, расширяет круг потребителей и сбытчиков, что вызывает необходимость даль-

нейшей разработки теоретических положений и предложений практического характера в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров в глобальной сети Интернет. Доступность, простота в обращении, отсутствие надлежащего контроля со стороны правоохранительных органов – все это, в свою очередь, – причины активного использования сети Интернет для распространения запрещенных веществ.

Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь уровень преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров по отношению к общему количеству зарегистрированных преступлений за последние пять лет составляет: в 2013 г. – 96 676, из них 5 037 наркопреступлений, в 2014 г. – 93 932, из них 7 356, в 2015 г. – 96 982, из них 7 296, в 2016 г. – 92 943, из них 6 457, в 2017 г. – 86 326, из них 5 481 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Однако, несмотря на положительную динамику, по информации Министерства внутренних дел Республики Беларусь в 2017 г. произошел рост количества выявленных наркопреступлений, совершенных ранее судимыми лицами (+0,7 %). На 8 % увеличилось количество оконченных расследованием преступлений, совершенных группой лиц, на 61 % – совершенных в составе организованной группы. Подразделениями аналитической разведки в 2017 г. установлены 11 интернет-сайтов, на базе которых функционировали 49 интернет-магазинов, занимающихся распространением психоактивных веществ.

В Министерство информации Республики Беларусь направлены уведомления о необходимости ограничения доступа к 13 сайтам, содержащим сообщения или материалы, направленные на незаконный оборот наркотиков. Из общего количества уголовных дел почти 600 связаны с распространением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров посредством сети Интернет. В первом полугодии 2018 г. по ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) «Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров» осуждено 1 276 лиц или 6,3 % в общем объеме правосудия в сравнении с 1 полугодием 2017 г., в котором число осужденных за указанные преступления составляло 1 568

или 7,4 % из общего числа преступлений, совершенных на территории Республики Беларусь.

Только путем комплексного исследования уголовно-правовых и криминалистических аспектов преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров в глобальной сети Интернет, можно усовершенствовать методику расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров в глобальной сети Интернет, разработать дополнительные меры противодействия наркопреступности в сети Интернет.

Использование глобальной сети Интернет в целях незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров – настоящая проблема современного общества, для решения которой требуется немало времени и усилий. Необходимо совершенствовать уголовное законодательство, улучшать криминалистическое обеспечение правоохранительных органов, разрабатывать эффективные способы и методы расследования преступлений в информационном пространстве. Но самое главное – воздействовать на общественное сознание, поощрять работу общественных организаций, чья деятельность направлена на борьбу с наркотиками.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ «СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА»

Боярина А. А.

Наравне с исторически сложившейся традицией отождествления судебно-экспертной деятельности с назначением и проведением судебных экспертиз в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством, происходит формирование иных подходов. На существование различных уровней судебно-экспертной деятельности указывает Председатель Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь А.И. Швед, определяя в качестве ядра явлений в общей системе судебно-экспертной деятельности не только производство судебных экспертиз, но и экспертное исследование вне процессуальных рамок, а среди направлений судебно-экспертной деятельности

также участие судебных экспертов в качестве специалистов при проведении осмотров мест происшествий.

Белорусским законодателем судебно-экспертная деятельность определена как возмездное оказание услуг судам (судьям), органам дознания, следователям, прокурорам, иным участникам уголовного, гражданского, хозяйственного, административного процесса в установлении фактических обстоятельств дела, подлежащих доказыванию по делам, рассматриваемым в суде, делам об административных правонарушениях, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и иных сферах деятельности. Несмотря на применимость данного определения к судебно-экспертной деятельности как лицензируемому виду деятельности, оно позволяет причислять к субъектам правоотношений, складывающихся при проведении судебной экспертизы, наравне с уполномоченными государственными органами (должностными лицами) и иных участников процесса. Однако уголовно-процессуальным законом в качестве единственно возможного основания назначения судебной экспертизы названо решение уполномоченного органа (должностного лица). В этой связи придание процессуального статуса указанной услуге, оказываемой непосредственно иным участникам процесса, не представляется возможным, в связи с несоблюдением установленного порядка ее назначения. Отнесение права участников ходатайствовать о назначении судебной экспертизы к осуществлению механизма, содержащегося в определении, представляется не вполне обоснованным, так как реализация такого волеизъявления зависит от решения уполномоченного государственного органа (должностного лица).

В отличие от белорусского, а также российского и армянского законодательства, предусматривающих аналогичное регулирование порядка назначения судебной экспертизы, законодатели иных стран предоставили право ее назначения иным участникам уголовного процесса, что, полагаем, положительно сказывается на реализации принципа состязательности сторон.

К примеру, в Казахстане защитник, представитель потерпевшего, вправе направлять запрос в экспертное учреждение о проведении на договорной основе экспертизы (в случае отсутствия необходимости

в истребовании объектов исследования из органа, ведущего уголовный процесс), а также инициировать на договорной основе производство судебной экспертизы в установленном порядке. При таком инициировании орган, ведущий уголовный процесс, не вправе отказать в назначении экспертизы, за исключением случаев, когда вопросы, представленные на ее разрешение, не относятся к уголовному делу или предмету судебной экспертизы (ст. 122, 272 УПК Республики Казахстан). Следует отметить, что в обоих случаях судебным экспертом составляется единый документ – заключение эксперта. При этом один из экземпляров заключения эксперта, данного на основании запроса защитника или представителя потерпевшего, направляется лицу, осуществляющему досудебное расследование. Аналогичная регламентация предусмотрена УПК Кыргызской Республики (ст. 172).

В Республике Таджикистан под деятельностью государственной судебной экспертизы понимается ее осуществление не только по определениям суда, постановлениям судей, органов дознания, предварительного следствия, но и на основании ходатайств физических и юридических лиц (их представителей) для установления обстоятельств, которые, по мнению данных лиц, могут использоваться для защиты их интересов. Государственная судебная экспертиза считается назначенной со дня поступления вышеуказанных документов. По окончании экспертизы заключение судебного эксперта, объекты экспертизы и материалы дела направляются в орган или лицу, которые назначили государственную судебную экспертизу или ходатайствовали о ее проведении (ст. 4, 15 и 21 Закона Республики Таджикистан «О государственной судебной экспертизе»).

Обращает на себя внимание позиция законодателя Украины, который отошел от разделения результатов деятельности судебного эксперта на заключение судебной экспертизы и заключение экспертного исследования. Им максимально широко определены границы проведения судебной экспертизы, которые не ограничены рамками процесса, и заинтересованным лицам предоставлено право уже на стадии возникновения правового спора (конфликтной ситуации) обратиться за использованием специальных знаний к судебным экспертам. Так, ст. 7^1 Закона Украины «О судебной экспертизе» в качестве оснований проведения судебной экспертизы называет решение уполномоченного

органа, а также договор с экспертом или экспертным учреждением – если экспертиза проводится по заказу иных лиц (не суда и органа досудебного расследования). При проведении судебной экспертизы на основании договора эксперт также предупреждается об уголовной ответственности за предоставление заведомо ложного экспертного заключения и отказ от предоставления заключения без уважительной причины.

В то же время отметим, что после внесения изменений в указанный Закон, а также УПК (вступили в силу 15.03.2018 г.), в уголовном судопроизводстве судебно-экспертная деятельность может осуществляться только по поручению следственного судьи или суда. Данное новшество воспринято неоднозначно, в том числе и потому, что ранее значительное количество судебных экспертиз (преимущественно экономического и инженерно-технического направления) исполнялось частными лицами по заказу, как стороны обвинения, так и стороны защиты.

Вышеуказанные примеры правового регулирования судебно-экспертной деятельности свидетельствуют об отступлении от чисто традиционного понимания судебной экспертизы и, как следствие, судебно-экспертной деятельности. Полагаем, что в целом они заслуживают внимания и могут быть восприняты белорусским законодателем по следующим причинам. Цель проведения экспертизы вне зависимости от процессуальной составляющей и инициатора ее назначения (уполномоченный орган либо заинтересованное юридическое или физическое лицо) заключается в получении объективных и научно обоснованных ответов на поставленные вопросы по результатам применения специальных знаний в различных сферах деятельности. В ходе исследования применяются одни и те же методики, методы и средства, необходимые для формулирования экспертного заключения. То есть с точки зрения содержания применения специальных знаний каких-либо особенностей не отмечается. Согласимся с Ю.К. Орловым, полагавшим, что «несудебная экспертиза отличается от судебной только по процессуальной форме… если несудебная экспертиза проведена…, то параллельное проведение судебной экспертизы теряет всякий смысл». Поддерживаем позицию С.А. Смирновой о том, что проведение экс-

пертиз (исследований) вне судопроизводства органично включено в правоохранительную деятельность государства в целом.

Полагаем, что рассматриваемый вопрос актуален с точки зрения обеспечения реализации принципа состязательности сторон, а также контроля за качеством экспертных исследований вне зависимости от инициатора проведения и с учетом дальнейшей возможности принятия их судом в качестве одного из источников доказательств по уголовному делу.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В КРИМИНАЛИСТИКЕ: 3D-ФОТОСЪЕМКА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ 3D-МЕТРИИ

Бурьяк К. В.

Криминалистическая фотография как раздел криминалистической техники начала формироваться во второй половине XIX в. Ее становление напрямую связано с уровнем общего технического прогресса общества и фотографической техники. Развитие информационных технологий позволило перейти от аналоговой фотографии к цифровой, неоспоримыми достоинствами которой является оперативность процесса съемки и получения конечного результата, огромный ресурс количества снимков и долгое их хранение на электронных носителях, широкие возможности выбора режимов съемки, простота в создании панорам и спецэффектов, и, кроме того, цифровая техника имеет уменьшенные габариты и вес.

В настоящее время в мире наблюдается бурное развитие информационных технологий. 3D-моделирование или «трехмерное моделирование» предоставляет возможность отображать или воспроизводить с помощью моделей объект или отдельные его стороны, получать в результате изучения модели новую информацию, которая при определенных условиях используется в качестве доказательства в уголовном процессе. Для создания 3D-модели можно использовать несколько способов: фотографирование (далее 3D-метрия), графическое моделирование и 3D-сканирование. 3D-метрия представляет собой процесс создания серии снимков одного и того же объекта, выполнен-

ного с разных ракурсов и объединенных при помощи специального программного обеспечения в соответствующую 3D-модель.

Криминалистика начала разрабатывать технические решения, программное обеспечение и средства фотосъемки, позволяющие осуществлять 3D-метрию места происшествия с последующим автоматическим составлением 3D-модели места происшествия. Существуют технические возможности интеграции 3D-моделей криминалистически значимых объектов в электронные уголовные дела. Следует отметить, что 3D-фотосъемка отдельных криминалистически значимых объектов, а затем комплексное использование 3D-моделей при работе с доказательствами в настоящее время является перспективным, но еще недостаточно освещенным в криминалистической литературе и используемым в практической деятельности направлением криминалистической фотографии и видеозаписи.

Для создания 3D-моделей разработан целый комплекс дорогостоящей фотографической техники и специального программного обеспечения, позволяющий автоматизировать процесс создания, хранения и последующего использования результатов 3D-метрии.

На наш взгляд представляется целесообразным начать внедрение 3D-метрии в двух направлениях: в образовательный процесс и практическую деятельность следственных и экспертно-криминалистических подразделений. Особенностями первого направления является создание в учебных целях 3D-модели реальных криминалистически значимых объектов, которые формируют 3D-коллекцию, преимуществами которой является: неограниченные возможности комплектования, неограниченный круг субъектов применения, а также возможности интеграции в электронные учебно-методические комплексы. Параллельно с применением 3D-метрии в образовательном процессе следует разработать методику внедрения данной технологии и в практическую деятельность.

Одним из главных факторов недостаточно активного внедрения в учебный процесс и практическую деятельность методов 3D-моделирования является высокобюджетные затраты на приобретение оборудования и разработку (или приобретение) программного обеспечения к нему.

Нами разработан наиболее доступный и экономичный способ 3D-фотосъемки, который в дальнейшем может использоваться в учебном процессе для изучения и описания криминалистически значимых объектов, обучающимися при проведении практических и лабораторных занятий.

Предлагаемый нами процесс создания 3D-фотографии делился на два этапа: фотографирование криминалистически значимого объекта и объединение полученных фотографий в 3D-модель. В ходе создания фотографий нами использовался цифровой фотоаппарат «Nikon D3100 Kit 18-55 мм», в котором осуществлялись следующие настройки условий фотосъемки:

– отключение режима автоматической фокусировки и «ручная» фокусировка снимаемого объекта;

– отключение автоматического баланса белого, так как он может изменяться в зависимости от угла поворота объекта;

– отключение функции стабилизации изображения, так как в противном случае стабилизатор будет реагировать на несуществующие колебания, что приведет к потере четкости полученного изображения.

Снимаемый объект помещался на автоматически вращающийся предметный столик и освещался импульсным источником света. Во избежание перспективных искажений и потери резкости фотоаппарат закреплялся на штативе. Производилось 36 фотоснимков вращающегося объекта, осуществляемых дискретно (раздельно). Полученные изображения сохранялись в малообъемном формате JPG, что позволяет ускорить процесс съемки и редактирования ее результатов.

На втором этапе полученные раздельные фотоизображения загружались на специальный сайт (один из бесплатных общедоступных сайтов «sirv.com, 3dbin.com» или «mogavisor.com», предназначенный для создания вращающихся изображений), который в режиме «онлайн» создавал готовое вращающееся на 360 градусов в горизонтальной плоскости изображение заснятого таким способом объекта. Преимуществами использования таких сайтов является автоматическая обработка, не требующая каких-либо углубленных специальных знаний по созданию 3D-модели. В результате нами получено целостно воспринимаемое вращающееся в горизонтальной плоскости изображе-

ние объекта, сходное с 3D-моделью, но выполненное без использования дорогостоящего фотооборудования и специального программного обеспечения.

В настоящее время кроме уже указанных высоких бюджетных затрат и сложности программного обеспечения внедрению инновационных технологий 3D-метрии в криминалистическую деятельность, по нашему мнению, препятствуют следующее: данные технологии применяются в узкоспециализированных областях судебной экспертизы и криминалистики и требуют от специалистов специальных знаний в данной области; процессуальные нормы никак не регулируют применение данных технологий. В связи с этим возникает вопрос о законности их использования и допустимости полученных с применения данных технологий доказательств.

Актуальность и перспективность 3D-технологий обусловлена постепенным переходом Следственного комитета Республики Беларусь на систему электронного уголовного дела. Полученные с использованием 3D-технологий результаты можно оперативно сравнить с имеющейся в распоряжении правоохранительных органов базой данных, ведущейся на электронных носителях информации. Составление 3D-моделей отдельных объектов позволяет отразить в них необходимую совокупность идентификационных признаков, чем при применении классических криминалистических средств и методов. При этом сам объект не подвергается изменению, повреждению или уничтожению.

Внедрение 3D-технологий в следственную и судебно-экспертную деятельность ставит перед учеными и практиками задачи по созданию доступной технической базы и программного обечспечения, разработке эффективных методик и опробирование их практикой. Кроме того, полученные наработки потребуют соотвествующего законодательного закрепления их применения в уголовном процессе. Необходимость дальнейших прикладных и теоретических исследований в этой области не вызывает сомнений.

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СУДЕБНОЙ ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Григорьева Н. В.

XXI век – век развития информационных технологий. Информационная революция, происходящая во всем мире в последнее время, стремительное развитие информационных технологий и широкое внедрение электронно-вычислительной техники во все сферы человеческой деятельности, а также специфика современных проявлений преступности, обусловили тот факт, что компьютерные средства и методы все более и более широко используются в судебной экспертизе. С развитием и внедрением компьютерных технологий повысился уровень не только производства судебно-почерковедческих экспертиз (автоматизации экспертной работы), но и объективности критериев оценки того или иного комплекса признаков почерка. Одним из перспективных направлений развития судебной почерковедческой экспертизы является постепенное внедрение автоматизированных программ.

Математизация знаний четко прослеживается в работах зарубежных почерковедов. Совместно с математиками и инженерами почерковедами велись разработки в области автоматизированного распознавания почерка (в том числе кратких записей и подписей).

К.П. Циммерманом и Ч.Л. Вернером (США) сконструирована автоматическая система «Sirsys» для распознавания подлинных и поддельных подписей. Система эта основана на автоматическом измерении отрезков между точками, выделенными в сравниваемых подписях. В 90 % случаях ими были получены положительные результаты. В работе П.С. Чуанга (США) описывается экспериментальное исследование 4 тыс. подписей с помощью программного обеспечения, сообщаются условия проведения исследования, принципы машинного анализа, сравнения и оценки признаков, выделенных в сравниваемых подписях. Машинное распознавание подписей основывалось на совпадении (различии) частных признаков, характеризующих исполнение начальных и заключительных элементов подписи; верхних элементов всех прописных букв, верхних и нижних элементов вертикальных штрихов конкретных букв латинского алфавита, а также без буквенной

части подписи. По данным автора, получены достаточно высокие результаты распознавания подписей – до 95 %. Коэффициент ошибок составляет около 0,2. Причем часть из них, как указывает автор, обусловлена стандартизацией знаков.

Особую роль при решении идентификационных и диагностических задач приобретает программное обеспечение, позволяющее комплексно исследовать малообъемные почерковые объекты: подписи, краткие записи и тексты, выполненные в обычных и необычных условиях. Так, разработанная программа «Телемак» позволяет автоматизировать процесс исследования интегральных структурно-геометрических характеристик в кратких и простых подписях со стадии выделения и измерения признаков; программное обеспечение «Мера» применяется в целях исследования интегральных структурно-геометрических характеристик в кратких буквенных записях; программа «Тюльпан» предусматривает автоматизацию расчетных компонентов методики дифференциации рукописей на мужские и женские и для установления возраста предполагаемого исполнителя.

В 80-х гг. XX в. во Всероссийском научно-исследовательском институте судебных экспертиз была разработана «Комплексная методика установления подлинности (неподлинности) кратких и простых подписей», которая включала в себя ряд количественных методов исследования подписей, основанных на точном измерении параметров почерковых объектов. Основная часть этих методов была автоматизирована к 2000 г. с помощью программы «Око-1», которая формально включала в себя и автоматизированный метод исследования распределения в подписи плотности красителя – динситометрию, которая позволяет оценивать нажим и темп при выполнении подписи.

Для идентификации исполнителя кратких почерковых объектов применяется программный комплекс «Денси» (для распределения нажимов в почерковых объектах); для расчета априорной информативности подписи – программа «Apriori», для дифференциации высоковыработанных почерков по степени совершенства движений – программа «Differ».

Что касается автоматизации рабочего места эксперта-почерковеда, то в настоящее время разработаны или находятся в стадии разработки такие программные диалоговые комплексы, как «Диподъ» («Диалог о подписи»), «Роза» (автоматизация расчетных этапов применения методик установления факта намеренного изменения почерка), «Мак» (исследование кратких и простых подписей), «Ирис» (идентификация исполнителя рукописи, выполненной намеренно измененным почерком (скорописью).

Для построения математических моделей, характеризующих систему почерковых движений с помощью теории кубического сплайна, С.Л. Зориным совместно с И.А. Шишковым была разработана программа «Анализатор подписи», которая написана на языке DELPHI и способна воспринимать различные форматы данных (рисунки).

Экспертами Польского общества криминалистов в соответствии с научно-исследовательским проектом, проводимым совместно с Варшавским университетом, был создан пакет компьютерных программ «GlobalGraf», который является уникальным инструментов в обширном и всестороннем анализе идентификационной составляющей почерка и подписей. Данный пакет включает в себя 4 компьютерные программы:

1) «GrafoTyp» – программа, разработанная для исследования признаков почерка, характеризующих его структуру и параметры. Кроме того, программа облегчает количественный анализ геометрических особенностей почерка, а также статистической интерпретации результатов);

2) «RayGraf» – программа, которая также разработана для исследования признаков почерка, характеризующих его структуру и параметры, но специализирующаяся на анализе общих признаков почерка, таких как наклон, степень и характер нажима, разгон почерка;

3) «KineGraf» – программа, разработанная для исследования частных признаков почерка, как структурно-геометрических, так и динамических;

4) «ScanGraf» – программа, используемая для визуализации особенностей письменно-двигательного навыка. Данная программа является первой компьютерной программой, которая использует метод «scangrafia» в почерковедческой экспертизе. Как сообщают разработ-

чики программы, «scangrafia» это авторский метод, при котором программа не воспринимает почерк в традиционном понимании этого слова. Вместо этого образец почерка представляется, как растровое изображение, то есть, группа пикселей, которая и анализируется, в зависимости от цели исследований.

Преимущество автоматизации заключается в том, что она не только повышает уровень работы, но и дает возможность получить дополнительную информацию, в частности, при решении таких достаточно сложных вопросов, как идентификация исполнителя, а также установление способа подражания, дифференциация авторов документов, установление личностных характеристик по почерку.

Таким образом, одним из перспективных направлений развития судебной почерковедческой экспертизы в Беларуси видится внедрение автоматизированных программ, что в достаточной степени повлияет на процесс проведения экспертизы и на конечный результат – выводы эксперта. Опыт зарубежных стран показывает, что разработка и внедрение компьютерных программ в практическую деятельность экспертов-почерковедов не только ускорит процесс проведения экспертизы, но и уменьшит влияние субъективного фактора на выводы экспертов.

ОТДЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Дубко М. А.

На протяжении последних пяти лет количество поступающих в следственные подразделения заявлений и сообщений о преступлениях против информационной безопасности возрастает. Если в 2013 г. для принятия решения, предусмотренного ч. 1 ст. 174 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, в подразделения Следственного комитета Республики Беларусь (далее – Следственный комитет) поступило 309 заявлений и сообщений, то в 2017 г. – 975, то есть возросло более чем в 3 раза. Учитывая изложенное, для оптимизации процесса раскрытия и расследования преступлений крайне акту-

альной сегодня является разработка криминалистической характеристики преступлений против информационной безопасности.

Вопрос определения понятия и сущности компьютерной информации как признака составов преступлений, предусмотренных статьями главы 31 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), является одним из ключевых при их уголовно-правовой и криминалистической характеристике. К компьютерной информации законодатель отнес информацию, хранящуюся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях, а также информацию, передаваемую с использованием средств компьютерной связи, то есть информацию, независимо от вида установленного в отношении нее правового режима. В то же время наиболее часто предметом преступлений против информационной безопасности выступает информация, распространение и (или) предоставление которой ограниченно (коммерческая тайна, банковская тайна, тайна личной жизни, тайна переписки, телефонных переговоров и иная).

Стоит отметить, что вид информации как объекта посягательства в большей степени имеет значение при совершении таких преступлений, как несанкционированный доступ и неправомерное завладение компьютерной информацией. Это связано с тем, что злоумышленники совершают подобные преступления с целью ознакомления или получения конкретной конфиденциальной информации. При блокировании информации юридических и физических лиц, например, путем распространения вредоносных компьютерных программ, злоумышленники не преследуют цель деструктивного воздействия на компьютерную информацию определенного вида, однако рассчитывают, что данная информация будет важна для ее обладателя.

К наиболее распространенным способам совершения преступлений против информационной безопасности относятся:

– блокирование компьютерной информации физических лиц от имени правоохранительных органов (Министерства внутренних дел, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь) за якобы просмотр порнографии, сцен насилия и жестокости с требованием уплаты «штрафа»;

– блокирование компьютерной информации юридических лиц (наиболее часто – программы «1С Бухгалтерия»), сопровождающееся

предложением уплаты денежных средств за восстановления доступа к ней;

– несанкционированный доступ к личной информации граждан и использование ее в последующем для совершения мошеннических действий в отношении третьих лиц либо вымогательство под угрозой распространения сведений, которые потерпевшие желали бы сохранить в тайне. При совершении указанных преступлений часто используются социальные сети «ВКонтакте», «Одноклассники» и иные.

В 2017 г. среди выявленных лиц, совершивших преступления против информационной безопасности, большинство составляют мужчины в возрасте от 18 до 29 лет, одинаково как рабочие и служащие, так и неработающие и неучащиеся. Среди выявленных лиц отсутствуют имеющие судимость, а также лица, совершившие преступления в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Схожая характеристика наблюдалась в 2016 г. Необходимо также указать, что уровень раскрываемости преступлений в сфере высоких технологий (ст. 212, 349–355 УК) в 2017 г. составил 53,6 %. Данный показатель ниже общего уровня раскрываемости преступлений, расследованных подразделениями Следственного комитета (в 2017 г. составил 71,3 %).

Судебно-следственная практика свидетельствует о том, что в подавляющем большинстве компьютерных преступлений мотивом совершения деяния является корысть. Это касается «кардинга», несанкционированного доступа к учетным записям в социальных сетях с целью получения денежных средств мошенническим способом, блокировки компьютеров с целью получения денежного вознаграждения за разблокировку. Перечисленные случаи являются формой извлечения выгоды – одной стороны корыстного мотива. В то же время распространены случаи совершения компьютерных преступлений с целью избавить себя от материальных затрат, например, незаконное пользование услугами доступа в сеть Интернет за счет иного лица путем несанкционированного доступа и неправомерного завладения компьютерной информацией. Однако корыстный мотив имеет место не по всем делам рассматриваемой категории. Довольно распространены так называемые «бытовые» компьютерные преступления, мотивом которых являются месть, исследовательский интерес, ревность, хулиганский мотив.

В 2017 г. в сравнении с 2016 г. количество пострадавших от преступлений против информационной безопасности не увеличилось: в 2016 г. – 579 чел., в 2017 г. – 528 чел. Наибольшее число пострадавших от преступлений, предусмотренных ст. 349 и 351 УК. Пострадавшими от указанных преступлений наиболее часто являются женщины в возрасте от 18 до 29 лет. Преступлениями против информационной безопасности причиняется вред в равной степени как рабочим, служащим, так и неработающим, неучащимся. Следует отметить, что пострадавшими от компьютерных преступлений являются как физические лица, так и юридические. Однако в отношении данных субъектов информационных отношений совершаются несколько разные преступления. Например, в отношении граждан распространены различного рода мошеннические действия, несанкционированный доступ к домашним компьютерам, к учетным записям в социальных сетях. При этом вред чаще всего не является материальным, а выражается в нарушении конституционных прав, нарушении тайны личной жизни, переписки и т.д. Предприятия и организации чаще становятся объектами компьютерного саботажа и «вымогательства» денег за разблокировку информации. При утрате или блокировании информации требуется значительные человеческие трудовые и временные затраты, которые одновременно сопряжены с материальными затратами и, что важно, – подрывом деловой репутации организации, что в том числе может привести к имущественным потерям и упущенной выгоде субъектов хозяйствования.

Вред, причиненный преступлениями против информационной безопасности, довольно трудно измерить и оценить, что обусловливается характером объекта уголовно-правовой охраны и особенностями предмета преступления. По уголовным делам рассматриваемой категории существенный вред наиболее часто носит нематериальный характер и выражается в изменении, блокировании, уничтожении информации, нарушении конституционных прав граждан, незаконном вмешательстве в личную жизнь, в том числе в посягательстве на тайну корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на честь и достоинство, дискредитации деловой репутации организации, причинении морального вреда. Указанные последствия одновременно могут быть связаны с причинением материального (имущественного) вреда обладате-

лю информации или третьим лицам (например, необходимость восстановления утраченной информации, восстановление работоспособности Интернет-сайта). Аналогично в следственной практике в качестве имущественного вреда признаются затраты субъектов хозяйствования из расчета количества рабочих часов, потребовавшихся для восстановления поврежденной информации.

В заключении следует указать на необходимость дальнейшей разработки криминалистической характеристики данного вида преступлений, выступающей в качестве средства познавательной деятельности следователя и способствующей полноте установления следов преступления, оперативному и всестороннему расследованию.

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ОБНОВЛЕНИЯ ДАННЫХ ИДЕНТИФИКАЦИОННОЙ ЗНАЧИМОСТИ ЧАСТНЫХ ПРИЗНАКОВ ПОЧЕРКА

Жолудева Д. В., Жолудев А. Г.

Сложно переоценить роль оперативного и качественного проведения судебных экспертиз в уголовном, хозяйственном или гражданском процессе. Особое место среди основных видов криминалистических экспертиз занимает судебно-почерковедческая экспертиза. А в самом судебно-почерковедческом исследовании ключевую роль в объективизации вывода эксперта зачастую играет идентификационная значимость того или иного признака почерка. Еще в XIX в. А. Бертильон высказывал позицию о том, что судебная экспертиза почерка действительно превратится в науку лишь в тот день, когда создаст таблицы вероятности для различных признаков букв, и эксперт будет давать свой вывод в такой форме: этот почерк, характеризуемый такими-то особенностями, можно встретить один раз на сто, тысячу, десять тысяч, миллион субъектов одной и той же социальной категории.

В СССР проблемами оценки признаков почерка с использованием вероятностно-статистических методов занимались многие криминалисты, в том числе Н.И. Шахтарина, В.Ф. Орлова, Т.И. Исматова, М.Н. Сосенушкина. Существующая классификация идентификацион-

ных признаков почерка была предложена в 1964 г., а опубликована в 1971 г.

Необходимость нового подсчета идентификационной значимости частных признаков почерка обосновывается целым рядом причин, среди которых: изменение школьных прописей, увеличение удельной доли имеющих высшее образование граждан, интенсификация изучения иностранных языков и обучения письму на латинице, компьютеризация всех сфер жизни общества.

В диссертации Е.В. Прокурова «Современные проблемы объективизации экспертной оценки признаков почерка» (2015 г.) подчеркивается важность обновления данных идентификационной значимости признаков почерка, приводится процедура эксперимента и разъясняется порядок подсчета новых значений идентификационных признаков почерка. Экспериментальный массив состоял из 400 рукописей, выполненных курсантами следственного факультета, курсантами факультетов экспертов-криминалистов и оперативных сотрудников полиции, студентами юридического факультета, а также сотрудниками Министерства внутренних дел России на комплексе «Байконур» в возрасте от 19 до 47 лет (в абсолютном большинстве в возрасте от 20 до 30 лет). Таким образом, новые данные идентификационной значимости признаков почерка были высчитаны фактически для одной возрастной и двух социальных групп граждан Российской Федерации.

В связи с изложенным авторам представляется актуальным подсчет новых значений идентификационной значимости частных признаков почерка, которые будут актуальны именно для Республики Беларусь. Репрезентативность выборки должна быть обусловлена с учетом следующих критериев:

– пол и уровень образования;

– возраст: нижняя и верхняя границы составят 20 и 50 лет, чтобы полностью исключить несформировавшиеся почерка, а также почерка с возрастными изменениями;

– тип населенного пункта: городская либо сельская местность;

– регион проживания: все области Республики Беларусь, город Минск.

При сборе массива текстов для подсчета новых значений идентификационной значимости частных признаков почерка необходимо

использовать данные последней переписи населения Республики Беларусь, чтобы взять в расчет нужное количество почерков с учетом выше изложенных критериев, заложив максимально допустимый процент ошибки выборки.

ОРГАНИЗАЦИЯ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ХОРВАТИЯ

Ивашкевич А. А.

Основной причиной регулярных реорганизаций сил охраны правопорядка и обеспечения национальной безопасности являются изменения геополитической обстановки в мире, происходящие несколько последних десятилетий. Эти реорганизации в первую очередь связаны с постоянно возникающими новыми рисками, с которыми ранее не сталкивались, или которые носили локальный характер.

Изменения в сфере судебно-экспертной деятельности в каждой отдельно взятой стране обусловлены такими рисками и идут по своему сценарию. В одних странах могут себе позволить несколько государственных и частных структур, дублирующих друг друга, в других – создается одна централизованная государственная структура, и присутствуют частные структуры с обязательным наличием лицензии, третьи – отдают на откуп частным организациям.

В соответствии с законодательством Республики Хорватия судебно-экспертная деятельность осуществляется в двух государственных структурах: Министерстве внутренних дел (МВД) и Министерстве здравоохранения (проводятся только судебно-медицинские и психиатрические экспертизы), и частными экспертами.

Экспертные подразделения МВД Хорватии представлены Судебно-экспертным центром (Forensic Science Centre Ivan Vučetić / Centar za forenzična ispitivanja, istraživanja I vještačenja «Ivan Vučetić», далее – Судебно-экспертный центр) и службой техников-криминалистов. Деятельность экспертов регламентируется Уголовно-процессуальным кодексом Республики Хорватия, Законом «О судебно-экспертной деятельности», нормативными правовыми актами, регламентирующими

деятельность полиции, а также регламентами Европейского союза (гармонизация законодательства должна завершиться к 2020 г.).

В Хорватии помимо государственной судебно-экспертной системы также существует институт частных судебных экспертов. В отличие от Республики Беларусь право заниматься экспертной деятельностью предоставляет суд. Для этого заинтересованному лицу необходимо сдать экзамен в жупаньском суде (жупания – территориальная единица Республики Хорватия – имеет статус области), после чего суд своим решением включает данное лицо в реестр судебных экспертов. В реестр включаются как государственные, так и частные судебные эксперты.

Основными задачами Судебно-экспертного центра являются:

1) производство экспертиз по уголовным делам;

2) осмотр мест происшествий по наиболее сложным делам (решение об участии эксперта принимает руководитель центра);

3) обучение техников-криминалистов;

4) научные исследования в сфере судебно-экспертной деятельности.

Ежегодно экспертами Судебно-экспертного центра осуществляется около 100 осмотров мест происшествий, выполняется около 10 000 экспертиз.

Система организации работы по проведению экспертиз аналогична системе, выстроенной в Государственном комитете, однако имеются отличия в форме и содержании заключения эксперта. Так в водной части указываются установочные данные, вопросы, поставленные на разрешение экспертизы, приводится перечень поступивших объектов. В исследовательской части кратко приводится описание упаковки и поступивших объектов, указываются методики, которые использовались при проведении экспертиз. В выводах приводятся окончательные результаты исследований. В сопроводительном письме также указывается список рассылки, куда направляются копии заключения эксперта (в Хорватии помимо инициатора копии направляются прокурору, потерпевшей стороне, подозреваемому и т.д.). Фотоснимки упаковки и объектов, фототаблицы, материальные носители, подтверждающие результаты исследования, хранятся в архиве центра вместе

со вторыми экземплярами заключения. Указанные материалы предъявляются экспертом, при его вызове на слушание дела в суд.

Все эксперты в Судебно-экспертном центре имеют специальные звания сотрудников полиции. При приеме на службу все кандидаты проходят девятимесячную подготовку в полицейской академии, после которой получают статус полицейского и становятся экспертами-стажерами. Стажировка и обучение продолжаются пять лет. После сдачи экзамена и получения права подписи стажеры становятся экспертами. Для получения официального статуса судебного эксперта и включения в реестр судебных экспертов необходимо сдать экзамен в суде. Чтобы стать старшим экспертом необходима степень магистра и не менее 10 лет стажа, главным экспертом – степень магистра и не менее 15 лет стажа. На должности экспертов по специальным видам экспертиз набирают сотрудников с высшим образованием в области естественных наук. Для получения очередного специального звания сотрудники проходят тестирование. Эксперты могут привлекаться к выполнению общих задач полиции.

Как отмечалось ранее, осмотром мест происшествий в Хорватии занимается служба техников-криминалистов, которая также проводит предварительное сравнительное исследование изъятых следов рук, обуви и взлома. Осмотры мест происшествий в зависимости от тяжести преступления разделены на три категории сложности. Исходя из категории сложности, определяется состав и количество участников осмотра мест происшествий. Присутствие узких специалистов на месте происшествия позволяет решать определенные задачи без назначения экспертиз. Так, например, вызов пожарного инспектора на происшествия, связанные с пожарами, позволяет в 85 % случаев установить причину пожара без проведения экспертиз. Без разрешения прокурора полицейский дознаватель может проводить осмотры по преступлениям, по которым предусмотрено наказание до пяти лет, по остальным только с разрешения прокурора.

К техникам-криминалистам предъявляются следующие профессиональные требования: среднее или высшее образование; прохождение специальных трехмесячных курсов и сдача квалификационного экзамена. На должность техника-криминалиста отбирают сотрудников полиции, прошедших девятимесячную подготовку в полицейской ака-

демии и проработавших не менее одного года в должности полицейского. Конкурс на замещение вакантных должностей техников-криминалистов объявляется один раз в год, при этом на обучение, которое проводится в Судебно-экспертном центре, набирают желающих больше, чем имеется вакансий. Обучение длится три месяца, в течение которых курсанты проходят стажировку во всех экспертных департаментах Судебно-экспертного центра. В процессе обучения курсанты обучаются обнаружению, фиксации и изъятию всех следов и объектов, которые могут встретиться на месте происшествия. Трехмесячное обучение завершается экзаменом. Лица, не прошедшие по конкурсу или не сдавшие экзамен, возвращаются на службу в полицию.

В обязанности техника-криминалиста входит:

– участие в осмотре места происшествия: поиск, фиксация, описание, изъятие и упаковка вещественных доказательств и их хранение или, в случае назначения экспертиз, отправка в Судебно-экспертный центр;

– составление отчетов, фототаблиц, схем и т.д.;

– предварительное исследование следов рук, обуви и взлома, изъятых с мест происшествий, с целью определения их принадлежности, в том числе подозреваемому лицу;

– дача рекомендаций по назначению экспертиз, которые, как правило, являются обязательными для прокурора. Последнее обстоятельство позволяет свести практически к нулю количество экспертиз, где решаются диагностические задачи, и по которым невозможно получить значимой информации.

По результатам исследования техником-криминалистом составляется справка (акт), которая направляется прокурору. Данное исследование в дальнейшем может быть признано судом доказательством, в противном случае – назначается экспертиза. Проведение таких исследований службой техников-криминалистов позволяет значительно уменьшить количество проводимых экспертиз по изъятым следам. Основные функции по организации работы техников криминалистов осуществляет центральный офис.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В СЛЕДСТВЕННОЙ ПРОФИЛАКТИКЕ ДАННЫХ ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЫ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О КОРРУПЦИОННЫХ ХИЩЕНИЯХ

Каменецкий Ю. Ф.

Следственная профилактика является одним из наиболее эффективных инструментов профилактической деятельности, поскольку позволяет глубоко познать суть конкретного преступления, его причины и условия, а также располагает наиболее оперативным механизмом для упреждения дальнейшего развития преступной деятельности. Следовательно, в ее основе лежат криминалистически значимые сведения о преступлении, которому присущи как уникальные, так и основанные на типичных закономерностях схожие признаки.

В криминалистике типичные закономерности преступной деятельности и взаимосвязи между ними рассматриваются с использованием категории «криминалистическая характеристика преступления», основное предназначение которой заключается в создании на основе данного комплекса криминалистически значимых сведений рекомендаций по осуществлению расследования. Основная часть этих рекомендаций касается следственной деятельности, которая непосредственно связана с установлением следов преступления и преступника, организацией и планированием расследования, организационно-тактическими особенностями производства отдельных процессуальных действий. В тоже время осуществление профилактической деятельности следователем не подвергалось глубокому научному исследованию, соответственно, потенциал криминалистической характеристики преступления оказался не полностью раскрыт. В этой связи представляется, что данный комплекс сведений (криминалистическая характеристика преступления), с одной стороны, является информационной моделью преступной деятельности, а с другой, – выступает матрицей для поиска причин и условий, способствующих преступлению.

Продемонстрируем эффективность использования в следственной профилактике криминалистической характеристики на примере

сведений экономико-правовой характеристики бюджетной сферы по уголовным делам о коррупционных хищениях. Экономико-правовая характеристика бюджетной сферы включает следующие элементы: правовой статус бюджетных организаций, порядок управления и специфику подчиненности; квалификационные требования к работникам и функциональные обязанности должностных лиц; учетная политика и др.

Особый порядок формирования бюджетной организации предполагает специфику правового статуса, порядка управления, подчиненности, квалификационные требования к компетенции работников. С позиции следственной профилактики значение юридического положения организации определяется отношением собственника к имуществу, а также предпринимаемыми мерами представителями собственника к сохранности данного имущества. Одним из глубинных условий преступления может быть отчужденность руководства организации от средств производства. Такое положение досталось нам в наследство от советского периода, когда аппарат управления был заинтересован только в выполнении показателей плана и не уделял надлежащего внимания сохранности имущества. В отдельных случаях руководство уклоняется от принятия мер по оборудованию видеосъемки, современных технических средств контроля, поскольку это требует дополнительных временных и материальных затрат и уменьшает чистую прибыль предприятия, влияя на премиальные выплаты.

Такие вопросы подлежат выяснению в ходе предварительного следствия. В случае их подтверждения следует в обязательном порядке вносить представление в адрес собственника и уполномоченных лиц с предложением дополнения контракта руководителей нормами обязывающими принимать соответствующие меры по сохранности имущества, увязывая результаты таких профилактических мер с мерами стимулирующего характера и оплаты за труд.

Квалификационные требования к работникам бюджетных организаций в некоторых случаях специально занижаются, а иногда и прямо игнорируются их руководством, что с высокой степенью вероятности может свидетельствовать о коррупции, протекции личных интересов и интересов коррупционно-бюрократических групп, а также яв-

ляться сигналом (и предпосылкой) о возможном совершении хищений и иных преступлений на том или ином предприятии, отрасли экономики. Глубинным условием, способствующим совершению преступления в этом случае, является некомпетентность соответствующих должностных лиц, которые могут выполнять незаконные распоряжения и просьбы расхитителей, не только из чувства признательности за помощь в назначении на должность, но и в силу своей некомпетентности, квалификационной невозможности надлежащим образом исполнить свои функциональные обязанности. Реагируя на такие ситуации в ходе расследования, целесообразно вносить представления руководству организации (отрасли и т.п.) о проведении внеочередной аттестации таких работников.

Функциональные обязанности сотрудников организации подлежат анализу на предмет установления лиц, ответственных за сохранность имущества, контроль его учета и списания, проводивших инвентаризацию и пр. При выявлении изъятий предписаний в должностных инструкциях правовая неопределенность подлежит обязательному восполнению. Обязательным является также проведение анализа (сопоставления) функциональных и фактически выполняемых обязанностей должностными лицами организации с целью выявления возможных условий, способствующих совершению хищений.

Должностное положение руководителей бюджетных организаций предопределяет и высокую степень возможного противодействия следствию. В этом плане следственная профилактика направлена, в первую очередь, на упреждение такого противодействия. Как было отмечено выше, руководитель бюджетной организации не заинтересован в дискредитации своей репутации, поэтому следует использовать выявленные изъятия и недостатки в работе организации, чтобы склонить управленческий персонал к сотрудничеству, разъяснить им цели профилактической деятельности следователя и вовлечь их в процесс поиска наиболее эффективных средств ликвидации детерминант преступности.

Бюджетные организации выполняют некоммерческие функции, их основная деятельность (без учета вопросов управления) не связана с созданием ТМЦ и производственным процессом. В этой связи подлежит тщательной оценке последствия хищений на эффективность вы-

полнения основной функции организации. В первую очередь это обусловлено тем, что вместо выполнения основного предназначения организации, достижения высоких результатов, работники отвлечены несвойственными функциями, тратят время на выполнение просьб и распоряжений расхитителя, а тот прикрывает их низкие показатели. Например, в бюджетной организации начальник необоснованно списывает топливо со служебного транспорта, якобы использующегося для приема экзаменов по вождению, прикрывая эту ситуацию, сотрудники используют транспорт автошкол, предоставляя им определенные поблажки при задаче экзаменов. Расхититель взамен обеспечивает покровительство сотрудникам, на которых поступают обоснованные жалобы. Таким образом, вскрытие данного условия преступления позволяет устранить всю коррупционную систему. Этот пример хорошо иллюстрирует, что установление детерминанты для отдельного преступления может раскрыть потенциально существующие иные преступления коррупционной направленности. И, наоборот, при оставлении без внимания данного условия в ходе расследования коррупционная система будет продолжать действовать, вовлекая в свои сети новых исполнителей вместо привлеченных к уголовной ответственности.

Специфика ведения бухгалтерского учета и отчетности бюджетной организации отражается в особенностях ее учетной политики, принятой на основании приказа руководителя. Криминалистическое значение представляет изучение принятых организацией форм первичных учетных документов, графика документооборота, перечня должностных лиц, обеспечивающих движение документов, относящихся к их деятельности.

С позиции следственной профилактики учетная политика рассматривается в двух аспектах: во-первых, формирование правового регулирования эффективного механизма противодействия хищениям и иным преступлениям; во-вторых, реализация закрепленных в нормативных правовых актах норм, выявленные дефекты отражаются в представлении следователя и подлежат устранению руководством организации путем корректировки существующей учетной политики и (или) принятием дополнительных мер по обеспечению ее неукоснительной реализации. Как правило, на практике эти меры применяются комплексно.

Аналогичным образом может быть использована информация и об иных элементах экономико-правовой характеристики бюджетной сферы при осуществлении следственной профилактики коррупционных хищений.

Таким образом, типичные меры общей и частной профилактической деятельности следователя включают: дополнения контракта руководителей нормами обязывающими принимать соответствующие меры по сохранности имущества, увязывая результаты таких профилактических мер с мерами стимулирующего характера и оплаты за труд; организацию проведения внеочередной аттестации работников; установление и реализацию правовых механизмов конкуренции и транспорентности выбора поставщиков и подрядчиков; обеспечение независимого контроля за действиями контрагентов с применением фото- и видеофиксации; разъяснение руководству предприятия целей профилактической деятельности следователя и вовлечение его в процесс поиска наиболее эффективных средств ликвидации детерминант преступности; устранение дефектов с целью формирования и реализации правого регулирования системы бюджетного финансирования в органах казначейства; комплексное правовое регулирование этапов хозяйственных операций, согласованность правовых норм; корректировка существующей учетной политики и (или) принятие дополнительных мер по обеспечению ее неукоснительной реализации.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ОБ ИЗГОТОВЛЕНИИ, ХРАНЕНИИ ЛИБО СБЫТЕ ПОДДЕЛЬНЫХ ДЕНЕГ

Ковзунович Ю. Н.

В рамках нашего магистерского исследования с 2017 г. исследуются вопросы криминалистического обеспечения расследования уголовных дел об изготовлении, хранении либо сбыте поддельных денег. Несомненно, наличие в денежном обращении любой страны копий настоящих денег недопустимо, поскольку, не будучи обеспеченными товаром, они отрицательно влияют на товарообмен, оказы-

вают содействие инфляции, вызывают недоверие у населения к действующей финансовой системе.

По данным Федеральной резервной системы США в мировом обороте находится более 560 млрд. фальшивых купюр, из них около 70 % составляют доллары США. Территориально общая масса фальшивок распределяется следующим образом: 50 % приходится на Европу (в том числе и Республику Беларусь), 30 % – на Ближний Восток и Африку, 20 % – на Южную Америку (Колумбия).

Правоохранительными органами Республики Беларусь ежегодно возбуждаются в среднем около одной тыс. уголовных дел по факту изготовления и сбыта поддельной иностранной и национальной валюты. Так, в 2006 г. возбуждено 2 120 уголовных дел, в 2007 г. – 1 840, в 2008 г. – 1 820, в 2009 г. – 1 771, в 2010 г. – 1 605, в 2011 г. – 1 122, в 2012 г. – 1 067, в 2013 г. – 822, в 2014 г. – 794, в 2015 г. – 908, в 2016 г. – 988, в 2017 г. – 928.

Несмотря на количественное снижение зарегистрированных уголовных дел о преступлениях, связанных с изготовлением и сбытом поддельных денежных знаков, их удельный вес среди преступлений в сфере экономики, совершаемых в Республики Беларусь, растет из года в год. Так, в 2015 г. он составил 59 % от их общего числа, в 2016 г. – 62 %, в 2017 г. – 67 %. При этом обращает внимание тот факт, что раскрываемость данной категории преступлений за последние восемь лет снизилась до 1–2 %, когда в 2006–2011 гг. она доходила до 10 %. Как следствие, ущерб от указанного вида преступлений в социальной сфере подрывает авторитет органов государственного управления и правоохранительных органов Республики Беларуси, что вызывает социальное напряжение в обществе и долгосрочные криминальные последствия.

Тенденция к снижению раскрываемости преступлений, связанных с изготовлением и сбытом поддельных денежных знаков обусловлена рядом обстоятельств. В частности, по сведениям Национального банка Республики Беларусь поддельная иностранная валюта ввозится в республику из-за границы. Наибольшее количество фальшивых денег поступает из Российской Федерации (почти 80 %), Украины (около 8 %), Польши (менее 5 %) и Литвы (3 %).

Изучение автором 780 материалов уголовных дел названной категории показало, что в 92 % случаев поддельная иностранная валюта изготавливается за рубежом и ввозится в республику неосведомленными об этом гражданами, которая в последующем обнаруживается в банковских учреждениях при ее обмене либо инкассации. Согласно результатам анкетирования 78 следователей Следственного комитета Республики Беларусь на вопрос «При расследовании преступлений, связанных с изготовлением и сбытом поддельных денежных знаков, с какими следственными ситуациями Вам наиболее часто приходилось сталкиваться?» 79,5 % следователей ответили «Когда поддельная иностранная валюта получена добросовестными гражданами за рубежом при совершении сделки купли-продажи либо в качестве оплаты за выполненную работу». На вопрос «Как Вы оцениваете современное научное и методическое состояние организации расследования преступлений, связанных с изготовлением и сбытом поддельных денег?» 47,4 % следователей ответили как «неудовлетворительное», 35,9 % – удовлетворительное» и 16,6 % – «хорошее».

Анализ научной литературы свидетельствует об отсутствии в Республике Беларусь диссертационных и монографических работ, отдельных публикаций, отражающих особенности расследования уголовных дел об изготовлении, хранении и сбыте поддельных денежных знаков, при следственной ситуации, когда поддельная иностранная валюта изготовлена за границей и ввезена в страну добросовестными гражданами. Отдельные аспекты расследования преступлений, связанных с изготовлением и сбытом поддельных денежных знаков рассматривались в трудах российских ученых: Р.С. Белкина, Т.В. Аверьяновой, Е.П. Ищенко, И.Е. Максимова, И.Г. Шурухнова, а также белорусских ученых: А.В. Дулова, Е.И. Климовой, А.М. Хлуса и Ю.А. Никитина, но их результаты научных исследований требуют совершенствования.

Научная новизна проведенного нами исследования заключается в том, что предпринята попытка комплексного исследования теоретических и практических проблем, возникающих при расследовании уголовных дел об изготовлении и сбыте поддельных денег в современных условиях, и предложены возможные пути их решения. Внесенные автором предложения по разрешению проблемных вопросов,

возникающих при расследовании преступлений данной категории, а также авторская модель минимального перечня следственных и процессуальных действий обязательных при проведении по уголовным делам об изготовлении, хранении и сбыте поддельной иностранной валюты, изготовленной за границей и ввезенной в страну добросовестными приобретателями, позволит повысить эффективность практической деятельности следователей на современном этапе.

Согласно результатам анкетирования следователей Следственного комитета Республики Беларусь на вопрос «Считаете ли Вы целесообразным и практически необходимым разработку конкретного перечня следственных и процессуальных действий обязательных проведению по уголовным делам об изготовлении, хранении и сбыте поддельных денежных знаков, при следственной ситуации, когда поддельная иностранная валюта изготовлена за рубежом и ввезена в страну добросовестным» 78 (100 %) следователей ответили – «да».

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ХОДЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Мухин Г. Н.

Перечень дискуссионных вопросов открывает само понятие специальных знания и их использования в процессе раскрытия преступлений. Так, под специальными знаниями проф. Г.И. Грамович понимает знания в определенной области человеческой деятельности (за исключением знаний в области материального, процессуального права и методологических наук), полученные в результате профессиональной подготовки, научной деятельности или опыта практической работы и используемые в процессе раскрытия и расследования преступлений. Интересно, что и это определение является спорным, имеются и иные определения специальных знаний.

Представления о специальных знаниях как о профессиональных для следователя знаниях, неправильно т.к. профессиональными для следователя являются и те специальные знания, которыми он обладает

и на использование которых самим следователем накладываются процессуальные ограничения.

Те, кто полагают, что специальные знания используются только в целях доказывания, сужают сферу использования специальных знаний, т.к. исключают не процессуальную форму их применения. Специальные знания применяются и в оперативно-розыскной деятельности, и они должны использоваться не только следователем. Использование специальных знаний должно охватывать не только стадию предварительного расследования, но и иные стадии поисково-познавательной деятельности, в том числе и временной промежуток до возбуждения уголовного дела, когда осуществляется собирание информации, образующей понятие предмета документирования, ориентирующей информации, «перспективных» доказательств.

Определение специальных знаний в уголовно-процессуальном законодательстве и юридической литературе не очевидно, имеются различные точки зрения, но очевидно, что специальными не могут быть сведения правового характера. К этим знаниям не относятся юридические знания, а решение юридических вопросов не может быть поручено эксперту и относится к исключительной компетенции следователя.

Спорным является вопрос о том, являются ли знания в области криминалистики специальными (например, проблема определения типа и вида), ведь ими обладает следователь, оперативный работник, специалист, эксперт-криминалист, судья. Криминалистика не имеет предметом своего изучения определенную отрасль прав, успехи в использовании достижений естественных и технических наук в раскрытии преступлений лишний раз подтверждают истинную природу и сущность криминалистики, находящейся на стыке между отраслевыми юридическими и естественно-техническими науками. Изучение исторических аспектов развития научных представлений о природе и сущности криминалистики позволяет сделать вывод о том, не все изучаемые криминалистикой закономерности лежат в сфере правовых явлений. Криминалистические знания представляют собой систему тесно связанных между собой юридических и естественно-технических научных сведений, которые в целом относятся к юридическим знаниям. Закон не запрещает оперативному работнику, следователю использо-

вать специальные знания, в том числе и криминалистические, но доказательственное значение полученной с их помощью информации и процессуальные последствия применения на практике таких знаний будет зависеть от правового положения этих участников процесса. В юридических вузах изучается учебная дисциплина «Судебная бухгалтерия», однако эта дисциплина не является юридической (правовой), так как ее основу составляют специальные знания в области бухгалтерии, а не права, и юрист не в состоянии решить вопрос об их нарушении и ему приходится обращаться за помощью к соответствующим специалистам, что и вызывает необходимость назначения судебной экспертизы и использования иных форм специальных знаний.

Выводы следователя не могут быть источниками доказательств по делу, а заключение эксперта является таким источником (ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, далее – УПК); что предполагает, что следователь должен так использовать свои специальные знания, чтобы самому не стать источником доказательств. Более того, в ряде норм УПК прямо указывается на возможность использования следователем собственных специальных знаний в области криминалистической фото- и видеосъемки, звукозаписи, получении слепков, изготовлении чертежей, планов и схем, при этом иногда закон даже обязывает следователя использовать такие знания. Например, в УПК указывается на необходимость фотографирования вещественных доказательств, если они не могут храниться при уголовном деле. Если выявленные следователем факты являются только основанием для какого-то вывода, который в свою очередь становится доказательственным фактом, то источником доказательства будет сделавшее этот вывод лицо, т.е. только эксперт. Таким образом, следователь, владея специальными знаниями, может применить их на практике, однако сделанные на основе этих знаний выводы не будут доказательствами по делу, они нигде не фиксируются и используются только в оперативных целях.

Если в спорном документе следователь установил более высокую степень выработанности почерка, чем в исследуемом документе, то он может сделать вывод, что исследуемый текст выполнен не подозреваемым и этот вывод будет иметь доказательственное значение. Причем такие выводы предлагается оформлять протоколом осмотра.

Спорным является то, что если они сделаны на основании криминалистических знаний, то фактически произойдет совмещение в одном лице функций эксперта-криминалиста и следователя, что запрещено законом. Кроме того, от понятых, если они приглашены и не имеют криминалистических знаний, нельзя требовать, чтобы они удостоверяли в протоколе выводы следователя, сделанные на основе таких знаний. Таким образом, следователю дано право на отрицание факта тождества без назначения криминалистической экспертизы, если для этого достаточно анализа общих признаков в пределах тех криминалистических знаний, которыми он должен обладать.

Используя свои специальные знания для изучения доказательств с целью получения новых фактов, следователь обязан соблюдать ряд условий. Изучаемые следы и вещественные доказательства не должны уничтожаться или подвергаться изменениям, мешающими производству судебной экспертизы; выводы о сущности выявленного следователем факта должны быть категорическими, а не носить характер каких-либо предположений; выявленный с помощью научно-технических средств факт должен быть очевиден, и ясен для всех участников следственного действия, в том числе и для лиц, не имеющих специального образования; следователь обязан грамотно оформить использование специальных знаний и научно-технических средств в протоколе осмотра или других следственных действий, причем в этом протоколе описывается весь процесс применения научно-технических средств, к нему может быть приложена фототаблица.

Следователь осуществляет общее руководство работой специалиста, а тот использует свои специальные знания для оказания помощи следователю в обнаружении, фиксации, изъятии и исследовании доказательств и не должен превышать свои функции помощника. Следователь активно участвует в работе специалиста, знает сущность применяемых методов и средств, но активность следователя не должна превращаться в опеку специалиста, так как выбор методики применения научно-технических средств осуществляет только сам специалист. Владея специальными знаниями, он в состоянии применить такие криминалистические методы и научно-технические средства, о которых следователь и не догадывается, но этом случае он дает разрешение на их использование.

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФОРМАХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ

Орехова Е. П.

В раскрытии и расследовании преступлений зачастую используются современные достижения естественных, технических, гуманитарных и других наук, которые в уголовном процессе принято называть специальными знаниями. Особенностям применения специальных знаний посвящены научные труды ряда ученых-криминалистов (А.И. Алекешева, Г.И. Грамовича, А.В. Дулова, Ю.В. Кухарькова, В.Н. Махова, И.А. Мороза, Ю.В. Пономаренко, Ю.К. Орлова, А.С. Рубиса, М.К. Треушникова, А.А. Эйсмана и др.). Одним из первых определение термина «специальные знания» сформулировал А.В. Дулов (1959 г.), указывая, что специальные знания – это «знания, которыми недостаточно владеют судьи».

Порядок применения процессуальной формы использования специальных знаний регулируется Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь) и результаты их использования имеют доказательственное значение. В связи с этим к процессуальным формам использования специальных знаний следует относить: 1) производство судебных экспертиз; 2) получение объяснения либо допрос эксперта; 3) участие специалиста в следственных и иных процессуальных действиях; 4) использование специальных знаний с целью проверки финансово-хозяйственной деятельности (ст. 103, 173 УПК Республики Беларусь).

1. Производство судебных экспертиз является основным видом процессуального использования специальных знаний. В УПК Республики Беларусь используется термин «экспертиза», при этом в законодательстве не определено его отличие от экспертизы в иных сферах деятельности, что вызывает некоторую путаницу в теории и практической деятельности. В настоящее время, учитывая научные концепции, практические подходы, зарубежный опыт предлагается на законодательном уровне закрепить термин «судебная экспертиза».

В ст. 1 Модельного закона «О судебно-экспертной деятельности», принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи Евразийского экономического сообщества от 11.04.2013 г.

№ 15-6 предлагается определять судебную экспертизу как процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом, судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

Судебная экспертиза – это исследование, проводимое судебным экспертом (судебными экспертами) по постановлению (определению) органа (лица), уполномоченного процессуальным законодательством, в целях установления фактических данных и (или) обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовных дел, по результатам которого составляется заключение эксперта.

Из данного определения следуют признаки, характеризующие судебную экспертизу и отличающие ее от экспертиз, осуществляемых в иных сферах человеческой деятельности, и от специального исследования:

1) порядок назначения судебной экспертизы регламентируется процессуальным законодательством (гл. 26, ст. 334 УПК Республики Беларусь);

2) по субъектам, которые, согласно процессуальному законодательству, могут назначить судебную экспертизу. К ним отнесены: орган дознания и лицо, производящее дознание, следователь, прокурор, суд (ст. 227, 334 УПК Республики Беларусь), которые выносят постановление (определение) о назначении судебной экспертизы;

3) по субъектам, которые имеют право, согласно процессуальному законодательству проводить судебную экспертизу. Судебным экспертом является не заинтересованное в исходе дела лицо, обладающее специальными знания в науке, технике, искусстве и иных сферах деятельности, которому поручено производство экспертизы в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством (ст. 61 УПК Республики Беларусь);

4) по процессуальному статусу документа, который составляется по результатам производства судебной экспертизы. По

результатам производства судебной экспертизы составляется документ под названием «Заключение эксперта» (ст. 95 УПК Республики Беларусь). Заключение эксперта сопровождается подпиской эксперта о том, что эксперту разъяснены его процессуальные права и обязанности, а также о том, что эксперт предупрежден об уголовной или административной ответственности по ст. 401, 402, 407 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

5) заключение эксперта является источником доказательств в уголовном процессе (ч. 2 ст. 88 УПК Республики Беларусь).

2. Получение объяснения либо допрос эксперта уголовно-процессуальным законодательством допускается только после представления им заключения. Следователь вправе получить объяснение от эксперта в случае проведения экспертизы до возбуждения уголовного дела для разъяснения данного им заключения.

3. Участие специалиста в следственных действиях является достаточно распространенной процессуальной формой использования специальных знаний. Согласно ст. 200 УПК Республики Беларусь, орган уголовного преследования вправе вызвать для участия в производстве следственного и иного процессуального действия специалиста, не заинтересованного в исходе уголовного дела. К специалистам также относятся педагог, психолог, переводчик, необходимость участия, которых в следственных и иных процессуальных действиях прямо предусмотрена УПК Республики Беларусь.

В криминалистической литературе к процессуальной форме использования специальных знаний нередко относят непосредственное применение специальных знаний следователем, органом дознания, прокурором, судьей и иными участниками процессуальной деятельности, на которых возложена обязанность по сбору и оценке доказательств. Указанные участники уголовного процесса применяют профессиональные криминалистические знания, приемы, методы и средства криминалистической техники, подробно описывают их в протоколах следственных и иных процессуальных действий. Однако следователь вправе применять собственные специальные знания только в границах своих полномочий и в соответствии с требованиями

процессуального законодательства о полном, всестороннем и объективном исследовании обстоятельств дела и собирании доказательств. При этом следователь не должен подменять судебного эксперта, поскольку следователь не обладает полномочиями эксперта. Например, если следователь обладает знаниями в области бухгалтерии, а по уголовному делу необходимо назначить судебно-бухгалтерскую экспертизу, то следователь, несмотря на свои специальные знания, назначает экспертизу. Оценивая заключения эксперта, следователь вправе применить свои специальные знания в области бухгалтерии, поскольку оценка доказательств входит в круг его полномочий.

Использование специальных знаний следователем преследует не только узкие цели по собиранию доказательств. Опираясь на свои специальные знания, привлекая к участию в следственных и иных процессуальных действиях специалистов, следователь изучает весь круг обстоятельств расследуемого преступления, собирает, проверяет и оценивает устанавливающие их фактические данные, определяет направления дальнейшего расследования, принимает решения по привлечению к ответственности виновных лиц, а также выявляет причины и условия, способствующие совершению преступления.

Таким образом, перечень процессуальных форм применения специальных знаний ограничен требованиями уголовно-процессуального законодательства и формируют источники доказательств, которые оцениваются в соответствии со ст. 88 УПК Республики Беларусь.

ЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Пархоменко Д. Н.

В соответствии с информационно-справочными данными за 2014–2017 гг. в управлении Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь по Гомельской области было назначено 183 821 экспертиза, причем в Мозырском межрайонном отделе было зарегистрировано 19 784 экспертиз, что составило 10,8 % от общего

количества по управлению. Поступившие экспертизы в Мозырском межрайонном отделе распределились следующим образом:

Вид экспертиз / Год	2014	2015	2016	2017
Всего	4 936 (10,9 %)	5 129 (11,2 %)	5 077 (10,7 %)	4 642 (10 %)
Криминалистические	722 (14,6 %)	701 (13,7 %)	723 (14,2 %)	591 (12,7 %)
Специальные	356 (7,2 %)	420 (8,1 %)	378 (7,4 %)	629 (13,5 %)
Судебно-медицинские (трупов, физических лиц, по материалам дел, химические, гистологические)	2 612 (52,9 %)	2 840 (55,4 %)	3 074 (60,5 %)	2 701 (58,1 %)
Судебно-психиатрические (судебно-психологические)	1 246 (25,2 %)	1 168 (22,7 %)	902 (17,8 %)	721 (15,5 %)

Как видно, в целом количество судебных экспертиз из года в год остается примерно на одном уровне с тенденцией к увеличению, что определяет их значимость.

Значение судебной экспертизы в уголовном процессе, как правило, состоит в том, что она является одним из главных способов получения доказательств. Экспертное исследование реализуется непосредственно в процессе доказывания, будучи его составным элементом, оно подчиняется тем же целям – установлению истины по уголовному делу. Доказывание на определенном этапе приводит к установлению материала, дальнейшее исследование которого требует использования специальных знаний. В данной ситуации орган уголовного преследования продолжает доказывание с привлечением назначенного им эксперта. Получив заключение от эксперта, орган уголовного

преследования использует его в процессе доказывания, который продолжается дальше.

В процессе проведения судебной экспертизы, в отличие от иных следственных действий, установление значимых для уголовного дела фактов может осуществляться в отсутствие следователя (лица, производящего дознание) либо судьи. Данная специфика позволяет объяснить, почему законодательством установлена система дополнительных процессуальных гарантий, выполнение которых призвано содействовать достоверному, полному и объективному установлению фактов экспертом и всесторонней проверке его выводов органом уголовного преследования. Целостная совокупность данных гарантий создает процессуальную форму, специфика которой отличает судебную экспертизу от иных способов доказывания.

Экспертное заключение обладает существенными отличиями от всех иных доказательств. Информация, которая получена в процессе проведенных исследований, становится главным доказательством либо поводом для возбуждения уголовного дела. На основании полученной информации становится возможным обвинить конкретное лицо в совершении преступного деяния либо исключить полностью вину в инкриминируемом ему преступном деянии. Не согласным с выводами эксперта подозреваемым, обвиняемым и потерпевшим предоставляется право на обжалование.

На практике достаточно часто заключение эксперта выступает определяющим в ряду иных доказательств для объективного обоснования выносимых судом приговоров. К примеру, на судебно-медицинскую экспертизу из дома поступил труп женщины преклонного возраста без видимых телесных повреждений и признаков насильственной смерти. При тщательном наружном и внутреннем исследованиях трупа эксперт наряду с общими асфиксическими признаками (признаки удушья) в одном из носовых ходов умершей обнаружил маленькое перышко и пришел к выводу, что смерть женщины наступила в результате механической асфиксии от закрытия рта и носа мягким предметом, предположительно, подушкой, о чем незамедлительно было сообщено инициатору экспертизы. В круг подозреваемых лиц попал внук умершей, который впоследствии сознался в содеянном преступлении и понес заслуженное наказание. Так, например, заключение су-

дебно-психологической экспертизы, направленной на выявление специфики психически здорового человека и выяснение ситуации о наличии аффекта в момент совершения преступления, имеет прямое значение для квалификации содеянного.

Судебная экспертиза, являясь способом получения доказательств, одновременно выступает средством получения новой информации либо проверки уже имеющейся. Значит, она может являться еще способом собирания и проверки доказательств. Данный признак судебной экспертизы можно охарактеризовать как институт доказательственного права.

На сегодняшний день потребность в назначении и проведении судебных экспертиз оказывается на несколько порядков выше, чем раньше. Это объясняется обстоятельствами объективного характера. Судебно-экспертная деятельность является довольно сложным институтом процессуального права. Многие вопросы, связанные с правоотношениями, возникающими при назначении и проведении судебной экспертизы, не урегулированы в законе, отсутствует единство взглядов ученых на отдельные аспекты экспертной деятельности. В частности, к таким вопросам относятся: объем полномочий эксперта (в особенности эксперта-стажера), регламентация вопросов механизма реализации права экспертной инициативы, процессуальные отношения руководителя экспертного учреждения и эксперта; основания назначения экспертизы, дифференциация знаний эксперта и специалиста, формы использования специальных знаний; особенности оценки заключения эксперта и др. Достижения в сфере науки и техники расширяют потенциальные возможности судебной экспертизы, что, в свою очередь, обусловливает возникновение новых родов и видов судебных экспертиз. Например, судебно-лингвистическое и судебно-культурологическое исследование позволяет экспертам выдать заключение о том, содержится ли в комментариях нецензурная речь или призыв к экстремизму и действительно ли порнографический материал является таковым. Это значительно расширяет познавательные возможности органов предварительного расследования и суда, открывает возможности получения дополнительных доказательств. Каждый отдельный вид экспертизы имеет свое значение в уголовном процессе и выступает уникальным способом получения (проверки) доказательств

по уголовному делу. В настоящее время судебная экспертиза ежегодно увеличивает свой потенциал за счет совершенствования действующих методик и появления (разработке) новых разновидностей. Данный род деятельности непрерывно развивается, подстраиваясь тем самым под реалии нынешней жизни.

До образования Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (далее – ГКСЭ) в 2013 г., судебные экспертизы проводились в различных учреждениях и министерствах. Это негативно сказывалось на качестве экспертных заключений, нарушались сроки проведения судебных экспертиз. Значительно улучшилась ситуация с назначением и проведением судебных экспертиз после образования ГКСЭ, который может проводить судебные экспертизы фактически по любым отраслям специальных знаний. Его подразделения укомплектованы высококвалифицированными специалистами, а для проведения сложных экспертиз экспертные подразделения обеспечены всей необходимой техникой. На постоянной основе проводятся совместные совещания, межведомственные рабочие группы с Министерством внутренних дел, Следственным комитетом, Министерством по чрезвычайным ситуациям, Государственным пограничным комитетом и другими правоохранительными органами, где вырабатываются эффективные методы назначения и проведения экспертиз, что положительно сказывается на борьбе с преступностью.

Безусловно, судебно-экспертная деятельность требует своего постоянного совершенствования, что будет способствовать обоснованному назначению экспертиз, повысит их качество, положительно скажется на производстве экспертиз, и как следствие защите прав и законных интересов участников уголовного процесса.

ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Романович Е. А.

Письмо – один из важнейших способов фиксации речи. Особенностью письма является то, что в отличие от устной речи и других способов фиксации, оно закрепляется на бумаге или ином материале и передает информацию содержания речи посредством символов, знаков

и букв. В связи с этим в современном мире возросло количество преступлений, связанных с подделкой рукописного текста, документов, подписей и т.д. И порой только почерковедческая экспертиза призвана помочь в расследовании преступлений.

Почерковедческая экспертиза является в настоящее время одной из наиболее сложных и наиболее часто назначаемых видов криминалистических экспертиз по установлению подделки (фальсификации) подписи, документа или записи в тексте, проводимая экспертами-криминалистами. По мнению российских исследователей В.В. Серегина и М. В. Бобовкина, «удельный вес» этой экспертизы составляет 15 % от всех экспертиз и с каждым годом этот показатель растет.

Почерковедческая экспертиза – один из видов идентификации личности. Она основана на исследовании признаков почерка, текста, отобразившихся в рукописных документах. Развитие и становление почерковедческой экспертизы основано на методах исследования данной экспертизы, а основными направлениями, по мнению С.Л. Зорина, являются: 1) каллиграфическое; 2) приметоописательное; 3) графологическое; 4) графометрическое; 5) современное.

К периоду зарождения почерковедческой экспертизы относят каллиграфический метод. Первыми «экспертами» в данных исследованиях были люди, овладевшие навыками письма, в основном учителя чистописания и секретари присутственных мест, а методика исследования сводилась лишь к выявлению сходства или различия начертания отдельных сличаемых букв по их конфигурации. Каллиграфы стремились в сравниваемых документах отыскать лишь внешнее, структурное сходство букв, что, естественно, приводило к грубейшим ошибкам. В результате, как отмечал русский криминалист Е.Ф. Буринский, органам правопорядка приходилось бороться как с подделывателями различных документов, так и с фантазией каллиграфов.

В 1897 г. французским криминалистом А. Бертильоном был предложен приметоописательный метод. Сущность этого направления заключалась в том, что исследователь выделял типовые элементы почерка и исследовал его особенности – приметы. Эти приметы подробно описывались, изучались и сличались. Основная ошибка приметоописательного метода заключалась в том, что его авторы механически,

без учета особенностей формирования письменно-двигательного навыка, перенесли методику «словесного портрета» на почерк.

Следующее направление – это графологическое. По мнению советских ученых-криминалистов А.И. Винберга и С.П. Митричева, суть данного направления заключалась в том, что по почерку распознавали характер человека. Изучение графологии неоднократно подвергалось обоснованной критике со стороны криминалистов. Но, тем не менее, работы современных графологов представляют определенный научный интерес для ученых-почерковедов, занимающихся решением задач неидентификационного характера: установление необычных условий выполнения рукописи, состояние человека в момент написания текста (например, предсмертной записки), установление пола, возраста, профессии и т.д.

Графометрический метод – это разновидность приметоописательного метода. Родоначальником этого направления является французский криминалист Э. Локар. Сущность графометрического направления состоит в стремлении заменить субъективные впечатления эксперта экспериментальными данными. Интеграция знаний, полученных в результате экспериментальных исследований, позволила сформулировать естественнонаучные основы почерковедения: обстоятельно разработать и изложить данные о механизме письма (двигательной анатомии и биомеханике, управлении письменно-двигательным аппаратом), формировании навыка письма и двигательной природе признаков почерка; дать обоснование динамической устойчивости и вариационности почерка; рассмотреть его индивидуальность.

На современном этапе научные и экспериментальные исследования, обобщение практики, многолетний опыт проведения почерковедческих экспертиз позволили криминалистам не только сформулировать теоретические основы, но и разработать научно обоснованные и эффективно действующие методики экспертизы почерка.

Возможности почерковедческой экспертизы охватывают идентификационные и диагностические задачи. Идентификационные задачи связаны с установлением конкретного исполнителя рукописи либо факта выполнения множества рукописей (их фрагментов) одним лицом или разными лицами. Решение диагностических задач направлено на

определение условий, при которых выполнялся исследуемый почерковый объект – рукописный текст, запись или подпись.

Ведущие ученые-криминалисты А.А. Куприянова и В.Ф. Орлова выделяют еще и классификационные задачи. Эти задачи связаны с установлением принадлежности почерка исполнителя к группе почерков, присущих лицам определенного пола, возраста или типа почерков в соответствии с принятой научной классификацией (хорошо или плохо выработан, с совершенной или несовершенной системой движений). В рамках классификации задач также могут быть получены ответы на вопрос о сходстве почерков (подписей), о пригодности почеркового объекта для идентификационного исследования.

Сегодня, несмотря на существующую общепринятую четкую классификацию задач почерковедческой экспертизы, в конкретных экспертных ситуациях эти задания разграничить достаточно сложно и во многих случаях почерковедческое исследование имеет интеграционный, а иногда и комплексный характер. Иногда это приводит к тому, что не все конкретные задачи могут решаться экспертами на практике, то есть в некоторых экспертных ситуациях почерковеды по тем или иным причинам вообще отказываются от разрешения вопроса, или предоставляют заключение в форме «решение вопроса не представляется возможным».

Также следует отметить, что одно из важных мест занимают исследования закономерностей процесса решения экспертных задач. Если ранее научные разработки были направлены непосредственно на объект, то есть почерк и методы экспертного исследования основывались на знаниях закономерностей в области почерка, то теперь внимание криминалистов привлекает «внутренняя», субъективная сторона экспертной деятельности. Дальнейшее совершенствование методик почерковедческой экспертизы, расширение ее возможностей составляют цель многих проводимых в настоящее время научных разработок.

Наиболее актуальной в настоящее время представляется разработка автоматизированных систем исследования кратких почерковых объектов («ОКО-1», Россия; «GlobalGraf-1» и «GlobaGraf-2», Польша). Такая система должна позволить вводить в ЭВМ и анализировать по выбранным алгоритмам распознавания образов всю информацию о

почерковом объекте как структурно-геометрическую, так и такую, которая содержится в распределении красителя и ширине штриха. Также стоит уделить внимание развитию технологий искусственных нейронных сетей (ИНС). Благодаря этой технологии создается автоматизированное рабочее место криминалиста-почерковеда, которое при помощи нейронных сетей даже по написанию одной буквы позволяет предсказывать, кто писал документ, возраст и пол этого человека. Наиболее применяемой нейронной сетью является многослойный перцептрон – «Multi-LevelPerceptron (MLP)». Ее частое применение для распознавания рукописного текста обуславливается структурой, которая изучается при помощи обратного расширения ошибки. Эта структура позволяет определять характеристики почеркового объекта с точностью до 95 %.

Высокий уровень развития почерковедения не значит, что уже не существует проблем, требующих решения. Такие проблемы существуют, и их решение будет способствовать дальнейшему совершенствованию, как теоретических основ судебного почерковедения, так и практики почерковедческой экспертизы.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА УБИЙСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ИЗ КОРЫСТНЫХ ПОБУЖДЕНИЙ

Савина О. Ю.

Профилактика убийств, совершенных из корыстных побуждений, – это система мер, предпринимаемых государственными органами, общественными органами, представителями власти и другими лицами, направленных на противодействие процессам детерминации преступности.

Выявление по каждому уголовному делу причин и условий, способствовавших совершению преступления, является основой борьбы с преступностью. Выявить по уголовному делу причины и условия, способствовавшие совершению преступления – это значит установить, почему данный человек совершил преступление, а также выяснить обстоятельства, в силу которых стало возможным совершение престу-

пления в данном месте, в определенное время и именно этим способом.

Существует трехступенчатая схема установления причин и условий, способствовавших совершению преступного деяния, в том числе убийств, совершенных из корыстных побуждений. Смысл этой схемы заключается в том, чтобы по каждому уголовному делу были выявлены фактические данные, характеризующие:

1) неблагоприятные условия нравственного формирования личности, под влиянием которых возникли антиобщественные взгляды обвиняемого;

2) поводы к совершению преступления, под влиянием которых антиобщественные взгляды обвиняемого превратились в преступное намерение, в умысел на совершение преступления;

3) объективные условия, существовавшие в месте совершения преступления, облегчившие обвиняемому реализацию его преступных намерений и достижение преступного результата.

В деятельности по борьбе с преступностью можно выделить две основные составные части – общую и индивидуальную профилактику.

Общая профилактика убийств, в том числе, совершенных из корыстных побуждений, может заключаться в следующем:

– разработка республиканской программы по предупреждению преступлений с выделением раздела по профилактике убийств, совершенных из корыстных побуждений, а также региональных программ;

– дальнейшее развитие в уголовном законе норм, которые ориентированы на профилактику всякого насилия и предупреждение тяжкого и особо тяжкого насилия. Совершенствование уголовно-правовых норм, в том числе тех, которые предусматривающих ответственность за различные виды убийства.

Большое значение в профилактике преступлений, в том числе убийств, совершенных из корыстных побуждений, имеет деятельность государственных органов и общественности в области общепредупредительных мероприятий по созданию условий, которые исключали бы или затрудняли совершение преступлений.

Условно общий процесс профилактической деятельности органов внутренних дел можно разделить на две части. Начальная часть этого процесса получение и обработка разносторонней информации о

причинах преступлений и условиях, которые способствовали их совершению. Вторая, решающая часть данного процесса представляет собой осуществление конкретных мер по устранению выявленных причин и условий преступлений. Эти мероприятия органы внутренних дел проводят либо непосредственно, либо через соответствующие государственные органы и общественные организации.

Особое место в общей профилактике преступлений, в том числе убийств, совершенных из корыстных побуждений, занимают мероприятия по привлечению общественности к этому важному делу. Здесь можно получить от представителей общественных организаций сведения о причинах, порождающих преступления, и условиях, способствующих их совершению. Работники органов внутренних дел должны относиться к таким сигналам очень внимательно, систематически и тщательно изучать сообщения членов общественных организаций. Важно систематически проводить выступления сотрудников правоохранительных органов перед работниками различных организаций, студентами и проводить беседы об общем состоянии борьбы с преступностью на конкретной территории, о результатах проводимой профилактической работы, а также о фактах предупреждения и раскрытия дел об убийстве, совершенных из корыстных побуждений.

Индивидуальная профилактика – это важнейшая составная часть деятельности правоохранительных органов по предотвращению преступлений. Ее цель заключается в том, чтобы своевременно выявлять лиц, от которых можно ожидать совершения убийства из корыстных побуждений, и путем воспитательного воздействия на них и принятия других мер к преодолению их антиобщественных взглядов, привычек и наклонностей не допустить совершения ими преступления. В связи с этим от уровня организации и осуществления индивидуальной профилактической работы в каждом правоохранительном органе, от эффективности их участия в этой работе зависит успешное решение общих задач предотвращения убийств, совершенных из корыстных побуждений.

Важнейшим элементом мер профилактики является учет и контроль за лицами, ведущими антиобщественный образ жизни. Следует выявить лиц, склонных к насилию, корыстному, отклоняющемуся поведению и вести контроль за ними, лиц, злоупотребляющих спиртны-

ми напитками, наркотиками и других носителей маргинальной среды (бомжей, наркоманов, токсикоманов, алкоголиков и др.), лиц, владеющих оружием на законном основании, но по ряду параметров представляющих опасность для окружающих (лица, прошедшие войну в Афганистане, других «горячих точках»).

Положительно сказывается на предотвращении убийств, совершенных из корыстных побуждений, надзор за некоторыми категориями лиц, освобожденных из мест заключения. Эти лица следующих категорий: 1) возвратившиеся из мест лишения свободы после отбытия наказания; 2) условно-досрочно освобожденные из исправительных учреждений; 3) уклоняющиеся от общественно полезного труда и ведущие антиобщественный паразитический образ жизни.

Органы внутренних дел занимают центральное место в системе государственных органов, ведущих борьбу с преступностью. Задачи, стоящие перед органами внутренних дел по борьбе с преступностью, охватывают собой широкий диапазон деятельности. Предупредительная деятельность органов внутренних дел как одного из государственных органов, воспитывающих уважение к закону и правопорядку, также весьма многогранна. Как субъекты этой деятельности, органы внутренних дел в соответствии с возложенными на них функциями охраняют от преступных посягательств государственные и общественные интересы.

Дальнейшего совершенствование деятельности по профилактике убийств, совершенных из корыстных побуждений, в значительной степени определяется тем, насколько детально будут разработаны и правильно классифицированы ее меры и определены способы их осуществления. Необходимо также теоретическое исследование и практическое закрепление наиболее рациональных форм и методов организации и осуществления профилактики убийств, совершенных из корыстных побуждений.

Таким образом, борьба с убийствами, совершенными из корыстных побуждений, осуществляется целым комплексом мер профилактики преступлений, криминалистической, уголовно-исполнительной, социальной, психологической направленности, а также проведением профилактической работы в масштабах всего общества.

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НАРУШЕНИЙ УСТАВНЫХ ПРАВИЛ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ

Саковец И. Н.

Задачи успешного расследования нарушений уставных правил взаимоотношений (далее – НУПВ) между военнослужащими при отсутствии порядка подчиненности не могут быть решены в полном объеме только с помощью средств криминалистической техники и тактики. Для решения задач по расследованию НУПВ необходимо руководствоваться методами расследования обозначенных преступлений.

В криминалистической литературе авторы по-разному определяют структуру частной криминалистической методики. Исходя из изучения материалов практики расследования НУПВ, представляется возможным предложить следующую структуру методики их расследования:

– криминалистическая характеристика НУПВ;

– задачи их расследования, обусловленные обстоятельствами, подлежащими доказыванию;

– типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования;

– особенности тактики проведения наиболее характерных для расследования НУПВ отдельных следственных действий.

На основании анализа материалов расследования преступлений обозначенной группы в качестве структурных компонентов криминалистической характеристики НУПВ целесообразно рассматривать следующие сведения о (об): этапах прохождения военной службы, способах совершения и сокрытия НУПВ; следах НУПВ; времени и месте НУПВ; личности преступника, его мотивов и целей; особенностях личности потерпевшего; связи НУПВ с другими правонарушениями.

При этом структурным (связующим) компонентом криминалистической характеристики НУПВ целесообразно избрать сведения о специфике этапов прохождения срочной военной службы в Вооруженных Силах и иных воинских организациях и формированиях, типичных формах неуставных взаимоотношений на этих этапах.

Быстрое и полное расследование НУПВ между военнослужащими достигается субъектами расследования путем постановки и решения задач различных уровней общности и сложности. Для определения элементов и содержания системы задач расследования данных преступлений, целесообразно их рассмотреть по группам.

Первая из групп объединяет задачи, в целом относящиеся к определению объекта и объективных признаков НУПВ, отношений подчиненности лиц, участвующих в данных правонарушениях, сведений об этапах прохождения срочной военной службы.

Вторая группа включает перечень задач, ориентированных на установление: а) способов подготовки, совершения и сокрытия данных преступлений; б) преступных действий, образующих НУПВ, характер их проявлений; в) следов НУПВ; г) времени совершения преступления (дата совершения, астрономическое время); д) места совершения преступления.

К третьей группе целесообразно отнести задачи в отношении личности преступника, его мотивов и целей.

К четвертой группе целесообразно отнести задачи, направленные на установление личности потерпевшего, свидетелей и иных категорий военнослужащих по делу.

В пятой группе задачи направлены на установление последствий НУПВ, наличие телесных повреждений потерпевших и др.

Шестая группа включает перечень задач, ориентированных на установление квалифицирующих обстоятельств (признаков): повторность совершения преступления (в том числе в отношении одного и того же лица); группой лиц, либо в отношении группы лиц; мотивы совершения преступления; применение либо угроза применения оружия при совершении преступления; наличие менее тяжких телесных повреждений или наступление тяжких последствий.

К седьмой группе целесообразно отнести задачи профилактической деятельности, в том числе по выявлению причин и условий, способствовавших совершению преступлений.

С учетом криминалистической характеристики, задач и практики расследования НУПВ критериями типизации следственных ситуаций целесообразно избрать степень информационной определенности: о личности преступника; об этапе прохождения военной службы, на

котором совершено НУПВ и обусловленных им местом и временем; об избранной форме НУПВ и в ее рамках способах совершения и сокрытия преступления.

Проведенный анализ практики показывает, что на первоначальном этапе расследования НУПВ определенным постоянством содержания характеризуются следующие группы следственных ситуаций. Первая следственная ситуация: личность преступника (преступников) установлена, есть сведения о времени, месте, способе совершения НУПВ, количестве потерпевших. Вторая: круг подозреваемых определен, есть сведения о времени, месте и способе совершения НУПВ, количестве потерпевших. Третья: сведения о личности преступника отсутствуют или незначительны, имеется частичная информация о потерпевших, есть ориентировочные данные о времени, месте и способе НУПВ.

Применительно к типичным следственным ситуациям целесообразно выделить общие версии о наличии или отсутствии признаков рассматриваемых преступлений: а) НУПВ имеет место; б) НУПВ нет, имеет место правонарушение, за совершение которого предусмотрена ответственность по другой уголовно-правовой норме, меры дисциплинарного характера в соответствии с общевоинскими уставами; в) НУПВ нет, существует заблуждение в отношении события преступления.

Для первой следственной ситуации наиболее оптимальным представляется следующий порядок действий: задержание подозреваемого; допрос потерпевших; допрос свидетелей об обстоятельствах НУПВ; допрос военнослужащих более ранних этапов прохождения военной службы (призывов); осмотр места происшествия, освидетельствование потерпевшего (преступника); назначение и проведение экспертиз, изучение документации (подразделения, караула, суточного наряда и др.). Одновременно надлежит провести мероприятия по сбору данных, характеризующих личность подозреваемого и др.

При второй и третьей следственной ситуации в связи с отсутствием или недостаточным количеством информации наиболее востребованы следующие действия: допрос военнослужащих младших призывов; телесный осмотр военнослужащих; осмотр помещений, личных вещей военнослужащих старшего призыва; изучение документации;

изучение информации в социальных сетях военнослужащих; получение информации от родителей военнослужащих, офицеров других подразделений и др.

Таким образом, вопросы расследования НУПВ в большинстве своем рассматриваются с уголовно-правовой и криминологической точек зрения. Криминалистические рекомендации по расследованию таких преступлений, совершенных военнослужащими, представлены частично, что служит одним из оснований для разработки новых подходов к построению частной криминалистической методики расследования преступлений указанного вида.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Скобля Д. Д.

Начало XXI в. характеризуется отчетливо выраженными явлениями глобализации и перехода от индустриального к информационному обществу. В настоящее время идет процесс быстрого развития и внедрения компьютерной техники во все сферы человеческой деятельности. Под воздействием научно-технического прогресса повсеместно внедряются новые информационные технологии, которые стали неотъемлемой частью общества и каждого отдельно взятого индивида, предоставляя уникальные возможности для быстрого и эффективного развития, для упрощения и улучшения всей жизнедеятельности человечества.

Вместе с тем стремительное развитие информационных технологий и информатизации общества создают объективные условия для роста количества преступлений против информационной безопасности, что является негативной тенденцией. Развитие компьютерных технологий и повышение их роли в современной жизни человечества, возрастание уровня овладения компьютерной техникой обуславливают внедрение компьютерных систем практически во все сферы деятельности человека. Такие тенденции, как появление компьютерной техники с огромными производительными возможностями, широкая функ-

циональность ее применения, предопределяют компьютеризацию управленческой и экономической сфер жизни общества и необходимость более тщательного подхода к обеспечению безопасного функционирования компьютерных систем.

Преступления против информационной безопасности являются относительно новым видом криминальной деятельности, зачастую носящей транснациональный характер. Способы совершения таких преступлений активно развиваются и постоянно видоизменяются, и это приводит к определенным сложностям в их расследовании. При подготовке, совершении и сокрытии данного вида преступлений правонарушители используют новейшие достижения науки и техники, что обуславливает необходимость владения следователями специальными знаниями в области информационных технологий и компьютерной техники. Кроме того, практически по всем уголовным делам о преступлениях против информационной безопасности объективно возникает необходимость получения информации и проведения процессуальных действий на территории иностранных государств.

Концепция национальной безопасности Республики Беларусь определяет информационную безопасность как состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере и выделяет ее в самостоятельную составляющую национальной безопасности. К таким угрозам относятся и преступления против информационной безопасности, отраженные в гл. 31 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Анализ информационно-справочных данных за 2013–2017 гг. свидетельствует о постоянном устойчивом увеличении количества зарегистрированных преступлений против информационной безопасности. Так, в 2017 г. в сравнении с 2016 г. количество выявленных преступлений в сфере высоких технологий увеличилось на 25,4 % (с 2 471 до 3 099), притом прирост преступлений против информационной безопасности составил 20 % (с 651 до 781), что обусловлено ростом числа выявленных фактов неправомерного завладения компьютерной информацией в 2,2 раза (с 13 до 29), модификации компьютерной информации на 92,3 % (с 13 до 25) и несанкционированного доступа к компьютерной информации на 79,1 % (с 258 до 462).

Проблемы расследования преступлений против информационной безопасности в Республике Беларусь все чаще становятся актуальными. Активизация преступлений против информационной безопасности происходит на фоне ежегодного роста числа абонентов сотовой электросвязи, держателей банковских платежных карт, а также пользователей сети Интернет.

В большинстве государств с учетом накопленного теоретического и практического опыта компьютерные преступления принято условно разделять на две основные категории: 1) преступления, непосредственно посягающие на работу компьютеров, компьютерных систем и компьютерных сетей, и 2) преступления, совершаемые с использованием компьютерных устройств, их сетей и систем, а также информационных технологий в качестве средств достижения других преступных целей для посягательства на иные объекты – собственность, порядок хозяйствования, общественные порядок и нравственность.

В криминалистическом аспекте преступления против информационной безопасности – это общественно опасные деяния, для подготовки, совершения, и, соответственно, выявления, раскрытия и расследования которых применяются разного рода информационные технологии и (или) используется информационно-телекоммуникационная сеть Интернет.

Причина популярности и стремительного роста преступлений против информационной безопасности кроется в ее невероятной прибыльности, а процесс получения доходов, обычно не отождествляется с риском разоблачения и наказания. Главная же криминалистическая особенность преступлений против информационной безопасности заключается в том, что предотвращение, выявление, раскрытие и расследование данного вида преступлений невозможно без современных информационных технологий. Это в свою очередь обуславливает необходимость овладения сотрудниками правоохранительных органов специальными знаниями в этой сфере, большего внимании к подготовке специалистов для борьбы с такими преступлениями, переподготовке действующих сотрудников с тем, чтобы разоблачать преступников посредством обнаружения, фиксации, изъятия и использования разного рода «электронных» доказательств.

Сложность проблемы расследования преступлений против информационной безопасности объясняется специфичностью и новизной рассматриваемых противоправных деяний, многообразием способов криминальных посягательств, сложностью сбора и закрепления доказательной базы, мощным противодействием со стороны правонарушителей, что создает для правоохранительных органов существенные преграды в защите прав граждан, интересов общества и государства от противоправных действий. Кроме того, как показывают проведенные специалистами исследования, преступлениям против информационной безопасности присуща высокая латентность, которая зависит от специфики предмета преступного посягательства, а также нежелания потерпевшей стороны в ряде случаев обращаться в правоохранительные органы, предавать гласности сведения о хищении компьютерной информации и денежных средств путем виртуальных взломов систем защиты, поскольку доказывание фактов совершения таких преступлений – довольно обременительное и дорогостоящее занятие, убытки от которого могут оказаться значительно выше суммы причиненного ущерба.

Наиболее существенной причиной низкого качества предварительного расследования преступлений, совершаемых против информационной безопасности, следует признать отсутствие качественных методических рекомендаций, в реализации которых были бы в полной мере использованы современные информационные технологии, позволяющие осуществлять точное обнаружение, фиксацию и изъятие криминалистически значимой информации с целью ее дальнейшего использования в качестве доказательств по уголовному делу.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ

Стороженко С. Н.

Криминалистика в настоящее время рассматривается как наука, являющаяся методологической основой противодействия преступности совместно с уголовным правом и процессом.

Очевидно, что в рамках уголовно-процессуального законодательства нет необходимости раскрывать совокупность тактических

приемов и рекомендаций производства следственных действий, поскольку это прерогатива криминалистики. Однако с учетом достигнутого в этом направлении криминалистикой опыта современный уголовный процесс должен оперативно реагировать путем развития и совершенствования совокупности уголовно-процессуальных средств и методов выявления и расследования преступлений.

В этом контексте хотелось бы осветить некоторые проблемы предъявления для опознания и пути их разрешения для правильной оценки результатов, допустимости и достоверности доказательств, полученных в ходе производства этого следственного действия.

Предъявление для опознания наряду с другими следственными действиями является важным источником доказательств и эффективным средством доказывания в процессе предварительного расследования преступлений. Следует констатировать, что практика производства данного следственного действия давно вышла за рамки уголовно-процессуальных норм в части использования для опознания более широкого круга объектов, чем это предписано законом. В соответствии с положениями ч. 1 ст. 223 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) целью предъявления для опознания является установление тождества или различия с ранее наблюдавшимся лицом или объектом. В ч. 2 указанной статьи законодатель определяет одно из главных условий опознания – предварительный допрос лица об обстоятельствах, при которых оно наблюдало опознаваемое лицо или объект, о приметах и особенностях, по которым оно может их опознать.

При сравнении статей Уголовно-процессуального кодекса БССР и УПК Республики Беларусь, посвященных предъявлению для опознания, следует отметить, что различий в них не много. Одной из новелл в действующем УПК является возможность опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего, и предъявление для опознания с использованием систем видеоконференцсвязи (далее – ВКС). Следует отметить, что до настоящего времени возможности предъявления для опознания с использованием ВКС при производстве предварительного расследования не реализованы по техническим причинам, суть которых заключается в отсутствии возможности осуществления видеозаписи следственного действия по ка-

налам связи, исключающим несанкционированный доступ. К сожалению, законодатель не определяет место нахождения понятых при производстве опознаний с использованием системы ВКС. Этот актуальный вопрос может быть решен путем законодательного закрепления возможности производства следственных действий без участия понятых в случае использования видеосъемки следственного действия.

Нормы уголовно-процессуального законодательства России, Казахстана, Украины и других стран СНГ принципиально не отличаются по способу восприятия опознаваемого объекта.

Таким образом, очевидно, что нормы УПК допускают опознание исключительно по визуально воспринятым при наблюдении объекта (предмета, человека, животного, их трупов, участков местности и д. р.) признакам.

Научно-практический комментарий к ст. 223 УПК, констатируя сущность предъявления для опознания, как установление тождества или различия с ранее наблюдавшимся лицом или объектом, допускает возможность существования других видов опознания, не связанных с визуальным восприятием опознаваемого объекта, в частности, опознание по голосу или звуку шагов. Таким образом, речь идет о не основанном на законе расширенном толковании объекта опознания.

На теоретическом уровне до сих пор отсутствует единое определение объектов и видов предъявления для опознания. Вряд ли стоит согласиться с мнением российских ученых Ю.П. Дубягина, Ю.Г. Корухова, Ю.В. Гаврилина об отнесении к объектам опознания слепков с лица и других частей тела неопознанных трупов, рукописных текстов, компьютерной информации в виде программ, баз данных текстовых или графических файлов.

Как известно, взаимодействие уголовно-процессуального права и криминалистики выражается в обратном воздействии процессуальных норм на криминалистику. Но очевидно, что реализация криминалистической деятельности невозможна вне уголовно-процессуальной формы. В этой связи перечень объектов опознания и их видов должен найти отражение в уголовно-процессуальном законе. По нашему мнению, объектами предъявления для опознания должны являться люди, предметы, трупы, их части, животные и их трупы, строения, сооружения, участки местности.

При этом целесообразно законодательное закрепление возможности предъявления для опознания не только по визуальному способу восприятия объекта, а и по иным, не визуальным возможностям восприятия и формирования мысленного образа опознаваемого объекта. По нашему мнению, в ч. 1 и 2 ст. 223 УПК слова «наблюдавшимся» и «наблюдал» целесообразно заменить словами «воспринимавшимся» и «воспринимал».

Говоря о невизуальных способах восприятия свойств и признаков объекта с целью последующего производства его опознания, на основе сформировавшегося мысленного образа следует четко представлять виды и научные предпосылки идентификации. Ведь предъявление для опознания есть процессуальная форма одного из видов идентификации – идентификации по мысленному образу, то есть отображению в виде мысленных образов, возникающих в сознании людей как результат зрительных или иных восприятий (приметы преступника в памяти потерпевшего, особенности его голоса, речи, звука выстрела и т.д.). К научным предпосылкам идентификации относятся: индивидуальность (неповторимость) объекта; относительная устойчивость и неизменность признаков объекта; рефлекторность – способность объекта отображать свои признаки в виде материальных или идеальных следов, которые возможно дифференцировано описать и сравнить с воспринимаемыми признаками опознаваемого (идентифицируемого) объекта.

Криминалистической практике известны следующие способы опознания: предъявление для визуального опознания; предъявление для опознания человека по слуху (например, по голосу); предъявление для опознания по осязательным ощущениям (опознание слепым); предъявление для опознания по обонянию.

При осмыслении определения предъявления для опознания, как следственного действия, изложенного в нормах УПК, идентификационной сущности и научных предпосылок идентификации в форме предъявления для опознания возникает вопрос: а возможно ли в ходе допроса лица, воспринимавшего голос, устную речь человека, звук шагов, тактильные свойства объекта и его запах (невизуальные свойства и признаки) достоверно зафиксировать совокупность общих и частных признаков указанных объектов?

Проблема отождествления объекта по невизуальным признакам в ходе предъявления для опознания заключатся, по нашему мнению, в невозможности реализации одной из научных предпосылок идентификации – рефлекторности. Отсутствие в уголовно-процессуальном законе указания на возможность опознания человека по невизуальным признакам не является пробелом в законодательстве или недостаточным вниманием законодателя к существующей практике предъявления для опознания, поскольку способность человека к достоверному опознанию по таким признакам в настоящее время недостаточно научно обоснована и описана в криминалистической литературе.

Приведенные выше доводы вовсе не означают отказ от законодательного закрепления и производства опознания по не визуальным признакам. Но для указанного вида опознания необходима определенная теоретико-правовая подготовка следователей.

К ВОПРОСУ ОБ ЭЛЕКТРОННЫХ СЛЕДАХ

Турко К. В.

В век широкого распространения информационных технологий и информатизации общества в правоохранительной деятельности все чаще приходится встречаться с преступлениями, совершенными путем использования компьютерной техники или направленными на изменение той либо иной информации в сети. Данные обстоятельства обуславливают необходимость развития криминалистики, которая должна учитывать изменения в общественной жизни, следовать за ними. В последнее время существенно возросла роль так называемых «электронных следов», в судах рассматриваются уголовные дела, в которых вина преступника доказывается только «электронными следами», которые он оставил в момент совершения преступления. В связи с этим видится целесообразным в данной статье обратьcя к вопросу об определении «электронных следов» и их месте в системе криминалистки.

Исходя из общих положений трасологии (раздела криминалистики, изучающего теоретические основы следоведения), каждый преступный акт вызывает изменения в окружающей среде. Отражением преступных действий являются следы. Различают криминалистическое

понятие следов в широком и узком значении. В широком – это любые материальные последствия преступления, изменения объекта или вещной обстановки. Это могут быть следы, возникшие от воздействия одного предмета на другой (например, следы взлома); объекты, оставленные (брошенные, утерянные) преступником; объекты, унесенные с места преступления; части разрушенных предметов (например, осколки фарного рассеивателя); запахи и т.д. Следы преступления в узком смысле могут быть классифицированы в пределах трех больших групп: а) следы-отображения; б) следы-предметы; в) следы-вещества.

Следы, их материальные носители являются объектами поиска, фиксации, изъятия, экспертного исследования по уголовным делам, а также источниками собираемой и используемой в уголовном процессе доказательной информации. Этим и объясняется то неослабевающее внимание, которое уделяет криминалистическая наука изучению следов.

Следы, образующиеся при использовании преступником в качестве средства совершения преступления компьютерной информации, есть важнейшая составная часть системы материально фиксированных следов. Ведь информация, которая подверглась изменению как следовоспринимающий объект, является «вторичной» информацией, возникшей вследствии контакта (взаимодействия) с другим объектом. В результате устанавливается причинно-следственная связь между ними на основе их связи с произошедшим событием. Однако в этом случае следовоспринимающий объект несет информацию не только об отраженном объекте, но и о механизме следообразования, то есть о действиях, совершенным с данным объектом. Эта информация передается от системы к системе не иначе как при помощи материальных носителей. Следовательно, она может быть передана в пространстве, сохранена во времени, а также подвергнута обработке. Данная информация выражается в материальной форме в виде сигнала. В этом случае сигнал является отображением сообщения и средством переноса информации в пространстве и во времени.

Результаты анализа криминалистической литературы свидетельствуют о том, что в настоящее время существует ряд неразрешенных проблем теоретического и прикладного характера, связанных с определением понятия, уяснения содержания, научным пониманием

механизмов образования таких следов. По мнению В.А. Мещерикова, многие положения трасологии и частной криминалистической теории о механизме образования следа, показавшие свою значимость в течении длительного время при расследовании общеуголовных преступлений, оказались малоэффективным при оперировании специфическими следами, образующимися в сфере компьютерной информации.

Однако следует отметить, что, на наш взгляд, малоэффективность общих положений трасологии заключаются в размытости научных знаний об этой группе следов и механизма их образования. Для этого видится целесообразным выделить в криминалистике новый вид следов – «электронные».

Вместе с тем до настоящего времени в отечественной криминалистике не выработано четкого определения понятия следов, объективно представленных в виде компьютерной информации.

Так, например, В.А. Мещериков в понятие «кибернетическое пространство» включает все объекты, связанные с созданием, обработкой, передачей и защитой компьютерной информации. Также он дает определение понятию «виртуальный след». По мнению ученого, «виртуальные следы» определяются как следы, сохраненные в памяти технических устройств, в электромагнитном поле, или на носителях информации, которые занимают промежуточное положение между материальными и идеальными. К числу «виртуальных следов» им также были отнесены отдельные файлы в автоматизированных системах, кластеры на магнитных носителях, информация, передаваемая в эфир посредством электромагнитной волны и т.п. Однако впоследствии В.А. Мещериков определил «виртуальный след» как любое изменение состояния автоматизированной информационной системы (образованного ею «кибернетического пространства»), связанное с событием преступления и зафиксированное в виде компьютерной информации (т.е. информации в виде, пригодном для машинной обработки) на материальном носителе, в том числе в электромагнитном поле.

В.Б. Вехов в своей монографии «Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки» вводит такое понятие как «электронно-цифровой след» и определяет его как любую криминалистически значимую компьютерную информацию, т.е. сведения (сообщения, дан-

ные), находящиеся в электронно-цифровой форме, зафиксированные на материальном носителе с помощью электромагнитных взаимодействий либо передающиеся по каналам связи посредством электромагнитных сигналов. При этом «электронно-цифровые следы» являются материальными невидимыми следами. В основе механизма их образования лежат электромагнитные взаимодействия двух и более материальных объектов – объективных форм существования компьютерной информации.

Определяя сущность «электронного следа», мы согласны с мнением Г.М. Шаповаловой, которая вводит термин «информационный след» и определяет его через традиционное понятие следа в криминалистике как «любое изменение среды под влиянием преступления», при этом данное определение дополнено уточнениями. Во-первых, особой средой – «информационной», т.к. ни в какой другой среде информационный след находится, не может. Во-вторых, он представляет собой информационные сигналы и коды, на уровне пользователей это файлы и папки (каталоги). В-третьих, информационный след может существовать на электронных и иных физических носителях. С учетом изложенного «информационный след» можно определить как изменение информационной среды в виде сигналов и кодов на электронных и иных физических носителях.

Анализируя выше приведенные мнения различных ученных по данной проблематике, мы предлагаем ввести понятие «электронный след», определяя его как криминалистически значимую информацию об изменении информационной среды, представленную в виде сигналов и кодов, зафиксированную на электронных и иных физических носителях.

Подводя итог выше сказанному, следует отметить, что в настоящее время преступность переходит в информационное пространство. Данное событие заставляет правоохранительные органы адекватно реагировать на происходящее. В криминалистике еще не выработаны единые подходы к даче определения базисных понятий таких как «электронный след». Каждый автор их называет по-своему, определяет различные его особенности и свойства. Данное обстоятельство подтверждает необходимость глубокого, всестороннего изучения данной проблемы и создания единой терминологической основы.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЛЕДСТВЕННОГО ОСМОТРА

Федотова С. Ю.

Успешное расследование преступлений невозможно без своевременного и эффективного производства следственных действий, в числе которых важная роль принадлежит следственному осмотру. В этом плане разработка и усовершенствование организации, тактики и методики следственного осмотра (его разновидности – осмотра места происшествия) с точки зрения их процессуальной регламентации становится одной из главных задач криминалистики.

Следственный осмотр представляет собой непосредственное обнаружение, восприятие и исследование следователем (лицом, производящим дознание) объектов, имеющих значение для дела, их признаков, свойств, состояния и взаиморасположения. Это – самостоятельное следственное действие. Имея некоторые сходные черты с другими следственными действиями (например, со следственным экспериментом, судебной экспертизой, обыском), оно в то же время принципиально отличается от них как по процессуальной природе, так и по тактике проведения.

В настоящее время в условиях усовершенствования Республикой Беларусь своих экономических отношений особое значение приобретает деятельность правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений. Отметим, что за период с 2007 г. по 2017 г. в Республике Беларусь было 1 332,1 тыс. случаев зарегистрированных преступлений, по которым были проведены неотложные следственные действия, в том числе и следственный осмотр (а именно его разновидность – осмотр места происшествия). Также нужно указать и на положительную динамику по снижению криминальной активности на 53 % за рассматриваемый период: в 2007 г. было зарегистрировано 180,4 тыс. случаев преступлений, а в 2017 г. – 86,3 тыс. Указанные данные позволяют смело утверждать о том, что деятельность правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений развивается в положительную сторону: проводится усовершенствование нормативной правовой базы, осуществляется согласованное пла-

нирование следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий и др.

Следственный осмотр относится к группе следственных действий, проведение которых играет большую роль в расследовании любого преступления. Результатом всякого осмотра, как действия познавательного, является получение информации. Доказательная информация поступает при следственном осмотре непосредственно к следователю (лицу, производящему дознание) без промежуточных звеньев, поэтому такая передача информации сводит до минимума вероятность ее искажения. Одновременно с получением информации следователем (лицом, производящим дознание) происходит ее накопление, отбор и переработка на основе соответствующей оценки. Информация, полученная в результате тщательного и правильно проведенного осмотра, является основанием для выдвижения версий и определяет дальнейшее направление расследования. Однако на практике при производстве следственного осмотра (его разновидности – осмотра места происшествия) следователи (лица, производящие дознание) нередко допускают грубые упущения и ошибки, что приводит к выдвижению неправильных версий, в результате чего преступления остаются нераскрытыми, а в случае установления преступника затрудняет доказательство его вины. При этом такой вид следственного осмотра как осмотр места происшествия является самым «продуктивным» по объему обстоятельств, относящихся ко всем сторонам состава преступления и самым сложным, требующим применения комплекса тактических приемов, средств обнаружения и исследования.

Анализ криминогенной ситуации показывает, что преступность в современных условиях претерпевает существенные изменения. Количество тяжких и особо тяжких преступлений с каждым годом идет на снижение. Так, в 2016 г. зарегистрировано 12 300 особо тяжких и тяжких преступлений, удельный вес которых в общем числе зарегистрированных преступлений составил 13,2 % (в 2015 г. – 12 400 преступлений, или 12,8 %). Уже в 1-ом полугодии 2018 г. зарегистрировано 5 980 особо тяжких и тяжких преступлений, что составило 14,5 % в общем числе зарегистрированных преступлений (в 1-ои полугодии 2017 г. – 6 498 преступлений, или 14,8 %). Не ослабевает противодействие криминальной среды интересам государства, общества и лично-

сти, которое относит преступность к основным факторам, создающим угрозу национальной безопасности Республики Беларусь. По данным Министерства внутренних дел Республики Беларусь, в 1-ом полугодии 2018 г. в республике зарегистрировано 41,3 тыс. преступлений, или 94,1 % к уровню 1-го полугодия 2017 г.

Большинство научных работ по рассмотрению правовой регламентации проведения следственного осмотра (его разновидности – осмотра места происшествия), организации, тактики и методики его проведения опубликованы за рубежом, а отечественных научных исследований недостаточно (например, Ю.П. Шкаплеров, Т.Ф. Дмитриева), что требует дополнительного изучения указанной проблемы.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ В УЗБЕКИСТАНЕ

Хусанов А. Д.

Вопросы обеспечения безопасности дорожного движения являются острой социальной проблемой современности. Дорожно-транспортные происшествия (ДТП) – одно из наиболее массовых и существенных негативных проявлений научно-технического прогресса. В свою очередь темпы роста автомобильного транспорта непосредственно влияют на увеличение интенсивности движения, что способствует росту числа ДТП.

По данным ВОЗ, в настоящее время в Узбекистане насчитывается свыше 1 600 000 транспортных средств, из них 1 500 000 являются собственностью автовладельцев, это означает, что на 20 чел. приходится один автомобиль. По количеству автомобилей на 1 тыс. чел. Узбекистан в настоящее время опережает Китай и Индию, где на 1 тыс. чел. насчитывается соответственно 49 и 11 машин. В США данный показатель составляет 643 автомобиля, России – 250, Украине – 175, Турции – 106.

Событие, происшедшее в результате нарушения тех или иных правил безопасности дорожного движения, в котором обязательно

участвовал автомототранспорт либо городской электротранспорт и после которого наступили вредные последствия, именуется ДТП. Однако не все, а лишь те ДТП, в результате которых наступили серьезные вредные последствия – менее тяжкие или тяжкие телесные повреждения либо смерть потерпевшего, именуются дорожно-транспортными преступлениями, т.е. деяниями, влекущими уголовную ответственность в соответствии с Уголовным кодексом (УК) Республики Узбекистан. Так, согласно ст. 266 УК Республики Узбекистан нарушение правил безопасности движения или эксплуатации транспортного средства лицом, управляющим транспортным средством, повлекшее средней тяжести или тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть человека или повлекшие человеческие жертвы, катастрофу, иные тяжкие последствия, подлежит уголовной ответственности.

В подавляющем большинстве случаев ДТП возникают в результате нарушения правил дорожного движения (ПДД) водителями, пешеходами, пассажирами, велосипедистами, а также вследствие грубых нарушений работниками транспортных хозяйств правил технической эксплуатации и плохого контроля за состоянием дорог и организации регулирования уличного движения.

По мнению Б.Д. Завидова и М.Ю. Лебедева, «причины ДТП подразделяются на субъективные и объективные. К субъективным факторам ДТП относят: нарушение ПДД; нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, включая оставление места ДТП виновным участником дорожного движения: водителем, пешеходом, пассажиром, а равно иным участником дорожного движения. Объективными причинами считают: недостатки в планировании улиц и автодорог, освещенность проезжей части в темное время суток, состояние дорожного покрытия, самых различных средств регулирования, в том числе дорожных знаков, тормозных, маневренных и других частей автотранспортных средств».

Специфика расследования уголовных дел, связанных с нарушениями правил безопасности движения, предопределяет особую важность такого следственного действия, как осмотр места происшествия, поскольку его результаты служат исходными данными для проведения неотложных следственных действий. Основания производства любого следственного действия, – отмечает О.Я. Баев, – предопределяются

целями, на достижение которых оно направлено в соответствии с уголовно-процессуальным законом. В качестве главных целей следственного осмотра, относящихся к любому его виду, Уголовно-процессуальный кодекс предусматривает следующие: обнаружение следов преступления, выяснение других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Следует отметить, что качество производства осмотра места происшествия, составления схем ДТП и их разметки находится в прямой зависимости от степени подготовленности следователей, от их умения использовать технико-криминалистические средства.

Осмотр места ДТП должен производиться сразу же после получения сообщения о случившемся событии. Объясняется это тем, что ДТП происходят в большинстве случаев на дорогах или оживленных автомагистралях с интенсивным движением транспортных средств, которые могут уничтожить следы, имеющие важное значение для установления истины по делу, а приостанавливать движение на время осмотра не всегда представляется возможным. Кроме того, необходимо учитывать и пагубное воздействие атмосферных условий, а также и то обстоятельство, что промедлением с выездом могут воспользоваться виновники ДТП (например, оставление места происшествия, уничтожение следов преступления на транспортном средстве или на проезжей части, повреждение отдельных узлов или агрегатов транспортного средства, с тем, чтобы впоследствии заявить о случайно возникшей неисправности во время движения). К тому же исходная информация о ДТП чаще бывает краткой и неточной, поэтому вопрос о возбуждении уголовного дела решается после осмотра места ДТП, что предусматривается уголовно-процессуальным законодательством.

Своеобразие ДТП и сложность их расследования обуславливаются тем, что осмотр места происшествия нередко приходится проводить в сжатые сроки из-за невозможности приостановления движения на длительное время. Поспешное проведение осмотра отрицательно сказывается на его качестве и объективности, в то время как промедление может привести к утрате доказательств и существенно повлиять на пропускную способность магистралей, улиц и дорог.

Сегодняшний уровень расследования дорожно-транспортных преступлений или разбирательств этой категории происшествий во

многих случаях страдает субъективизмом, так как в основе выводов в большинстве случаев лежит субъективно воспринятое очевидцами и свидетелями событие. Это обстоятельство выдвигает на первый план необходимость разработки концептуальной модели технико-криминалистического обеспечения формирования доказательственной базы, основанной на результатах экспертных исследований.

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ПОНЯТИЯ «FORENSIC»

Шакель Н. В.

В современной русскоязычной литературе традиционным для обозначения экспертной деятельности, осуществляемой в рамках гражданского, хозяйственного, административного и уголовного процесса стало понятие «судебная экспертиза». При переводе данного термина на английский язык возникают определенные проблемы, связанные с необходимостью адекватной передачи сущности и содержания данного термина. При этом наиболее часто встречаются следующие термины и их вариации: «forensic», «forensics», «judicial expertise», «judicial examination», «forensic examination». Одновременно в русскоязычный научный оборот начинают входить понятия «форензик», «форенсика» и т.п. В связи с изложенным представляется необходимым обратиться к термину «forensic». Если рассматривать историю его появления, все источники сходятся в том, что он происходит от латинского слова «forum». Историческое значение данного слова – «форум», то есть, по сути, общественная площадь в Древнем Риме. Именно на таких местах, открытых для широкой публики, и происходили различные общественные события, в том числе суды. Родственным для слова «forum» является «foris», что означало «вне, снаружи». В свою очередь, латинское слово «forensis» означало «публичное, связанное с форумом».

Следует отметить, что и сегодня в международном частном праве для обозначения коллизионной привязки «право страны суда» используется термин «lex fori» (на англ. – law of the forum).

И сегодня Толковый словарь С.И. Ожегова дает в качестве первоначального значения слова «форум» следующее: площадь в Древнем Риме, где сосредотачивалась общественная жизнь города. Иные источ-

ники дают более подробную информацию. Так, указываются, что такие площади были центрами политической жизни, местом проведения ярмарок, публичных дебатов, а также, что важно для нас, местом осуществления правосудия. В частности, при рассмотрении уголовных дел на такой площади должны были выступить с речами перед публикой, как обвиняемый, так и обвинитель, соответственно, выигрывало лицо, которое было успешнее в «форумной» деятельности.

Интересен тот факт, что истоки рассматриваемого слова иногда усматривают в протоиндоевропейском языке, где слова двор (dwor) имеет тот же корень, что и дверь (dwer), и означает то, что находится за дверью. Звуки, похожие на [dh] и [bh] часто транформировались в звук «ф» в начале латинских слов. От этих же слов произошли английское слово «door» и русская «дверь». Само же слово «forensic» также перешло в иные языки.

В английский язык данное слово входит именно как прилагательное в следующем виде: «forensic». Первые упоминания о нем встречаются уже в XV в. В 1659 г. данное слово впервые указывается в словаре английского языка, что означает его официальное признание (до этого термин использовался в медицинских трудах в течение многих лет, но до этого не считался «официальным» словом на английском языке). Данное слово обозначало нечто, относящееся, используемое или пригодное для использования в судебных инстанциях или при публичных обсуждениях (дискуссиях). Только по прошествии времени слово «forensic» стало пониматься именно как применение специальных знаний в целях решения юридических проблем. Являясь прилагательным, слово «forensic» придает требуемую специфичность той или иной сфере специальных знаний, что не всегда имеет адекватный устоявшийся перевод на русский язык. Так, говорят о «forensic medicine» (судебной медицине), «forensic science» (судебная экспертиза), «forensic pathologist» (судебный медицинский эксперт), «forensic experts» (судебные эксперты).

Сегодня слово «forensic» в английском языке все чаще используется как существительное. При этом оно имеет два значения: форма единственного числа (forensic) означает упражнения по ведению споров (дискуссий); форма множественного числа (forensics) может означать:

1) искусство ведения аргументированных дискуссий его изучение (то есть, научно обоснованные подходы и методы для определения того, является ли объект тем, чем он является, или определения фактов о событии и т.п.). В данном понятии сохранилось древнеримское понимание слова «forensic» как умения аргументировано отстаивать свою позицию перед публикой;

2) применение научных знаний к решению правовых проблем (зачастую переводится как «криминалистика», в последнее время – как «судебная экспертиза»). В некоторых источниках информации отмечается, что слово «forensics» является, по сути, более краткой версией понятия «forensic science» (то есть, наука, связанная с судебным процессом), и оба этих термина имеют одинаковое значение: применение широкого спектра наук для ответа на вопросы, имеющие отношение к праву.

К слову, если говорить об иных приведенных нами выше вариантах, используемых для обозначения термина «судебная экспертиза», то известный словарь английского языка Merriam-Webster таких слов не содержит. Тем не менее они активно используются в материалах и на сайтах различных стран. Так, например, термин «judicial examination» часто встречается в материалах, посвященных национальному юридическому экзамену в Китае. Одновременно следует отметить, что в связи с развитием языков, наполнением даже известных терминов новыми смыслами, определенной специализированностью лексики в определенных сферах перевод зарубежных понятий всегда вызывает определенные трудности.

Так, например, в 2007 г. появилась книга Н.Н. Федотова под названием «Форензика – компьютерная криминалистика». Отмечалось, что форензика – представляет собой один из подразделов криминалистики, а именно, прикладную науку о раскрытии преступлений, связанных с компьютерной информацией, об исследовании цифровых доказательств, методах поиска, получения и закрепления таких доказательств.

В последнее время в русскоязычный оборот начало входить слово «форензик», которое используется для обозначения скорее как одна из внутрикорпоративных процедур противодействия мошенничеству, и зачастую рассматривается как неотъемлемая часть внутрикор-

поративного мониторинга (при этом соответствующие меры могут быть направлены как на создание такой системы, которая будет препятствовать совершению должностными лицами компании противоправных, в том числе коррупционных, действий, так и на расследование фактов мошенничества, повлекших определенные потери для организации). Как отмечают М.А. Городилов и Н.А. Шкляева в публикации «Форензик в рамках экспертно-аналитической и аудиторской деятельности: теоретическое исследование понятия», форензик представляет собой независимую деятельность по расследованию, анализу, разработке процедур, направленных на противодействие всем видам финансового мошенничества.

В русскоязычной литературе, говоря об услуге форензик за рубежом, иногда приводят в качестве «forensic accounting services», что обычно переводится на русский языке как судебная бухгалтерская экспертиза, однако деятельность в рамках форензик в качестве значимой части включает и финансовые расследования, и иные услуги, выходящие за пределы судебной бухгалтерской экспертизы.

Таким образом, в современный русский язык начинают проникать определенные «кальки» с английского языка, которые не в полной мере отражают тот смысл и содержание, которое имелось у изначального источника. Вместе с тем реалии сегодняшнего дня требуют от ученых и практиков все большего внимания к представлению результатов своей деятельности на международном уровне, перевода своих материалов на иностранный язык. В этой связи для максимально полного донесения своих идей широкой зарубежной публике следует учитывать сложившиеся в зарубежной доктрине и практике термины и понятия.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОЙ РЕГИСТРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Югай Л. Ю.

На сегодняшний день в Республике Узбекистан процесс дактилоскопической регистрации граждан интенсифицирован. Отпечатки

пальцев рук берут у граждан при получении биометрического паспорта, у лиц без гражданства при получении биометрического проездного документа, доставленных при проведении профилактических и иных мероприятий в органы внутренних дел, привлеченных к уголовной ответственности, подвергнутых административному аресту и т.д. При всем масштабе охвата населения страны отдельного закона, регулирующего формирование, оборот и использование дактилоскопической информации, не имеется.

«Де-факто» все население, которое получило биометрические документы, прошло дактилоскопическую регистрацию, кроме того, отдельную категорию лиц, представляют состоящие на криминалистическом учете, находящиеся под административным надзором и т.д. «Де-юре» некоторые аспекты дактилоскопической регистрации рассматриваются в отдельных нормативных правовых актах, однако на законодательном уровне основания и задачи, процедура регистрации личности по отпечаткам пальцев не урегулированы.

Считаем необходимым сделать краткий обзор нормативных правовых актов, затрагивающих вопросы дактилоскопической регистрации.

Так, нормами Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан (УПК) предусмотрено: обязательное дактилоскопирование неопознанных трупов (ч. 3 ст. 138 УПК); получение образцов для экспертного исследования, в том числе и дактилоскопических (ч. 1 и 2 ст. 188 и 190 УПК). Кроме этого, в соответствии со ст. 14 Закона Республики Узбекистан «Об оперативно-розыскной деятельности» от 25.12.2012 г. среди видов оперативно-розыскных мероприятий предусматриваются такие, как сбор образцов для сравнительного исследования и исследование предметов и документов. К ним могут относиться любые материальные объекты: отпечатки пальцев рук, следы ног и т.п.

Необходимо также отметить, что ст. 16 Закона Республики Узбекистан «Об органах внутренних дел» от 16.09.2016 г. обязывает органы внутренних дел назначать и проводить экспертизы по уголовным делам, в том числе и дактилоскопические; устанавливать личность неопознанных трупов; принимать меры по идентификации лиц, которые по состоянию здоровья, возрасту или иным причинам не могут сообщить сведения о себе, осуществлять выдачу и обмен паспортов

гражданам Республики Узбекистан, видов на жительство иностранным гражданам и лицам без гражданства, удостоверений лицам без гражданства; создавать криминалистическую учетно-информационную систему, вести оперативно-поисковые учеты.

В соответствии со ст. 7 Закона Республики Узбекистан «О порядке отбывания административного ареста» от 09.01.2018 г. при доставлении в специальный приемник в отношении лица, подвергнутого административному аресту, осуществляется дактилоскопическая регистрация, а ч. 2 ст. 42 Закона Республики Узбекистан «О содержании под стражей при производстве по уголовному делу» от 29.09.2011 г. предусматривает дактилоскопирование задержанных и заключенных под стражу.

На основании ст. 14 Закона Республики Узбекистан «Об административном надзоре органов внутренних дел за лицами, освобожденными из учреждений по исполнению наказания» от 09.12.1992 г. производится их дактилоскопирование и постановка на учет.

Кроме этого, ст. 18 Положения о центрах органов внутренних дел по реабилитации лиц, утвержденного Постановлением Кабинета Министров Республики Узбекистан № 309 от 26.04.2018 г., предусматривает проведение дактилоскопической регистрации при приеме в центры реабилитации в отношении лиц без определенного места жительства.

В соответствии с Указом Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему совершенствованию паспортной системы в Республике Узбекистан» от 23.06.2009 г. введены паспорта нового поколения с биометрическими данными его владельца. Биометрические данные в виде отпечатков пальцев рук и цифрового изображения владельца паспорта сохранены на чипе биометрического паспорта.

На сегодняшний день осуществляется международное взаимодействие по обмену криминалистически значимой информацией по следам и отпечаткам пальцев рук между правоохранительными органами Республики Узбекистан и другими государствами. В соответствии с Соглашением о взаимоотношениях министерств внутренних дел стран СНГ в сфере обмена информацией (г. Чолпон-Ата, 03.08.1992 г.) и Соглашением об обмене информацией в сфере борьбы с преступностью (г. Астана, 22.05.2009 г.) функционирует Межгосударственный

информационный банк (МИБ). МИБ включает в себя дактилоскопические базы данных (следов и отпечатков пальцев рук) лиц, представляющих интерес для правоохранительных органов.

Как отметила А.С. Яковлева, «эффективность и результативность международного сотрудничества в сфере обмена криминалистически значимой информацией по следам и отпечаткам рук во многом зависит от совершенствования нормативно-правовой базы, как в Российской Федерации, так и в странах СНГ». Предлагаем рассмотреть опыт ряда стран по урегулированию дактилоскопической регистрации.

За 17 лет существования Федерального закона Российской Федерации «О государственной дактилоскопической регистрации» было принято 34 изменения. По мнению А.К. Лугового, до сих пор не отлажен механизм оперативного сбора и обобщения дактилоскопической информации, не обеспечено должное взаимодействие между правоохранительными органами. На сегодняшний день возникает вопрос о введении всеобщей дактилоскопической регистрации в России.

В декабре 2016 г. в Казахстане был подписан Закон «О дактилоскопической и геномной регистрации». Согласно данному Закону с 2021 г. дактилоскопическая регистрация будет обязательной для граждан, достигших 16 лет и получающих паспорта или удостоверения личности гражданина Казахстана. Следует отметить, что первоначальный проект Закона в 2013 г. подразумевал добровольную и обязательную дактилоскопическую и геномную регистрацию. Однако окончательный вариант Закона остановился на всеобщей дактилоскопической регистрации.

Первоначальный вариант Закона Республики Таджикистан «О государственной дактилоскопической регистрации» от 03.09.1999 г. предусматривал добровольную и обязательную дактилоскопическую регистрацию. В 2015 г. он был пересмотрен с учетом современных условий и предусматривал обязательную дактилоскопическую регистрацию при получении паспорта, водительского удостоверения и других документов, удостоверяющих личность.

Принятие Закона Республики Узбекистан «О государственной дактилоскопической регистрации» урегулировало бы отношения, возникающие при проведении дактилоскопической регистрации граждан при получении биометрического паспорта, временной прописки и дру-

гих обстоятельствах, а также установило бы порядок формирования, хранения и оборота дактилоскопической информации, ее обмена между государствами на законодательном уровне. Данный закон в перспективе существенно упростил бы и ускорил процедуру создания и использования электронной базы дактилоскопических данных, что позволило бы повысить эффективность раскрываемости преступлений и улучшить оперативную обстановку в республике.

СЕКЦИЯ 4
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС, ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

К ВОПРОСУ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Ананич В. А.

В борьбе с преступностью ключевая роль принадлежит органам внутренних дел (ОВД), наиболее многочисленной структуре правоохранительной системы республики, располагающей соответствующими ресурсами, техническими и правовыми средствами для эффективной работы в этом направлении. Для результативности деятельности всех служб ОВД весьма значимо осуществление на научной основе управления ими. Его основными элементами является аналитическая работа, выявление проблем в сфере борьбы с преступностью, в управлении, подготовка и принятие управленческих решений, определение целей по их реализации, планирование, контроль и др.

Управленческая деятельность в ОВД многогранна и объемна, в ней выделяются два основных направления, две цели и задачи: внутренняя и внешняя. Первая связана с поддержанием ОВД как системы в готовности для решения поставленных задач посредством кадрового обеспечения, осуществления финансово-хозяйственной деятельности, делопроизводства, поддержанием необходимого уровня взаимодействия служб и подразделений при выполнении оперативно-служебных задач. Второе направление связано с реализацией основных функций по борьбе с преступностью, ее отдельными видами, обеспечению общественного порядка и общественной безопасности, противодействию угрозам терроризма, экстремизма.

В перечне названных основных функций особое место занимает функция борьбы с преступностью и иными правонарушениями. В этой связи одной из основных задач является изучение преступности, пра-

вонарушений, различных фоновых явлений, связанных с криминалом. Она решается посредством их познания и оценки, уяснения количественных и качественных, а также внешних и внутренних характеристик, латентности. Такой подход продиктован требованиями процесса управления ОВД, в рамках которого решается двуединая задача – повышение результативности деятельности по борьбе с преступностью и одновременно обеспечение минимально возможного в данных условиях расходования времени, ресурсов, сил и средств.

Данный аспект управленческой деятельности тесным образом связан с категорией эффективности, которая широко применяется в экономической науке, а в последнее время и в иных областях социального труда и управления и том числе и в сфере борьбы, предупреждения преступности.

С точки зрения теории и практики управления процессом борьбы с преступностью ОВД эффективность представляет особый интерес в силу ряда причин. Основная из них связана с оценкой результативности воздействия на преступность, критериями и показателями этой работы. Соответственно весьма значимо раскрытие содержания таких оценочных категорий как эффективность, критерии эффективности применительно к воздействию на преступность.

Основу рассмотрения содержания категорий эффективность, критерии эффективности составляет утвердившееся в научной литературе положение о том, что преступность и все, что охватывается составляющими ее элементами, является основным объектом внешнего управления ОВД. Все цели и основные направления в работе их служб и подразделений должны определяться исходя из характеристик преступности, ее закономерностей и тенденций. В силу этого при оценке качества управленческой деятельности ОВД по борьбе с преступностью, следует исходить из изменений преступности с учетом ее латентного характера, принимаемых в качестве критериев эффективности этих усилий. Реальная взвешенная оценка современного состояния преступности с учетом скрытой ее части минимум в два раза превышающей зарегистрированную, позволяет сформулировать следующую гипотезу: «в управлении ОВД, подготовке и принятии управленческих решений имеется проблема, связанная с недостатками познания и объ-

яснения преступности, и использовании ее показателей в качестве критериев оценки эффективности.

Основная задача управленческой деятельности – повышение ее результативности в плане воздействия на объекты управления (в данном случае преступность) и снижение затрат на эту работу. А это связано с оценочной категорией «эффективности», которая раскрывает степень соответствия или отношение достигнутого результата деятельности поставленным целям. При этом нельзя смешивать понятия «эффективность» и «оптимальность», так как последняя характеризует, прежде всего, путь достижения цели, показывает, какой ценой достигнут результат, велики ли негативные издержки, побочные следствия избранного способа решения проблемы.

Например, в республике реализуется затратная модель борьбы с преступностью, что подтверждается объемами выделяемых в 1990–начале 2000 гг. средств на правоохранительную деятельность: они превышали расходы на социальную сферу или в отдельные годы были равны. В настоящее время этот перекос устранен, что позволило увеличить расходы на социальные нужды, развитие отраслей экономики, повышение занятости, оплаты труда и др. Таким образом, решена важная задача нейтрализации, блокирования ряда криминогенных факторов, определяющих преступность, усиления общесоциального направления ее предупреждения.

Аналогичный перекос присущ и системе МВД: сохраняющаяся относительно большая численность сотрудников не отраслевых служб, неоправданно большие расходы на подготовку кадров в силу их текучести, падения престижа службы в ОВД и иное обеспечение. Введение в действие, применение в профилактике правонарушений и преступлений затратной правовой модели, перегрузили их службы объемами практически не выполнимых задач. Подтверждение этому – половина владельцев личного транспорта не представляет его для технического осмотра и требует в рамках закона профилактического воздействия. А количество ранее судимых, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, привлекаемых к административной ответственности, требующих контроля и проведения индивидуально-профилактической работы, таково, что соответствующие службы не в силах ее проводить на должном уровне.

Например, уровень рецидивной преступности за 2017 г. составил 38,4 % (по разбоям – 52,3 %, угонам – 49 %, грабежам – 47,4 %, кражам – 46,5 %, изнасилованиям – 31,5 %). В результате преступность, с учетом ее латентной части, остается на высоком уровне, желает лучшего и ее раскрываемость, что подтверждает не оптимальность используемой модели борьбы с преступностью. В то же время понятия «эффективность» и «оптимальность» сближаются и могут стать тождественными, если путь достижения цели будет изложен в ее содержании, например, в формулировке: «раскрытие и расследование всех совершенных преступлений на основе строгого соблюдения законности».

В управлении ОВД основным этапом является выдвижение целей, а при определении эффективности усилий по борьбе с преступностью важно уяснить цели деятельности на этом направлении. Для уяснения проблемы и постановки целей в рамках процесса управления ведется информационно-аналитическая работа, выдвигается управленческая гипотеза, вырабатывается управленческое решение, в котором фиксируются цели. Существуют три вида целей общих для всех организаций: 1) цели–задания; 2) цели–ориентации; 3) цели собственно системы.

Цели–задания ставятся вышестоящим субъектом управления и, как правило, нормативно закреплены.

Цели–ориентации отражают общие интересы сотрудников ОВД и призваны осуществлять поставленную цель–задание. Определение содержания целей данного вида весьма сложно, поскольку мотивы деятельности могут быть достаточно разнородными и труднодоступными для выявления. В одних случаях это может быть оплата труда, в других – его характер, возможность продвижения по службе, режим рабочего времени и иные факторы. В постановочном плане укажем, что в последнем случае имеется ряд проблем, снижающих эффективность работы ОВД по различным направлениям борьбы с преступностью, достижению соответствующих целей.

Цели собственно системы отражают ее стремление сохранить свою стабильность, равновесие во взаимодействии с окружающей средой. Устойчивость системы обеспечивает необходимое для ее работников постоянство связей, норм, требований. Кроме того, устойчи-

вость – постоянная цель организации, равнозначная приобретению новых ресурсов, предполагающая преодоление текучести кадров, сокращение реорганизаций, снижение конфликтности.

Как вытекает из изложенного, вторая и третья цели связаны в основном с внутренним управлением, однако они призваны осуществлять, подчинены реализации основных целей–заданий.

Анализ процесса выдвижения и формулирования целей, в том числе и борьбы с преступностью, позволяет выявить ряд проблем, решение которых будет способствовать совершенствованию управления ОВД. Как известно, поставленные в начале 1960-х гг. цели борьбы с преступностью достигнуты не были (например, общее количество преступлений в Беларуси с 1961 г. по 1991 г. возросло с 29 903 до 81 346 тыс. или в 3 раза). Таким образом, независимо от усилий государства, ОВД преступность в республике неуклонно росла. В данном случае речь идет об общей цели ликвидации преступности, устранения причин ее порождающих, поставленной высшими директивными органами государства, которая в настоящее время критикуется как нереальная. Но с научной точки зрения, стратегической перспективы, она не подлежит сомнению. В управленческой деятельности ОВД цели могут и должны формулироваться в ведомственных управленческих решениях и по возможности достигаться. Об этих целях и их достижении говорится применительно к преступности в целом и оценке работы ОВД за 2017 г. Например, в целом по республике отмечается снижение преступности на 7,1 % по сравнению с 2016 г., в том числе на 5,6 % особо тяжких преступлений и на 4 % тяжких (включая снижение краж на 11,9 %, разбоев на 22,7 %, грабежей на 18, 3 %, мошенничеств на 13,8 %, преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, на 15,1 % и преступлений, совершенных несовершеннолетними, на 13,3 %).

В постановочном плане мы коснулись отдельных аспектов эффективности управленческой деятельности ОВД, но, несомненно, что данная проблема с учетом специфики их деятельности намного многограннее и шире, а ее дальнейшая разработка является одной из актуальных задач науки и практики.

ОРГАНИЗАЦИЯ И ТАКТИКА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Асаёнок Б. В.

Административный процесс как вид правоохранительной деятельности нередко становится предметом научного внимания, а также обзоров практики его осуществления. Если говорить о тенденциях в научном исследовании организации и тактики ведения административного процесса, то наблюдаемые тенденции, возможно, разделить на три составляющие: 1) исследования в русле административистики; 2) исследования в русле криминалистики; 3) исследования в русле иных наук (в том числе и неюридического характера).

Если говорить об исследованиях в рамках доктрины административистики, то научных исследований, где бы имелось название «административный процесс» в Республике Беларусь немного. Изучая вопросы данной сферы, чаще всего приходится иметь дело либо с российскими источниками процессуально-процедурного характера, либо с научными трудами, где административно-процессуальные вопросы рассматриваются как часть более широкого – материально-правового исследования. В первом случае исследования озаглавливаются как «производство по делам об административных правонарушениях в сфере, в области…», а во втором – «административные правонарушения в сфере …, в области…» либо «административная ответственность в сфере…, в области…». Содержанием их являются конкретные сферы государственного управления, где совершаются те либо иные административные правонарушения, либо конкретные правонарушения (структурированные по видовому, родовому или непосредственному объекту правонарушения).

Исторически такой подход к процессуально-процедурным аспектам привлечения к административной ответственности себя оправдывал, поскольку производство по делам об административных правонарушениях (или административный процесс) не рассматривались в отрыве от материально-правовых норм административного права. Вместе с тем постепенно наметилась тенденция изучать в качестве самостоятельного объекта исследования вопросы процессуального характера, которые возникают не столько в связи с привлечением к

административной ответственности, сколько с самим порядком производства при привлечении к административной ответственности.

Таким образом, в науке административного права произошло выделение административно-деликтного права и административного процесса равнозначно тому, как разделены уголовное право и уголовный процесс.

В науке административного процесса, хоть и не без обращений к материально-правовым истокам, начали набирать силу предпосылки к рассмотрению вопросов организации и тактики ведения административного процесса в качестве содержания данного вида процессуальной деятельности. Это стало находить свое отражение в попытках рассмотреть вопросы тактики проведения осмотра места совершения административного правонарушения, тактики личного досмотра (обыска), тактики досмотра (обыска) транспортного средства и др., то есть в использовании категориального аппарата и методологического инструментария, хоть и близкого, но внутренне не свойственного отраслевым процессуальным наук. Очевидно, процессуальная доктрина может и должна изучать вопросы порядка проведения того либо иного процессуального действия. Для этого она и существует. Но, упираясь в вопросы организации и тактики, она, как видится, выходит за пределы своего предмета и метода и пытается присвоить себе несколько не свойственные ей функции.

Так, административно-процессуальная наука, говоря об организации и тактике производства административно-процессуальных действий, исподволь начинает использовать категориальный аппарат криминалистики. Это достаточно легко заметить, изучая методы исследования в научных трудах по административному процессу (производству по делам об административных правонарушениях). Среди частнонаучных или специальных методов называются: структурно-логических, формально-логический, социологический, методы криминологии, деликтологии и др. Иногда происходит переход на методы самого административного права – методы убеждения и принуждения. Но этими и многими иными называемыми методами очень сложно объяснить, каким образом осуществляется учет ситуативного подхода при анализе обстановки на месте совершения административного правонарушения или при определении необходимости в проведении того

либо иного административно-процессуального действия; как принимается тактическое решение, которое может повлечь процессуальные последствия, а может и остаться лишь в тактическом поле; как выбирается правильная и оптимальная последовательность процессуальных действий при доказывании, возможности прогнозирования и моделирования при ведении административного процесса. А это все – предмет и метод совсем иной науки. И эта наука – криминалистика.

Лишь совсем недавно криминалисты обратили свой взгляд в область административного процесса. Причем такое обращение встретило не только скепсис, но иногда и прямое отторжение со стороны ряда представителей криминалистической науки. Криминалистике, по их мнению, отказывалось в универсальности ее методов в борьбе с любыми видами правонарушений, определяя ее «единственно достойным направлением» борьбу с преступлениями. Эта тенденция не изжита и до настоящего времени, хотя уже имеется ряд исследований в сфере криминалистического обеспечения административного процесса.

В контексте изложенного представляется неверным кардинально перекраивать предмет криминалистики под возможности использования ее инструментария в административном процессе. Однако следует обратить внимание, что концентрированное воздействие криминалистической методологии на административный процесс возможно в рамках разработки частной криминалистической теории или соответствующего криминалистического учения. Предметом их могут быть нейтрализация административных правонарушений, криминалистическое обеспечение административных правонарушений.

Нам представляется, разработка таких теории или учения тем более важна, что имеет место иная тенденция, когда криминалистические, по сути, знания, умения и навыки, слегка замаскированные под методологию иной, в том числе и неюридической науки, пытаются выдавать в качестве самостоятельного инструментария. К примеру, тактико-криминалистический инструментарий выдается за часть таможенного дела, тактики пограничного контроля, административной деятельности органов внутренних дел и пр. Будучи оторванной от методологической базы, такая совокупность приемов и методов не может быть эффективной, но иногда приносит прямое зло, чему есть уже немало примеров.

О ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЕ В ОРГАНАХ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Гасанов А. П.

Порядок и условия прохождения службы в органах прокуратуры закреплены в законах Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон о прокуратуре) и «О государственной службе в Республике Беларусь» (далее – Закон о государственной службе), а также в Указе Президента Республики Беларусь «Об утверждении Положения о прохождении службы в органах прокуратуры Республики Беларусь». Анализ данных нормативных правовых актов показывает, что законодателем служба в органах прокуратуры не выделяется в отдельный вид государственной службы.

Следует отметить, что Закон о государственной службе не дифференцирует государственную службу на отдельные виды. На наш взгляд, такой подход не является корректным, поскольку от определения вида государственной службы зависят особенности ее прохождения и правовой статус государственных служащих различных государственных органов, ведь Закон о государственной службе имеет широкий диапазон действия, под который подпадают не только прокурорские работники, но и судьи, депутаты, служащие республиканских органов государственного управления и их территориальных подразделений и др.

В юридической науке встречаются различные мнения о сущности прокурорской службы. Одни авторы предлагают считать службу в органах прокуратуры самостоятельным видом государственной службы, другие относят ее к правоохранительной службе либо государственной гражданской службе.

В рассматриваемом контексте следует проанализировать сущность правоохранительной государственной службы, а также исследовать вопрос о том является ли служба в органах прокуратуры видом правоохранительной государственной службы.

Анализ литературы показывает, что практически все авторы, исследовавшие правоохранительную службу, понимают под такой службой профессиональную деятельность лиц на должностях правоохранительных органов по выполнению специальных функций.

Однако законодательством Республики Беларусь в настоящее время нет унифицированного понятия «правоохранительный орган» и соответственно не установлена система таких органов. Юридическая наука также не дает однозначного ответа на вопрос о понятии и системе правоохранительных органов. Различные авторы относят к правоохранительным от 5 до 16 органов.

Отсутствие законодательного определения и единства взглядов на понятие и систему правоохранительных органов затрудняет вопрос и нормативного определения дефиниции «правоохранительная служба». А без четкого установления понятия и системы правоохранительных органов сложным является и вопрос определения, в каких государственных органах служба может считаться правоохранительной. Ведь, по справедливому мнению А.М. Артемьева, правоохранительная служба связана с правоохранительными органами и их деятельностью, и соотносятся эти понятия как форма и содержание.

Законодателем прямо в качестве правоохранительных органов называются органы внутренних дел, органы финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Следственный комитет Республики Беларусь, Государственный таможенный комитет Республики Беларусь. Однако указанное не означает, что иные органы не осуществляют правоохранительную деятельность, т.е. деятельность, направленную на охрану и защиту права с помощью применения юридических мер воздействия, строго определенных законом.

Сфера действия Закона Республики Беларусь «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих (надзорных) органов, сотрудников органа государственной охраны» распространяется в том числе и на прокуроров, которые отнесены в нем к категории должностных лиц правоохранительных органов, из чего можно сделать вывод, что прокуратура является правоохранительным органом.

Вместе с тем основной функцией органов прокуратуры является надзор за точным и единообразным исполнением нормативных правовых актов на территории Республики Беларусь, осуществляемый в целях обеспечения верховенства права, законности и правопорядка, защиты прав и законных интересов граждан и организаций, а также об-

щественных и государственных интересов. Прокурорский надзор представляет собой самостоятельный вид государственной деятельности, реализуемый в республике единственным субъектом – органами прокуратуры.

Согласно теории административного права прокурорский надзор является разновидностью государственного надзора, т.е. вида государственной контрольной деятельности.

Нормативное определение контролирующего (надзорного) органа предусмотрено Указом Президента Республики Беларусь от 16.10.2009 г. № 510 (далее – Указ № 510). Так, под контролирующими (надзорными) органами понимаются государственные органы (их структурные подразделения с правами юридического лица, территориальные органы, подчиненные организации) и иные организации, уполномоченные законодательными актами или нормативными правовыми актами Правительства Республики Беларусь на осуществление контроля (надзора). Указом № 510 также утвержден перечень контролирующих (надзорных), согласно которому органы прокуратуры отнесены к таким органам.

Таким образом, полагаем, что прокуратура по своей правовой природе является, в первую очередь, контрольно-надзорным органом, несмотря на то, что она подпадает и под различные доктринальные определения понятия «правоохранительный орган». При этом прокуратура является особым контрольно-надзорным органом, поскольку прокурорский надзор осуществляется от имени государства, охватывает практически всю деятельность государства, в том числе и работу правоохранительных и контролирующих органов, не ограничиваясь несколькими сферами жизнедеятельности.

Следует также отметить, что служба в органах прокуратуры имеет много различий от службы в правоохранительных органах (например, Следственный комитет, органы внутренних дел), службу в которых можно назвать правоохранительной службой. В частности, такие органы, в отличие от прокуратуры, являются военизированными и их служба по своей природе близка к воинской, что, по мнению О.Н. Чуприс проявляется в виде довольно строгой централизации дисциплинарной власти и служебной дисциплины, служебного подчинения и иерархии должностей, присвоения специальных званий, наличия

чрезвычайного характера службы, влияет на условия прохождения службы и выражается в специфике ее режима.

Исходя из вышеизложенного, считаем, что службу в органах прокуратуры нельзя относить к разновидностям правоохранительной службы. Из-за своего особого конституционно-правового статуса и важности задач, выполняемых прокурорами, полагаем, что служба в органах прокуратуры является самостоятельным видом государственной службы.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОФОРМЛЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ, УДОСТОВЕРЯЮЩИХ ЛИЧНОСТЬ, В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН

Дериколенко А. А.

В соответствии со ст. 22 Конституции Республики Беларусь все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов. При этом конституционно обоснованный механизм реализации прав и законных интересов требует наличия у гражданина паспорта – государственного документа, определяющего (удостоверяющего) личность владельца документа, подтверждающего принадлежность к определенному государству, а также предоставляющего возможность использовать имеющиеся права и свободы индивида, предоставленные страной гражданской принадлежности.

В эпоху современных технологий, развития IT-индустрии и замены ручного персонифицированного труда на автоматический все же встречаются индивиды, не имеющие документов, удостоверяющих личность, и, вследствие этого, не имеющие возможности реализовывать свои права и законные интересы в различных сферах жизнедеятельности человека. По неофициальным данным только в Республике Беларусь около 1 тыс. чел. сознательно, по религиозным и иным жизненным убеждениям отказываются от оформления документов, удостоверяющих личность. Данная цифра незначительна, однако в совокупности с иными обстоятельствами актуализирует проблему обеспечения прав и законных интересов данных граждан.

Изучение данного вопроса в контексте опыта зарубежных стран из постсоветского пространства показывает, что многие из них сталкиваются с указанной проблемой уже на протяжении продолжительного периода времени.

Для Республики Беларусь проблема отказа от оформления документов, удостоверяющих личность, актуализировалась уже в середине 90-х гг. прошлого столетия в связи с заменой паспортов СССР образца 1974 г. на паспорта с государственной символикой Республики Беларусь. Наряду с номером паспорта в документе предусматривалось наличие личного номера, который в свою очередь частично формировался из численных значений даты рождения владельца документа. Данное обстоятельство вызвало в условиях правового нигилизма негативную реакцию со стороны отдельных индивидов (как по причине религиозных убеждений, так по иным мотивам). Подобная реакция населения отмечалась также в Российской Федерации, Украине, Молдове и других постсоветских странах. Порой эта реакция проявлялась в проведении митингов, влекла судебные разбирательства.

К настоящему времени Республика Беларусь прошла несколько этапов паспортизации населения и подошла к внедрению биометрических документов, удостоверяющих личность, последней из стран Европы.

В нашем государстве проведена серьезная работа по правовому воспитанию населения в части разъяснения взаимосвязи паспортной нумерации с конкретной личностью. Более того, в 2011 г. Министерство внутренних дел Республики Беларусь своим постановлением попыталось «уйти» от использования личного номера с датой рождения лица, определив порядок формирования идентификационного номера, который является основным идентифицирующим признаком физического лица в процессе внесения его персональных данных в информационные системы, их актуализации, исключения, хранения, восстановления, предоставления и использования. Тем не менее, полностью решить проблему отказа от оформления документов, удостоверяющих личность, не удалось.

Решением Конституционного Суда Республики Беларусь от 09.07.2014 г. № Р-944/2014 «О правовой неопределенности в правовом регулировании удостоверения личности при назначении пенсии орга-

нами по труду, занятости и социальной защите», установлено, что для назначения пенсии имеется возможность удостоверения личности в исключительных случаях не только паспортом гражданина Республики Беларусь, но и иными документами. В целях его реализации принято постановление Совета Министров Республики Беларусь от 25.02.2015 г. № 134, утвердившее Положение о порядке подтверждения личности граждан Республики Беларусь, не имеющих документа, удостоверяющего личность. Данный нормативный правовой акт предусматривает возможность направления запроса в подразделения по гражданству и миграции органов внутренних дел, для установления личности в целях пенсионного обеспечения. Однако, как показывает практика, не во всех случаях удается установить личность граждан, что обусловлено имеющимися возрастными различиями между изображениями граждан на фотографиях, представленных органами по труду, занятости и социальной защите, и имеющихся в картотеке заявлений на паспорт в органах внутренних дел. Направление последующего запроса в соответствующее управление Государственного комитета судебных экспертиз по области (г. Минску) для проведения исследования в целях идентификации личности по фотоизображениям, также не всегда приносит положительный результат. Это детерминировано невозможностью установления тождества в связи с длительным временным промежутком. В случае успешного подтверждения личности, выдается соответствующая справка и становится возможным реализовать лишь право гражданина на пенсионное обеспечение. Однако реализовать иные конституционные права гражданин на основании такой справки не может (например, право на свободу передвижения – выезд за границу, право собственности – государственная регистрация права собственности и др.).

Как указывалось выше, государство стоит на пороге внедрения биометрических документов, удостоверяющих личность. Однако используемые в настоящее время в Республике Беларусь способы учета не позволяют отойти от применения номеров идентификации и их персонализации. Создание и внедрение таких информационных систем как регистр населения и ряда других лишь углубляет персонализацию и дает возможность для реализации других информационных проектов.

С учетом предстоящего внедрения биометрических документов, удостоверяющих личность, одним из способов решения проблемы отказа от оформления таких документов видится создание единого информационного ресурса учета граждан, не желающих получать идентификационные документы, с внесением сведений о гражданине без номера идентификации. В качестве документа, удостоверяющего личность использовать справку, подтверждающую личность, либо прототип ID-карты без привязки номера.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Иванчикова Л. Д.

Активизация внимания общества к качеству соблюдения прав и законных интересов человека со стороны государственных органов при применении в административном порядке принудительных мер, диктует необходимость совершенствования правового регулирования в современных условиях развития правовой системы Республики Беларусь. Проблемой в данном случае выступает определение соответствия нынешнего состояния административного принуждения в отношении несовершеннолетних современным требованиям, предъявляемым к ограничению прав и свобод человека. Принимая во внимание недостаточную теоретическую разработанность механизма реализации административно-правовых норм в отношении лиц, не достигших совершеннолетия, можно утверждать, что проблема является актуальной.

Административное принуждение применяется должностными лицами, наделенными государственно-властными полномочиями, для урегулирования общественных отношений, возникающих в сфере обеспечения правопорядка. Основанием для реализации мер административного принуждения являются юридические факты, вызывающие действие принудительной правовой нормы.

Эффективность правоохранительной деятельности в указанной сфере находится в прямой зависимости не только от совершенствования регламентирующих ее законов, но и от механизма их реализации.

Анализируя деятельность сотрудников органов внутренних дел, необходимо отметить, что они применяют в отношении несовершеннолетних следующие виды принудительных мер: административно-предупредительные меры и меры административного пресечения. Вместе с тем следует учитывать, что меры административного пресечения, в отличие от предупредительных мер, используются в целях прекращения административного правонарушения и создания необходимых условий для привлечения несовершеннолетнего к административной ответственности.

Применяя меры административного пресечения, органы внутренних дел принудительно прекращают правонарушения несовершеннолетних, понуждая их к правомерному поведению. Значение этих мер в правоприменительной практике, как верно замечают Л.Л.Попов и А.П.Шергин, трудно переоценить, поскольку в ходе их применения пресекается общественно опасная деятельность правонарушителя и обеспечивается возможность привлечения его к ответственности.

Меры, применяемые инспекцией по делам несовершеннолетних органов внутренних дел к несовершеннолетним правонарушителям, представляют собой процессуальные действия, направленные на установление обстоятельств, необходимых для правильного разрешения дела об административном правонарушении. Одним из таких административно-процессуальных действий, осуществление которого сопряжено с существенным ограничением конституционных прав и свобод личности, является административное задержание. Реализация указанной меры является важной и актуальной задачей органов внутренних дел, поскольку административное задержание предназначено для охраны правопорядка, прав и законных интересов граждан, формирования оптимальных условий для деятельности аппарата публичной власти в целом.

В настоящее время вопрос применения административного задержания в отношении несовершеннолетних регламентирован ст. 8.1, 8.2, ч.3-1 ст. 8.4 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – ПИКоАП). В указанных нормах определены условия, порядок административного задержания и оформления протокола об административном правонарушении. Так, в соответствии со ст. 8.2 ПИКоАП административное задержание состоит в фактическом крат-

ковременном ограничении свободы физического лица, в отношении которого ведется административный процесс, за совершение им административного правонарушения, в доставлении его в место, определенное органом, ведущим административный процесс, и содержании в данном месте.

Хотелось бы отметить, что особенностями административного задержания несовершеннолетнего является запрет на такое задержание свыше трех часов и обязательное уведомление родителей или лиц, их заменяющих. При этом законодатель не устанавливает срок, в течение которого или не позднее которого законный представитель должен быть уведомлен о задержании несовершеннолетнего, и вопрос о том, кто обязан уведомлять родителей или лиц их заменяющих, о применении к несовершеннолетним мер административного принуждения, остается не урегулированным, что на практике вызывает серьезные проблемы. Это в свою очередь приводит к нарушению принципа законности в деятельности органов внутренних дел. В этой связи считаем целесообразным для соблюдения прав участников административного процесса, искоренения нарушений законности и субъективизма со стороны органов внутренних дел, нормативно закрепить положение об обязанности сообщения сотрудниками правоохранительных органов законным представителям о применении любых мер административного принуждения к несовершеннолетнему.

На основе данных деятельности инспекции по делам несовершеннолетних ОВД администрации Ленинского района г. Могилева необходимо отметить, что применение мер административного принуждения к лицам, не достигшим совершеннолетия, осуществляется строго в рамках закона. Вместе с тем анализ норм ПИКоАП, содержащих меры обеспечения административного процесса, свидетельствуют, что среди мер административно-процессуального обеспечения отсутствует законодательное закрепление оснований применения такой меры, как освидетельствование на опьянение. Таким образом, должностные лица правоохранительных органов, осуществляющие административное задержание несовершеннолетних, сталкиваются с проблемами по поводу освидетельствования на состояние опьянения, т.к. данная мера, не является мерой обеспечения административного процесса, и соответственно не может быть использована в принудительном (одно-

стороннем) порядке. Механизм действий сотрудников внутренних дел с административно задержанными несовершеннолетними также законодательно не урегулирован и возникает вопрос о передаче несовершеннолетнего, находящегося в состоянии алкогольного опьянения, родителям или лицам, их заменяющим. На практике сотрудники органов внутренних дел обязаны через три часа освободить задержанного несовершеннолетнего, но родители не всегда, ввиду нахождения на работе, в командировке, могут своевременно забрать несовершеннолетнего.

Учитывая вышеизложенное, в целях упорядочивания административного процесса, необходимо ч.1 ст. 8.1 ПИКоАП дополнить мерой административного обеспечения, такой как «освидетельствование на состояние опьянения» и ч. 3 ст. 8.2 ПИКоАП изложить в следующей редакции: «По просьбе физического лица, задержанного за совершение административного правонарушения, о месте его нахождения в течение трех часов уведомляются совершеннолетние члены его семьи, близкие родственники, защитник, наниматель, с которым задержанный состоит в трудовых отношениях, администрация учреждения образования, учащимся или студентом которого он является. О задержании несовершеннолетнего сотрудники органов внутренних дел обязательно уведомляют родителей или лиц, их заменяющих, с момента его фактического задержания».

Внесение в законодательство предлагаемых изменений позволит упорядочить процесс разбирательства с несовершеннолетними, задержанными в порядке ПИКоАП, и создать дополнительные гарантии защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в административном процессе.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИИ

Игнатюк А. З.

Опыт сравнительного правоведения об административной ответственности в Республике Беларусь и Российской Федерации вызы-

вает особый интерес, так как, в обоих названных государствах административная ответственность рассматривается как средство предупреждения совершения правонарушений, что и послужило поводом для настоящего сравнительного исследования.

Административная ответственность в Беларуси устанавливается Кодексом об административных правонарушениях Республики Беларусь (далее – КоАП Республики Беларусь), вступившим в действие 1 марта 2007 г. Структура КоАП Республики Беларусь была составлена на основе опыта российского Кодекса об административных правонарушениях (далее КоАП Российской Федерации), в чем видится не только их схожесть, но и определенные различия.

КоАП Республики Беларусь – единый нормативный правовой акт материального права, устанавливающий административную ответственность на всей территории Беларуси. Никакими другими нормативными актами в отличии от Российской Федерации составы административных правонарушений и виды административных санкций в Республике Беларусь устанавливаться не могут. Статьи 2.3 и 2.4 КоАП Республики Беларусь различают не только совершение административного правонарушения, но и покушение на его совершение, а также соучастие в его совершении. В данном случае прослеживается аналогия с Уголовным кодексом Республики Беларусь, что дает четкое видение законодателем всех особенностей стадий совершения административного правонарушения.

Субъектами административной ответственности в КоАП Республики Беларусь признаются как физические, так и юридические лица (вина юридических лиц трактуется так же, как и в КоАП Российской Федерации), однако возраст наступления административной ответственности физического лица ниже, чем в России (16 лет). Согласно ст. 4.3 КоАП Республики Беларусь такой возраст установлен в 16 лет, но в ряде случаев ответственность наступает с 14-ти лет: за совершение насильственных действий; хищение имущества; бесчеловечное обращение с животными; нарушение правил пользования общественным транспортом; уничтожение и повреждение историко-культурных ценностей; незаконные обращение с оружием и др. Снижение возраста привлечения к административной ответственности за перечисленные деяния можно считать правильным и оправданным,

поскольку речь идет преимущественно о действиях, которые часто совершаются подростками и иногда носят характер «бравады», «ложного чувства товарищества», но которыми может быть причинен существенный вред общественным интересам, нравственности, жизни и здоровью самих подростков и других людей. Кроме того, возраст субъекта административной ответственности, по белорусскому законодательству, уже вполне позволяет ему осознавать противоправный характер данных деяний.

Список административных наказаний и видов составов правонарушений, содержащихся в КоАП Республики Беларусь, имеет некоторые различия по соотношению с КоАП Российской Федерации. Но при этом никаких значительных различий не наблюдается. Принципиальным различием является то, что порядок привлечения к административной ответственности в Беларуси установлен отдельным нормативным правовым актом – Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП Республики Беларусь). Иными словами, в Беларуси правовое регулирование административной ответственности содержится в двух кодифицированных актах: КоАП и ПИКоАП, один из которых регулирует материальную часть, а другой – процессуальную. Согласно нормам ПИКоАП Республики Беларусь (ст. 1.4) производство по делам об административных правонарушениях и есть административный процесс ПИКоАП Республики Беларусь, который включает реализацию санкций административного права со стороны государства.

КоАП Республики Беларусь закрепляет термин «административное взыскание», а КоАП Российской Федерации использует понятие «административное наказание», но оба эти термины определяются как мера административной ответственности. Замена термина «взыскание» на термин «наказание» обосновывается тем обстоятельством, что любое наказание содержит в себе определенные лишения и ограничения для правонарушителя, привлекаемого к ответственности, т.е. при этом наличествует карательная составляющая – наказание.

В России, помимо КоАП, с сентября 2015 г. действует Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, устанавливающий правила судебного рассмотрения публично-правовых споров неконституционного характера, в которых частные лица обжа-

луют действия органов публичной власти. Таким образом, нормативная реализация понятия «административный процесс» в Российской Федерации шире и больше соответствует международному подходу к пониманию данного понятия, включающему, помимо прочего, так называемую административную юстицию, т.е. обжалование частными лицами действий и решений органов публичной власти в особом процессуальном порядке.

Привлечение к административной ответственности, согласно нормам ПИКоАП Республики Беларусь, осуществляется как в судебном, так и во внесудебном порядке, что присуще и Российской Федерации. Во внесудебном порядке уполномоченными органами и должностными лицами по привлечению к административной ответственности являются органы исполнительной власти и их должностные лица всех уровней. Как в Беларуси, так и в России, это, прежде всего, контрольно-надзорные органы и их должностные лица. Стадии производства по делам об административных правонарушениях и процессуальные правила рассмотрения и обжалования дела существенных различий не имеют.

Таким образом, правовое регулирование административной ответственности в Республике Беларусь и Российской Федерации имеет определенные незначительные различия. Самым значительным различием является то, что вопросы административного права и административного процесса в Беларуси регулируются КоАП и ПИКоАП, а в России – федеральным и региональным административным законодательством.

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Каплич Н. С., Кулакова Е. Д.

С каждым годом Республика Беларусь соблюдает динамику развития в различных сферах государства и общества. Высокие результаты, достигаемые в сфере социального обеспечения граждан, являются следствием непрерывного развития мирового сообщества и совместных усилий отдельного государства, общества и каждого человека. И,

в первую очередь, они направлены на то, чтобы сделать достойной жизнь наших граждан.

Главная цель государственных органов состоит в проведении той политики, приведение в жизнь тех проектов, которые в последующем будут улучшать качество жизни людей, максимально облегчать решение вопросов, с которыми изо дня в день сталкиваются граждане. В этом направлении предпринят ряд мер, которые призваны обеспечить доступность, гибкость, незамедлительность решения насущных проблем каждого человека. Своевременная реализация намеченных целей, дальнейшее улучшение работы всех структур в государстве – на данный момент именно то, к чему стремится государство. Но такие негативные факты, как бюрократизм в деятельности государственного аппарата, в большой степени снижают возможность продвижения вперед. Система взаимодействия государственных органов и населения имеет серьезные недостатки, которые негативно влияют на репутацию самих государственных служащих и всю систему государственного управления в целом. Как следствие, это зачастую вызывает у граждан своего рода недоверие к целому ряду государственных институтов, начиная от местных Советов депутатов, исполнительных комитетов и заканчивая судебными, правоохранительными и следственными органами.

Суть обращений выражается в следующих функциях. Во-первых, обращения представляют собой непосредственную форму реализации конституционного права граждан на участие в управлении государством, и, следовательно, обращения есть выражение народовластия и демократии. Во-вторых, обращения выступают средством защиты прав и законных интересов граждан и организаций. В-третьих, обращения – определенное средство обратной связи, посредством которой народ находит выражение реакции на решения, принимаемые государственной властью.

Включение сети Интернет в обращения заявителей в какой-то степени ставит под вопрос исключение или даже сокращение использования бумажного документооборота. Процесс легализации электронных обращений, а также единые законодательные подходы на их рассмотрение позволяет осуществлять защиту прав и законных интересов заявителей, государственных органов, иных организаций.

В качестве основной задачи выходит анализ сложившейся ситуации касательно работы государственных служащих с обращениями граждан и оценки качества ее выполнения и уровня эффективности, а также разработка рекомендаций по повышению эффективности. Достичь планируемых результатов можно главным образом за счет повышения уровня открытости и прозрачности при работе с обращениями (например, открытие доступа к данным по обращениям, рассмотренным по существу, либо перенаправление в компетентные органы). Исправления и дополнения действующего законодательства играют немаловажную роль, уделяя особое внимание механизму повышающих коэффициентов либо надбавок за эффективность работы с обращениями граждан и юридических лиц.

В настоящее время опыт показывает, что большинство руководителей ставят работу с гражданами на второй план по отношению к решению вопросов, возложенных на возглавляемую ими организацию. На первое место выходят производственные вопросы. Принцип остатка преследует рассмотрение и разрешение повседневных обращений населения по мере появления свободного времени. Данные показывают, что многие считают работу с обращениями работой, не требующей заострения на себе большого внимания. Несмотря на сложившуюся ситуацию, наше мнение состоит в том, чтобы задачей руководителя организации в приоритете становилась организация четкой работы с поступающими обращениями.

СУБЪЕКТЫ КОРРУПЦИОННОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

Клим А. М.

При противодействии коррупции особенно важна законодательная регламентация понятия и круга субъектов коррупционных правонарушений. Точное установление круга лиц, чье поведение имеет коррупционный характер, обеспечивает определенность, нацеленность и эффективность антикоррупционных мер. Несмотря на имеющиеся многочисленные научные публикации по проблематике специального субъекта коррупционного правонарушения как отечественными, так и

зарубежными исследователями, многие аспекты этой проблемы остаются еще остро дискуссионными и до конца нерешенными, что обуславливает необходимость продолжения работы по дальнейшему совершенствованию соответствующих правовых норм. Остановимся на наиболее важных аспектах рассматриваемого вопроса.

Во-первых, отметим, что до настоящего времени в теории и на практике остается открытым вопрос, следует ли исходить из единого понимания должностного лица для всех отраслей права, или его социально-ролевой феномен в отраслевом правовом регулировании различен, поэтому понятие должностного лица не может быть единым. В белорусском законодательстве закреплены два понятия должностного лица (административно-правовое и уголовно-правовое, причем последнее является более широким), а также термины, характеризующие правовые признаки различных категорий субъектов коррупционных правонарушений. В соответствии со ст. 3 Закона Республики Беларусь от 15.07.2015 г. «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон) субъектами правонарушений, создающих условия для коррупции, являются: государственные должностные лица; лица, приравненные к государственным должностным лицам. Субъектами коррупционных правонарушений являются: государственные должностные лица; лица, приравненные к государственным должностным лицам; иностранные должностные лица; лица, осуществляющие подкуп государственных должностных или приравненных к ним лиц либо иностранных должностных лиц.

Во-вторых, в Законе отсутствует толкование терминов «организационно-распорядительные обязанности», «административно-хозяйственные обязанности» и «юридически значимые действия», которые необходимы для определения круга государственных должностных и приравненных к ним лиц, что требует обращения к постановлению Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16.12.2004 г. «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. 424–428 УК)». Наряду с «организационно-распорядительными обязанностями» используется понятие «организационно-распорядительные функции» в термине «руководящая должность». В последнем случае понимаются «руководящие, организующие, направляющие, координирующие и контролирующие функции».

В этой связи возникает вопрос: круг должностных лиц, определяемых по признаку «организационно-распорядительная обязанность» применительно к уголовно-правовым отношениям и круг должностных лиц, определяемых по признаку «организационно-распорядительная функция» относительно административно-правовых отношений один и тот же или же разный. Эти термины нельзя признать синонимами, поскольку таковыми не являются понятия «обязанности» и «функции». Множественность анализируемых правовых понятий и их индивидуальность в отраслевой правовой системе, отсутствие унифицированного подхода и законодательного описания признаков должностного лица как специального субъекта преступления (правонарушения) и вследствие этого зачастую его расширительная трактовка создают определенные трудности для правоприменительной практики, что в конечном итоге влияет на эффективность антикоррупционной политики государства. Вопрос о необходимости выработки единого теоретического и законодательного определения термина «должностное лицо» для всей правовой системы ставился еще в советский период, хотя и сейчас в юридической науке существует множество мнений по данному вопросу. Не вдаваясь в научную полемику по этой проблеме, хотелось бы отметить, что ряд государств–участников СНГ пошли по пути, когда термин «должностное лицо» и для уголовного кодекса и для кодекса об административных правонарушениях стал единым.

В-третьих, понятия «государственные должностные лица» и «лица, приравненные к государственным должностным лицам» введены и существуют только в национальной правовой системе. Само понятие «государственные должностные лица» и их перечень (абз. 3 ст. 1 Закона) построено не по классическим канонам отнесения должностных лиц к публично-правовому сектору управления (публичные должностные лица) и частноправовому сектору управления (должностные лица частного сектора администрирования). Так, к государственным должностным лицам отнесены и «лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей в государственных организациях и организациях, в уставных фондах которых 50 и более процентов долей (акций) находится в собственности государства и (или) его администрат-

ративно-территориальных единиц». В данном случае речь идет об организациях, не входящих в систему институтов (органов и учреждений), осуществляющих публичные полномочия государственной власти.

В-четвертых, анализ правоприменительной практики свидетельствует о наличии определенных трудностей при отнесении того или иного лица к категории государственных должностных лиц. Еще не единичны факты, когда работодатель относит определенные должности работников к категории государственных должностных лиц по признаку организационно-распорядительных либо административно-хозяйственных обязанностей (например, доцент кафедры учреждения высшего образования). Изучение должностных инструкций вышеуказанных лиц свидетельствует о том, что они фактически не наделены ни организационно-распорядительными, ни административно-хозяйственными обязанностями.

В-пятых, представляются спорными в Законе критерии разделения на «государственных должностных лиц» и «лиц, приравненных к государственным должностным лицам». Применительно к членам Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь (далее – члены Совета Республики) и депутатам местных Советов депутатов (далее – депутаты), то государственными должностными лицами признаются такие, которые осуществляют полномочия на профессиональной основе. Лицами, приравненными к государственным должностным лицам, считаются члены Совета Республики (депутаты), реализующие полномочия на непрофессиональной основе. Сравнивая полномочия этих лиц, мы обнаруживаем, что они одинаковы. Статус должностного лица зависит от уровня и круга его полномочий, а не от того, получает ли он за осуществление этих полномочий оплату труда или нет. В пользу отнесения членов Совета Республики и депутатов к категории государственных должностных лиц говорят и нормы Уголовного кодекса Республики Беларусь: все без исключения члены Совета Республики, депутаты имеют статус представителей власти. Очевидно, что представитель власти – государственное должностное лицо.

По нашему мнению, проблемным в Законе является отнесение заместителей руководителей местных Советов депутатов к числу государственных должностных лиц без учета того, на какой основе они

выполняют свои обязанности. Вряд ли обоснованно возлагать на заместителей, выполняющих обязанности по государственной должности на непрофессиональной основе, весь спектр запретов, установленных для таких лиц. Ведь обеспечение собственного содержания и семьи осуществляется ими за счет доходов от иной работы, в том числе от занятия предпринимательской деятельностью. Но ст. 17 Закона запрещает государственным должностным лицам заниматься предпринимательской деятельностью лично либо через иных лиц, а для приравненных к ним лицам подобный запрет не устанавливается.

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЙ «ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК» И «ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»

Колёско С. С.

Охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности в Республике Беларусь имеет определяющий характер в деятельности правоохранительных органов государства. Статья 1 Конституции Республики Беларусь определяет, что Республика Беларусь защищает свою независимость и территориальную целостность, конституционный строй, обеспечивает законность и правопорядок.

Правовое регулирование общественных отношений в сфере охраны общественного порядка и обеспечение безопасности определены следующими нормативными правовыми актами: Законами Республики Беларусь «О массовых мероприятиях в Республике Беларусь» (30.12.1997 г. № 114-З), «Об участии граждан в охране правопорядка» (26.06.2003 г. № 214-З), «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (17.07.2007 г. № 263-З), «О внутренних войсках Министерства внутренних дел республики Беларусь» (03.06.1993 г. № 2341-XII); Указами Президента Республики Беларусь «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» (09.11.2010 г. № 575), «О вопросах создания и применения системы видеонаблюдения в интересах обеспечения общественного порядка» (28.11.2013 г. № 527), «О республиканской системе мониторинга общественной безопасности» (25.05.2017 г. № 187), а также иными нормативными

правовыми актами в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности в Республике Беларусь.

Государственная политика в области обеспечения безопасности является частью внутренней и внешней политики и представляет собой совокупность скоординированных и объединенных единым замыслом политических, организационных, социально-экономических, военных, правовых, информационных, специальных и иных мер, реализуется государственными и местными органами власти. Наряду с этим в ее реализации участвуют также граждане и общественные объединения.

Деятельность по обеспечению безопасности включает в себя: 1) прогнозирование, выявление, анализ и оценку угроз безопасности; 2) определение основных направлений государственной политики; 3) правовое регулирование данной деятельности; 4) разработку и применение комплекса оперативных и долговременных мер по выявлению, предупреждению и устранению угроз безопасности, локализации и нейтрализации последствий их проявления; 5) применение специальных экономических мер; 6) разработку, производство и внедрение современных видов вооружения и специальной техники; 7) организацию научной деятельности; 8) координацию деятельности государственных и местных органов; 9) международное сотрудничество, а также осуществление других мероприятий в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

Согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, главным направлением государственной политики и национальными интересами в социальной сфере являются обеспечение общественной безопасности и безопасности жизнедеятельности населения, снижение уровня преступности и криминализации общества.

Объективными факторами, которые дают основания для вычленения общественной безопасности из общей сферы социальной безопасности, являются: многосторонность и своеобразие складывающихся в ней волевых отношений людей, которые проявляются в их поведении, действиях; наличие специальных правовых норм, регулирующих эти отношения; установление юридической ответственности за правонарушения, посягающие на общественную безопасность как социально-правовую категорию; существование специальных функций

по обеспечению общественной безопасности; государственных органов и иных субъектов, реализующих эти функции в установленных формах посредством закрепленных законодательством способов и методов. Поскольку общественная безопасность является одним из видов социальной безопасности, то она обладает признаками, присущими последней.

С учетом этого можно сформулировать следующее понятие общественной безопасности. Под общественной безопасностью как разновидностью социальной безопасности понимается урегулированная нормами права система общественных отношений, целями функционирования которой является обеспечение личного и имущественного спокойствия, безопасности, создание условий для реализации прав граждан, обеспечения функционирования государственных органов, организаций.

К основным угрозам общественной безопасности можно отнести: терроризм, экстремистскую деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленную на нарушение единства и территориальной целостности Республики Беларусь; преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических веществ; увеличение количества преступлений, совершенных под влиянием указанных веществ и алкогольных напитков; коррупцию; незаконную миграцию; ухудшение технического состояния объектов транспортной инфраструктуры, транспортных средств, гидротехнических сооружений; вероятность возникновения чрезвычайных ситуаций на особо важных государственных объектах, опасных производственных объектах и ряд других угроз.

Общественный порядок и общественная безопасность взаимосвязаны и взаимообусловлены, поскольку укрепление общественного порядка способствует повышению общественной безопасности. Содержанием общественного порядка является совокупность общественных отношений, образующая устойчивую систему за счет однородности поведения и мотивов.

Таким образом, общественный порядок – это система общественных отношений, закрепленная нормами права, морали и правилами общежития, определяющая права и обязанности участников этих от-

ношений, признанная обеспечить сохранность жизни, чести, достоинства граждан, охрану имущества, а также реализацию иных прав.

Средствами регулирования общественного порядка (сложившейся совокупности общественных отношений) являются нормы права, морали, обычаи, правила общежития. При этом подразумеваются как порядок действий, правила поведения субъектов общественных отношений, закрепленные действующими правовыми актами, так и правила поведения, действия, не закрепленные правовыми актами, регулируемые только моральными нормами, обычаями, правилами общежития, сложившимися в результате длительного сосуществования субъектов. Цели общественного порядка – сохранность и поддержание в неприкосновенности рассматриваемой упорядоченной системы общественных отношений.

Таким образом, понятия «общественный порядок» и «общественная безопасность» являются взаимосвязанными и дополняющими друг друга, которые чрезвычайно важны для устойчивого развития безопасности и защищенности любого государства от преступных и иных противоправных посягательств.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ АТТЕСТАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Мисюкевич И. С., Гришкут А. В.

Аттестация в Республике Беларусь является одним из способов оценки деятельности государственных служащих.

Действующее законодательство не содержит определения аттестации государственных служащих, однако в некоторых нормативных правовых актах можно найти определение аттестации применительно к той или иной сфере. Например, под аттестацией экспертов в области промышленной безопасности понимается процедура оценки профессиональной компетентности претендентов в форме аттестационного экзамена.

Непосредственно сам термин «аттестация» происходит от латинского слова attestatio «свидетельство, подтверждение». В юридиче-

ской литературе под аттестацией в самом широком значении этого слова понимают определение квалификации: оценку знаний, способностей, достижений, успехов в работе, учебе, проведенную должностными лицами. Аттестация государственного служащего, в свою очередь, является государственной аттестацией, которая проводится аттестационной комиссией и утверждается государственным органом, т.е. государством.

Аттестация как способ оценки деятельности различных работников, в том числе и служащих государственного аппарата, на территории республики появилась относительно недавно – с принятием совместного постановления ЦК КПСС, Президиума ВС СССР, Совмина СССР, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ от 05.03.1987 г. № 291. Указанным постановлением было одобрено Примерное положение о порядке проведения аттестации ответственных работников аппарата советских и общественных органов.

После провозглашения независимости в Беларуси институт аттестации был закреплен в Законе Республики Беларусь от 23.11.1993 г. № 2581-XII «Об основах службы в государственном аппарате» (далее – Закон об основах службы в государственном аппарате). Порядок проведения аттестации был определен в Положении об аттестации служащих государственного аппарата, утвержденном постановлением Государственного комитета Республики Беларусь по труду и социальной защите населения от 31.01.1994 г. № 18.

В настоящее время аттестация государственных служащих осуществляется в соответствии со ст. 36 Закона Республики Беларусь от 14.06.2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь» (далее – Закон о государственной службе). Так, согласно п. 1 ст. 36 Закона о государственной службе целями аттестации является определение объективной оценки практической деятельности, уровня профессиональных знаний, правовой культуры и служебной перспективы государственных служащих. Следует отметить, что по сравнению с положениями Закона о службе в государственном аппарате цели проведения аттестации практически не изменились, за исключением того, что ранее аттестация осуществлялась в том числе и для оценки способности служащих государственного аппарата работы с людьми.

Однако в юридической литературе такое определение цели аттестации подвергается критике. Например, О.И. Чуприс, проводя анализ нормативных предписаний об аттестации государственных служащих, приходит к выводу о том, что «четкого определения единого назначения аттестации, которое выражается в ее цели, в настоящее время не установлено». Ею же вносится и предложение относительно корректировки цели аттестации государственных служащих: «Представляется, что общей целью проведения аттестации является совершенствование системы подбора и расстановки кадров для успешного решения задач государственной службы…».

Как уже упоминалось выше, целью аттестации является определение объективной оценки практической деятельности, уровня профессиональных знаний, правовой культуры и служебной перспективы государственных служащих. Вместе с тем ни в Законе о государственной службе, ни в Положении о проведении аттестации, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 06.11.2003 г. № 489 (далее – Положение о проведении аттестации) конкретно не определены методы, которые можно использовать для оценки указанных качеств государственной служащих. Однако если исходить из закрепленных в п. 10 Положения о проведении аттестации прав аттестационной комиссии, можно сделать вывод о том, что основной формой проведения аттестации в Республике Беларусь является собеседование. Также при необходимости аттестационная комиссия вправе проводить тестирование. Полагаем, что использование только такой формы проведения аттестации государственных служащих как собеседование является неэффективным, поскольку по одному только собеседованию нельзя в полной мере оценить деятельность аттестуемого государственного служащего, в результате чего процедура аттестации является достаточно формальной.

В настоящее время в мировой практике помимо собеседования существует ряд методов оценки деятельности государственных служащих: тестирование, анкетирование, выполнение каких-либо письменных заданий (написание реферата или эссе), система оценки «360 градусов», самооценка и т.д., которые целесообразно использовать при аттестации государственных в Беларуси. На наш взгляд, для достаточно эффективной оценки государственного служащего при проведении

аттестации кроме собеседования следует в обязательном порядке проводить различные тестирования, а также активно использовать анкетирование. В анкете аттестуемый государственный служащий может указать свое отношение к работе, достигнутые результаты, а также свои предложения по совершенствованию не только своей работы, но и деятельности государственного органа или организации, в которой он работает. Тестирование является наиболее качественным и объективным способом оценивания государственных служащих, его объективность достигается путем стандартизации процедуры проведения. Это более объемный инструмент, включающий в себя задания по многим областям, что позволяет установить уровень знаний, умений и навыков гражданского служащего, как в целом, так и по отдельным направлениям. В то же время тест не позволяет проверить и оценить высокие, продуктивные уровни знаний, связанные с творчеством, то есть вероятностные, абстрактные и методологические знания.

В п. 11 Квалификационного справочника «Государственные должности государственных служащих», утвержденного постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 24.10.2003 г. № 135, перечислены правовые акты, методы и средства, которые государственный служащий должен уметь применять при выполнении должностных обязанностей. В частности, государственный служащий должен знать Конституцию Республики Беларусь; законодательство о государственной службе; основы теории и практики управления, социально-психологические аспекты управления, особенности управленческого труда, действующую структуру государственных органов в республике, регионе; основы идеологии белорусского государства; государственные языки Республики Беларусь; законодательство, регламентирующее и (или) регулирующее соответствующую сферу деятельности и т.д. Полагаем, что путем проведения тестирования можно достаточно эффективно оценить уровень профессиональных знаний аттестуемого государственного служащего в указанных сферах.

Таким образом, считаем целесообразным до заседания аттестационной комиссии в обязательном порядке проводить тестирование государственных служащих на определение их уровня знаний законодательных актов, организационно-распорядительных, других руково-

дящих и нормативных документов, методов и средств, которые государственный служащий должен уметь применять при выполнении должностных обязанностей. Результаты такого тестирования должны учитываться аттестационной комиссией при принятии окончательного решения по итогам аттестации государственного служащего.

ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК УЧАСТНИКА БЮДЖЕТНОГО ПРОЦЕССА

Пустовая Н. П., Насонова И. В.

В разделе 6 «Участники бюджетного процесса и их полномочия» Бюджетного кодекса Республики Беларусь дан перечень участников бюджетного процесса и полномочия лишь распорядителей и получателей бюджетных средств, в том числе бюджетных организаций. Таким образом, в разделе 6 отсутствует правовое регулирование полномочий иных участников бюджетного процесса, среди которых органы Комитета государственного контроля Республики Беларусь. Предлагаем изучить полномочия органов Комитета государственного контроля Республики Беларусь в бюджетном процессе.

Комитет государственного контроля является государственным органом, осуществляющим государственный контроль за исполнением республиканского бюджета, использованием государственной собственности, исполнением актов Президента Республики Беларусь, Парламента Республики Беларусь, Правительства Республики Беларусь и других государственных органов, регулирующих отношения государственной собственности, хозяйственные, финансовые и налоговые отношения, а также по иным вопросам в соответствии с законами и решениями Президента Республики Беларусь.

На органы Комитета государственного контроля Республики Беларусь возложена важнейшая задача по осуществлению государственного контроля за эффективным и рациональным использованием организациями и индивидуальными предпринимателями бюджетных средств и государственной собственности, а также задачи в сфере отношений с государственной собственностью, хозяйственных, финан-

совых и налоговых отношениях, прямо либо косвенно связанные с качеством осуществления бюджетного процесса, полнотой реализации принципов эффективности использования бюджетных средств, достоверности бюджетов, адресности и целевым назначением бюджетных средств, ответственности участников бюджетного процесса и некоторых других принципов бюджетной системы Республики Беларусь.

Анализ задач и функций Комитета государственного контроля и его территориальных органов в сфере бюджетных правоотношений, урегулированных законодательством о Комитете государственного контроля, позволяет конкретизировать полномочия Комитета государственного контроля и его территориальных органов, в общем виде представленных в ст. 126 «Полномочия органов Комитета государственного контроля Республики Беларусь» Бюджетного кодекса Республики Беларусь. Это функции по контролю за исполнением республиканского и местных бюджетов (включая государственные целевые бюджетные фонды), бюджетов государственных внебюджетных и инновационных фондов, а также проведение в установленном порядке проверки отчета об исполнении республиканского бюджета за отчетный финансовый год и другие.

В соответствии со ст. 126 Бюджетного кодекса Республики Беларусь к полномочиям органов Комитета государственного контроля Республики Беларусь по контролю за соблюдением бюджетного законодательства относится осуществление контроля за: исполнением доходных и расходных частей республиканского бюджета и местных бюджетов, бюджетов государственных внебюджетных фондов; своевременностью и полнотой поступления доходов, целевым и эффективным расходованием средств республиканского бюджета и местных бюджетов, бюджетов государственных внебюджетных фондов; соблюдением других норм бюджетного законодательства.

Целесообразно изложить следующие правомочия органов Комитета государственного контроля Республики Беларусь как участника бюджетного процесса:

1) выносить государственным органам, иным организациям (их работникам) и другим гражданам обязательные для исполнения в установленный Комитетом государственного контроля, комитетами го-

сударственного контроля областей срок решения (предписания, постановления):

– об уплате в республиканский и (или) местный бюджеты невнесенных налогов, сборов (пошлин) и других обязательных платежей;

– о возмещении (взыскании) в республиканский и (или) местный бюджеты, государственные внебюджетные и инновационные фонды в бесспорном порядке средств, незаконно полученных либо использованных не по целевому назначению и (или) с нарушением законодательства;

– о приостановлении и (или) ограничении финансирования расходов за счет бюджетных средств в случае несоблюдения их получателями бюджетного законодательства;

– о приостановлении операций по текущим (расчетным) и иным банковским счетам в случае необходимости обеспечения взыскания штрафов, налагаемых органами Комитета государственного контроля;

– непредставления органам Комитета государственного контроля в установленный законодательством или органами Комитета государственного контроля срок специальных разрешений (лицензий) на осуществление отдельных видов деятельности (далее – специальное разрешение (лицензия) и других предусмотренных законодательством документов либо представления документов, содержащих недостоверную информацию о деятельности государственного органа, иной организации, индивидуального предпринимателя, начислении и уплате налогов, сборов (пошлин) и других обязательных платежей в республиканский и (или) местный бюджеты, об осуществлении внешнеторговой деятельности;

– отказа в допуске работников органов Комитета государственного контроля к проверке;

– установления фактов сокрытия прибыли (дохода) или иных объектов налогообложения;

– отсутствия предусмотренных законодательством документов о государственной регистрации юридического лица или индивидуального предпринимателя;

– о наложении ареста на денежные средства, товары и иное имущество организаций и граждан в случае невыполнения ими обязанностей по уплате налогов, сборов (пошлин) и других обязательных

платежей в республиканский и (или) местный бюджеты и в иных случаях, предусмотренных законодательными актами (за исключением имущества, на которое в соответствии с законодательными актами не может быть обращено взыскание), и (или) об изъятии имущества, которое является предметом нарушения законодательства либо орудием и средством совершения нарушения законодательства;

2) направлять в установленном порядке для исполнения в Министерство финансов Республики Беларусь, его территориальные органы, местные финансовые органы предписания Комитета государственного контроля, комитетов государственного контроля областей о приостановлении и (или) ограничении финансирования расходов за счет бюджетных средств в случае несоблюдения их получателями бюджетного законодательства;

3) направлять для исполнения в налоговые органы вынесенные в установленном порядке решения Комитета государственного контроля, комитетов государственного контроля областей о взыскании налогов, сборов (пошлин) и других обязательных платежей в республиканский и (или) местный бюджеты; осуществлять иные полномочия, предусмотренные законодательством Республики Беларусь.

Итоги исследования позволяют внести следующие предложения: дополнить раздел 6 Бюджетного кодекса Республики Беларусь «Участники бюджетного процесса и их полномочия» статьей «Правомочия органов Комитета государственного контроля Республики Беларусь в бюджетном процессе» вышеозначенного содержания. Реализация этих предложений будет способствовать совершенствованию отношений в сфере бюджетного процесса.

ОГРАНИЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Рутковская Я. Ю.

Исходя из общепринятых норм международного права свобода совести может быть подвергнута определенным ограничениям, которые, прежде всего, должны быть вызваны необходимостью содейство-

вать защите общественной безопасности и порядка, здоровья, нравственности, фундаментальных прав и свобод других лиц. Ограничение должно быть предусмотрено законом и, наконец, фактически оправданным, то есть быть объективно обусловленным. Действующее национальное законодательство, а именно Закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» (далее – Закон) содержит ряд таких ограничений.

Прежде всего, следует отметить, что эффективность деятельности религиозных организаций во многом зависит от законодательного закрепления порядка их учреждения, регистрации и ликвидации. Религиозные общины в Республике Беларусь образуются по инициативе не менее двадцати граждан, достигших восемнадцати лет, постоянно проживающих в одном или нескольких населенных пунктах, имеющих смежные территориальные пределы (ст. 14 Закона). Религиозные объединения образуются при наличии не менее десяти религиозных общин единого вероисповедания, хотя бы одна из которых осуществляет деятельность на территории Республики Беларусь на протяжении не менее двадцати лет (ст.15 Закона).

Законодательное установление государственной регистрации религиозной общины в качестве обязательного условия реализации права граждан на совместное исповедание религии устанавливается в целях охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, основных прав и свобод других лиц. Также такая охрана обеспечивается при помощи норм уголовного, административного, гражданского законодательства.

Обратим внимание на то, что прогрессивной является норма о возможности обжалования в судебном порядке отказа, а также уклонения регистрирующего органа от государственной регистрации религиозной организации. К тому же, запрещается необоснованный отказ в регистрации.

В ст. 29 Закона закреплены положения, касающиеся международного сотрудничества религиозных организаций. В частности, религиозные объединения вправе устанавливать и поддерживать международные связи в форме приглашения для уставных целей иностранных граждан и лиц без гражданства.

Для иностранных граждан предусмотрен срок занятия религиозной деятельностью в Республике Беларусь – 1 год; который может быть продлен или прекращен в соответствии с законодательством. Положение о порядке приглашения иностранных граждан и лиц без гражданства в Республику Беларусь в целях занятия религиозной деятельностью утверждено постановлением Совета Министров от 30.01.2008 г. № 123. Положение содержит следующие основания для отказа в согласовании приглашения иностранца для осуществления религиозной деятельности:

– отсутствие необходимости для приглашения иностранца;

– сведения, содержащиеся в представленных документах, недостоверны, в том числе уровень владения иностранцем одним из государственных языков не позволяет осуществлять ему религиозную деятельность;

– во время своего прежнего пребывания в Республике Беларусь иностранец неоднократно (два и более раз) в течение одного года привлекался к административной ответственности либо включен в список лиц, въезд которых на территорию Республики Беларусь запрещен или нежелателен;

– по иным основаниям, предусмотренным законодательством Республики Беларусь.

Как видим, перечень оснований является открытым. Требует внимания тот факт, что в решении об отказе нельзя указывать конкретное основание из п. 15 Положения.

Действующий Закон не предусматривает возможность осуществления религиозной деятельности в нашей стране иностранными религиозными организациями. При этом ст. 193 Уголовного кодекса Республики Беларусь определяет противоправные действия религиозной организации, не прошедшей в установленном порядке государственную регистрацию, как квалифицирующий признак преступления. Под государственной регистрацией в данной статье не может пониматься регистрация органами иностранного государства, так как религиозные организации, регистрируются в порядке, установленном Законом и органами, уполномоченными тем же Законом.

Таким образом, есть основания утверждать, что в Беларуси созданы правовые и организационные условия для реализации граждана-

ми своих прав на свободу совести. Вместе с тем данное утверждение не означает, что национальное законодательство лишено недостатков и не требует постоянного обновления и совершенствования. Стоит также отметить, что религиозные объединения со своей стороны должны уважать и соблюдать правовые нормы, обеспечивающие их равенство между собой и перед лицом государства. На современном этапе ограничивающие положения законодательства оправданы уровнем правовой культуры соответствующих субъектов.

О ДИФФЕРЕНЦАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДОЛЖНОСТЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Савкова А. С., Герцманович И. Ю.

Государственная служба – один из основных институтов современного государства. От эффективности его функционирования во многом зависит эффективность функционирования государства в политической, экономической и социальной сферах.

Анализ работ по вопросам теории государственной службы (Н.Б. Антонова, А.С. Архиреева, Г.В. Атаманчук, Д.Н. Бахрах, Н.В. Казанцев, С.Н. Князев, Д.М. Овсянко) позволяет выделить следующие отличительные черты и характеристики государственной службы как публично-правового института:

– действует преимущественно в рамках публичного права;

– является разновидностью профессиональной деятельности;

– выступает в роли общественно-полезной деятельности;

– направлена на реализацию задач и функций различных государственных органов;

– выполняет связующую роль между государством и обществом.

Данные отличительные признаки характерны и для института государственной службы Республики Беларусь. Закон от 14.06.2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь» (далее – Закон о государственной службе) устанавливает, что под государственной службой понимается «профессиональная деятельность лиц,

занимающих государственные должности, осуществляемая в целях непосредственной реализации государственно-властных полномочий и (или) обеспечения выполнения функций государственных органов».

Под государственной должностью в Республике Беларусь понимается должность, предусмотренная Конституцией Республики Беларусь, Законом о государственной службе и иными законодательными актами, либо должность, учрежденная в установленном законодательством порядке как штатная единица государственного органа с определенным для занимающего ее лица кругом обязанностей по исполнению и обеспечению полномочий данного государственного органа.

Согласно п. 1 ст. 7 Закона о государственной службе к государственным служащим в Республике Беларусь относят тех, кто занимает государственные должности в Палате представителей и Совете Республики Беларусь Национального собрания Республики Беларусь, Правительстве Республики Беларусь, Администрации Президента Республики Беларусь и т.д. Следует отметить, что все государственные должности в Республике Беларусь относятся к единой государственной службе.

Во многих странах государственные должности делятся на две категории:

– политические должности, связанные с осуществлением политических функций, на которые действие законов о государственной службе не распространяется. Замещение политических должностей осуществляется путем избрания либо же назначения на них непосредственно теми, кто занимает выборные должности. Решения данной группы должностных лиц носят политический характер, оказывают влияние либо на государственную политику в целом, либо на отдельные области жизнедеятельности общества, либо на какую-либо конкретную административно-территориальную единицу. Кроме того, специфика политических должностей в большинстве случаев заключается в возможности непосредственно принимать и утверждать нормативные правовые акты государства;

– административные должности (собственно должности государственной службы). Задача административных государственных служащих состоит в исполнении политических решений. На admini-

стративные должности, в отличие от политических, исключительно назначают. Таковое назначение происходит лицами, занимающими вышестоящие административные должности, или вышестоящими органами государственного управления.

Так, в Республике Казахстан административные государственные служащие – это государственные служащие, осуществляющие свою деятельность на постоянной профессиональной основе, за исключением случаев, предусмотренных национальным законодательством. Политические государственные служащие – это государственные служащие, назначение (избрание), освобождение и деятельность которых носят политико-определяющий характер, которые несут ответственность за реализацию политических целей и задач.

В Федеративной Республике Германия не относятся к государственным служащим федеральные министры. Их деятельность регулируется публичным правом, они принимают политические решения.

В Республике Польша также существует градация государственных должностей на политические и административные должности государственной службы. Так, например, должности министра и его заместителей относятся к политическим должностям. Остальные должности в министерствах относят к административным должностям.

Таким образом, на наш взгляд подобное разделение государственных должностей следует реализовать и в Республике Беларусь, поскольку подобное разделение позволит государственной службе более эффективно выполнять связующую роль между государством и обществом, обеспечивает реализацию принципов открытости и прозрачности государственной службы.

ИНСТИТУТ РОТАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ КАК МЕХАНИЗМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Семенчук Д. С.

В настоящее время важное функциональное значение приобретают вопросы престижа государственной службы, поскольку именно государственная служба должна быть ориентирована на обеспечение

прав и законных интересов граждан своей страны. От престижа и авторитета государственной власти во многом зависит доверие населения к органам государственного управления, а также развитие государства в целом. Непосредственно авторитет государственной власти зависит от государственных служащих, т.к. они являются реальными проводниками идей государства на практике. Однако коррупция сегодня является одним из факторов, которые негативно влияют на престиж государственной службы и в целом на доверие граждан к государственной власти.

Например, в Соединенных Штатах Америки, сам престиж государственной службы служит непосредственным ограничителем коррупции. Предполагается, что люди, занимающие высокие посты, соответствуют тем высоким этическим стандартам, которые были заданы выдающимся американскими политическими деятелями прошлого. Их пример – ориентир для всех сотрудников администрации.

В Республике Беларусь за последние годы согласно данным Transparency International наблюдается улучшение ситуации с коррумпированностью государственного сектора. Однако утверждать, что проблем с коррупцией в государстве в настоящее время не имеется нельзя, о чем свидетельствует ряд судебных приговоров, вынесенных в отношении государственных служащих, в том числе занимавших ответственное положение. В этой связи в республике должна продолжиться работа по дальнейшему искоренению коррупции из государственной власти, повышению престижа государственной службы и формированию такого аппарата государственных служащих, которые будут воспринимать занятие государственной должности как возможность служения государству, а не как механизм собственного обогащения.

Республика Беларусь как государство-участник Конвенции ООН против коррупции должна проводить эффективную и скоординированную политику противодействия коррупции, способствующую участию общества и отражающую принципы правопорядка, надлежащего управления публичными делами и публичным имуществом, честности и неподкупности, прозрачности и ответственности. В ст. 7 указанной Конвенции закреплена необходимость стремления государств-участников к созданию, поддерживанию и укреплению систем приема

на работу, набора, прохождения службы, продвижения по службе и выхода в отставку гражданских служащих и в надлежащих случаях других неизбираемых публичных должностных лиц. По этой причине важную роль для выполнения данных задач должны играть кадровые технологии, которые направлены на повышение квалификации кадров государственной службы, развитие кадрового потенциала и предотвращение коррупционных проявлений. Поэтому при формировании кадрового аппарата государственной власти его основу должны составлять специалисты, которые в современных условиях смогут использовать эффективные методы работы и технологии государственного управления. Полагаем, что одним из таких механизмов, способных оказать влияние на развитие кадрового потенциала, является ротация государственных служащих, т.е. перемещение кадров на иную равноценную должность.

За последние годы в зарубежных странах сложилась динамичная система ротации кадров. Ротация позволяет осуществлять перестановку кадров внутри государственной службы и за ее пределами. Данная система дополняет и обогащает практику выдвижения кадров, способствует их профессиональному и служебному росту. В зарубежной литературе отмечается, что в настоящее время мобильность кадров недостаточна, хотя она является обогащающим фактором и явно необходима. Вместе с тем в законодательстве Республики Беларусь о государственной службе не закреплено положений, касающихся ротации государственных служащих.

В то же время в Российской Федерации институт ротации государственных служащих действует с 1 января 2013 г., при этом положение о признании ротации в качестве одного из приоритетных направлений формирования кадрового состава гражданской службы было закреплено еще в 2004 г. Основными целями ротации в соответствии с ч. 1 ст. 60.1 Федерального закона от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» являются повышение эффективности гражданской службы и противодействие коррупции, и на этой основе построение целостной системы государственной службы. Под ротацией государственных служащих понимается назначение государственного служащего на иную должность гражданской службы, в том же или в другом федеральном органе испол-

нительной власти с учетом уровня его квалификации, профессионального образования и стажа государственной службы или стажа работы (службы) по специальности. Необходимо отметить, что ротация государственных служащих не является мерой поощрения или видом дисциплинарного взыскания.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что ротация нацелена на формирование кадрового состава специалистов, которые подбираются по их деловым качествам на основе горизонтального перемещения, что влечет за собой разрушение коррупционных сетей. Таким образом, в целях противодействия коррупции, развития профессионального уровня государственных служащих, стимулирования их антикоррупционного поведения, и, как следствие этого, повышение престижа государственной службы, полагаем необходимым введение и законодательное закрепление в Республике Беларусь института ротации государственных служащих.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО

Сеножацкая Е. И.

Эффективность работы государственного служащего, его поведенческие стереотипы, ориентация на активное участие в разрешении управленческих задач с позиции создания в нашей стране правового, демократического и социального государства в значительной мере определяются его правовой культурой. Высокая правовая культура государственного служащего – это необходимая предпосылка для реализации им функций, предписанных государством. В научной литературе достаточно глубоко исследованы базовые аспекты социально-правового статуса и нормативной модели государственного служащего. Ученые имеют достаточно четкое представление о месте государственного служащего в обществе и государстве, ими даны ответы и на вопросы о том, каким он должен быть, что представляет собой государственная служба как профессия, каковы ее особенности, для кого и при каких условиях она становится призванием.

Профессия «государственный служащий» принадлежит к коммуникативным профессиям. Как показывают исследования деятельности государственных служащих, «более 50 % рабочего времени у них приходится на коммуникацию». Н.Р. Нижник уточняет: «80 % своего рабочего времени управленцы тратят на вербальную коммуникацию». Через канал государственной службы изучается общественное мнение, отношение граждан к различным государственным актам, реализуется политика государства, учитываются местные, региональные особенности при ее проведении. Этим предопределяется ведущее значение высоких количественных и качественных показателей культуры профессионального общения в деятельности государственных служащих.

Государственный служащий – это не только чиновник, у которого должна быть сформирована правовая культура, но и тот, кто сам формирует правовую культуру у граждан. При этом нельзя отождествлять уровень правовой культуры с объемом правовых знаний государственного служащего, правовая культура более широкое понятие, включающее в себя всю совокупность правовых и нравственных ценностей, которого придерживается государственный служащий. В правовой культуре закрепляется взаимосвязь между правовым и нравственным. Нравственность служит исходной точкой для формирования правовых оценок. Моделирование правовой культуры в отрыве от нравственных ценностей бессмысленно.

Все исследования, посвященные данной тематике, можно условно разделить на три группы. К первой группе относятся труды отечественных и зарубежных ученых по проблемам культуры: Д. Берри, П.С. Гуревича, П. Дассена, А. Кребера, Э.С. Маркаряна, Ю.М. Резника, П.А. Сорокина и др. Ими были разработаны подходы к изучению культуры, а также виды культуры (культура мегасистем, культура макросистем, культура микросистем и культура личности). Ко второй группе относятся работы А.Г. Павицкой, А.Ю. Скудновой, А.И. Кравченко, Н.С. Сидоренко, Б.С. Хохрякова и др., предметом которых является профессиональная культура, вообще и профессиональная культура государственных служащих в частности. Третья группа представлена исследованиями культуры общения и коммуникативной культуры, осуществленными И.Л. Береговой, А.В. Мудриком, Н.Н. Обозовым, Е.О. Шишовой, Т.К. Чмут и др. В работах большинства авторов

сделан вывод о том, что главная функция по формированию правовой культуры государственных служащих должна быть отведена государству. Именно государство призвано определить правовой статус государственных служащих таким образом, чтобы их работа, с одной стороны, приносила максимальную пользу обществу и государству, а с другой, была уважаема гражданами.

Правовая культура государственных служащих отражает национальную самобытность. Государственный служащий во всех случаях действует как представитель государственной власти, носитель государственной воли и государственных функций. Наделенный государством определенным кругом полномочий государственный служащий преломляет стоящие перед ним задачи через призму своего личного опыта и личных пристрастий. Работа государственного служащего отличается от деятельности многих других работников тем, что он должен отдавать приоритет тому, что, в первую очередь, соответствует интересам общества, защиты прав человека, целям государства. В то же время государственный служащий не может отказаться от собственных интересов, поэтому он, как никто другой, должен гармонизировать их с интересами государства.

При изучении правовой культуры государственных служащих особое внимание следует обратить на роль общечеловеческого и национального компонента в структуре государственной службы. Профессиональная этика государственных служащих обусловлена как моралью самого общества, так и сущностью государственного управления. Профессиональная этика государственного служащего предполагает честное и добросовестное исполнение им своих обязанностей, справедливое отношение к подчиненным, сочетание взыскательности и контроля с доверием, создание оптимального «микроклимата» в коллективах. Государственные служащие призваны ориентировать и организовывать граждан с целью избежать нанесения ими вреда собственным интересам из-за неосведомленности, незнания закона. Усиление гласности, демократических начал должно усилить правовую культуру.

Можно сделать вывод о том, что правовой статус государственных служащих в законодательном плане урегулирован и может являться базой для совершенствования их правовой культуры. Без пра-

вовой культуры идеалы современного государства не реализуемы. В таком государстве резко возрастает роль правовой культуры государственного служащего. Государственный служащий одновременно и организатор и участник систем распределения социальных услуг, но также находится под контролем народа. Без широкого участия народа, без формирования у граждан высокой правовой культуры невозможно решить задачи социального государства.

РАЗЛИЧИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВИЛ ПОГРАНИЧНОГО РЕЖИМА НА ТЕРРИТОРИЯХ ПОГРАНИЧНОЙ ЗОНЫ И ПОГРАНИЧНОЙ ПОЛОСЫ

Сергеев И. А.

Пограничная зона имеет общий административно-правовой режим с пограничной полосой, которая является составной частью пограничной зоны, но при этом имеет отличные от пограничной полосы порядок установления, въезда (входа), временного пребывания, учета, содержания, плавания и нахождения водных судов, содержания и использования механических транспортных средств, не подлежащих эксплуатации на дорогах, плавучих объектов и летательных аппаратов, а также порядок осуществления хозяйственной и иной деятельности. Различия в этих понятиях состоят в следующем.

1. Пограничная зона устанавливается тем же нормативным правовым актом, что и пограничная полоса, но пограничная зона устанавливается по предложениям Государственного пограничного комитета Республики Беларусь, а пограничная полоса по предложениям уполномоченных должностных лиц органов пограничной службы, то есть пределы пограничной полосы могут быть установлены без участия республиканских органов государственного управления.

2. Основанием для въезда (входа), временного пребывания на территории пограничной зоны для граждан Республики Беларусь является документ, удостоверяющий личность, для иностранных граждан и лиц без гражданства – документ, действительный для выезда за границу и пропуск, выдаваемый органами пограничной службы. Основанием для въезда (входа), временного пребывания на территории погра-

ничной полосы для всех граждан и лиц без гражданства является документ, удостоверяющий личность и пропуск, выдаваемый органами пограничной службы, имеющий форму, отличную от формы пропуска, выдаваемого для въезда в пограничную зону. Получение пропусков в пограничную зону и пропусков в пограничную полосу является административными процедурами, которые также отличаются по содержанию, формам документов, порядку подачи и получения пропусков.

3. Использование в пограничной зоне механических транспортных средств, не подлежащих эксплуатации на дорогах, а также плавучих объектов осуществляется в светлое время суток, то есть в период времени, который начинается с восходом солнца и заканчивается с его заходом. Физическим лицам, использующим в пограничной зоне механические транспортные средства, не подлежащие эксплуатации на дорогах, а также плавучие объекты, необходимо иметь при себе и предъявлять по требованию уполномоченных должностных лиц органов пограничной службы и органов внутренних дел документы, на право пребывания в пограничной зоне, а также давать необходимые разъяснения по поводу нахождения в пограничной зоне. В пределах пограничной зоны не допускается оставлять механические транспортные средства, не подлежащие эксплуатации на дорогах, вне населенных пунктов, расположенных в пограничной зоне, без уведомления ближайшего подразделения органов пограничной службы. В пределах пограничной полосы содержание и использование механических транспортных средств, не подлежащих эксплуатации на дорогах, а также плавучих объектов, за исключением таких средств и объектов, принадлежащих органам пограничной службы, иным государственным органам и организациям, используемых при выполнении возложенных на них задач, не допускается.

4. Деятельность, связанная с пользованием и (или) владением устройств для полетов в атмосфере Земли, летательных аппаратов, не допускается:

– в пограничной полосе, кроме содержания летательных аппаратов, используемых в интересах органов пограничной службы, иных государственных органов и организаций при выполнении возложенных на них задач, а также в иных случаях, предусмотренных законодательством Республики Беларусь;

– в пределах пограничной зоны – летательных аппаратов, подлежащих государственной регистрации и не зарегистрированных в установленном порядке в соответствующем государственном реестре воздушных судов.

Кроме того, физическим и юридическим лицам, осуществляющим деятельность по содержанию, а также выполнению полетов летательных аппаратов, определен уведомительный принцип их использования в пределах пограничной зоны.

5. Осуществление хозяйственной деятельности в пограничной зоне не регулируется законодательством Республики Беларусь о государственной границе, а в пограничной полосе – определяется Правительством Республики Беларусь и осуществляется путем проведения административной процедуры по получению разрешения на осуществление хозяйственной и иной деятельности в пограничной полосе.

Кроме того, пограничный режим предусматривает дополнительные ограничения и наделяет обязанностями лиц, пребывающих на территории пограничной полосы. Охота в пограничной полосе запрещена. Нахождение в пограничной полосе в темное время суток запрещается, кроме случаев, определяемых Государственным пограничным комитетом Республики Беларусь. Юридические лица, осуществляющие в пограничной полосе хозяйственную и иную деятельность, оборудуют и дороги и тропы, используемые этими юридическими лицами в такой деятельности. Юридические и физические лица обязаны заблаговременно устно информировать ближайший территориальный орган пограничной службы или его подразделение о месте, времени и характере хозяйственной и иной деятельности, запланированной к осуществлению в пограничной полосе. Руководители юридических лиц обязаны обеспечивать соблюдение работниками установленных правил пограничного режима и режима Государственной границы республики. Юридические и физические лица обязаны в установленном порядке оборудовать в пограничной полосе пристани, причалы, пункты базирования и обеспечивать их охрану.

Хозяйственная и иная деятельность в пограничной полосе, в том числе в расположенных в ней пограничных водных объектах и иных поверхностных водных объектах, принадлежащих Республике Беларусь, после получения разрешения на ее осуществление производится

по согласованию с уполномоченными должностными лицами соответствующего территориального органа пограничной службы.

В целях охраны территории Республики Беларусь от угрозы распространения опасных инфекционных заболеваний животных в пределах пограничной полосы вдоль Государственной границы устанавливается профилактическая полоса шириной 100 метров, на которой запрещаются выпас и содержание скота. Юридическими лицами выпас скота осуществляется в пограничной полосе в специально отведенных для этого местах при благоприятной эпизоотической обстановке, при этом они обязаны огораживать территории используемых пастбищ и принимать иные меры, исключающие выход животных за пределы пастбищ.

Исходя из анализа отличий реализации правил пограничного режима на территории пограничной зоны и пограничной полосы можно сделать вывод, что по общим признакам один и тот же административно-правовой режим является более жестким для лиц, пребывающих в пограничной полосе.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ РОЛЬ БАНКОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Станкевич О. Г., Ходосовский А. В.

Стремительное развитие общественных отношений, усложнение параметров экономических и иных социальных процессов требуют от государства своевременной и адекватной реакции не только в контексте либерализации национального законодательства, но и в плане эффективного контроля в целях обеспечения национальной безопасности. В этой связи обратим внимание на значительный правоохранительный потенциал банковской деятельности, который обусловлен, прежде всего, техническими возможностями осуществления банками контроля за денежными потоками на предмет соответствия многообразных расчетных операций законодательству.

Являясь центром оборота денежных средств как отдельного субъекта хозяйствования или гражданина, так и экономики страны в целом, банк непосредственно включен в экономическую жизнь со все-

ми вытекающими из этого факта экономическими и правовыми последствиями. Особое положение банка как неотъемлемого элемента экономической инфраструктуры предполагает выполнение им не только функций, присущих финансово-кредитной организации (депозитная, кредитная, расчетная), но и публичных функций агента государственного финансового контроля. Так, налоговое, бюджетное, валютное законодательство Республики Беларусь закрепляет соответствующие обязанности банков, исполнение которых обусловлено целями финансовой политики государства, публичными интересами финансовой безопасности.

Одной из приоритетных задач финансовой политики государства на современном этапе развития является повышение эффективности борьбы с легализацией теневых доходов, что, в свою очередь, предполагает усиление государственного контроля в сфере экономики в целом и в финансовой сфере в частности.

В процессе контроля, осуществляемого в рамках предотвращения легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования террористической деятельности особая роль принадлежит именно банкам. Этот факт и лег в основу закрепления полномочий банков и ограничений, налагаемых на банки, в Законе Республики Беларусь «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения» от 30.06.2014 г. № 165-З.

Так, согласно ст. 6 Закона, банки вправе отказать клиенту в осуществлении финансовой операции (за исключением поступления денежных средств), если финансовая операция отвечает критериям выявления и признакам подозрительных финансовых операций, которые могут являться согласно правилам внутреннего контроля банка основанием для отказа в ее осуществлении; приостановить финансовую операцию; отказаться в одностороннем порядке от исполнения договора на осуществление финансовых операций; отказать в подключении клиента к системе дистанционного банковского обслуживания, в одностороннем порядке прекратить или приостановить оказание услуг посредством такой системы; отказать клиенту в осуществлении финансовой операции, если имеется информация о причастности бан-

ка, в том числе банка-нерезидента, в котором открыт счет получателя денежных средств, либо получателя денежных средств к незаконным финансовым операциям или применении к ним санкций.

Коммерческие банки самостоятельно в дополнение к требованиям законодательства Республики Беларусь, основываясь на рекомендациях Базельского комитета по банковскому надзору, Всеобщих директивах по противодействию отмыванию доходов в частном банковском секторе (Вольфсбергские принципы), рекомендациях FATF, разрабатывают собственную политику по противодействию легализации преступных доходов и финансирования терроризма. К примеру, на официальном сайте открытого акционерного общества ОАО «Белинвестбанк» изложена Политика банка по ПОД/ФТ, которая подробным образом описывает деятельность банка и его работников в данной области.

Необходимо отметить, что в соответствии с Договором государств-участников Содружества Независимых Государств о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма, вступившим в силу для Республики Беларусь 23.09.2008 г., стороны принимают нормативные правовые акты, в соответствии с которыми банковская и (или) коммерческая тайна не является препятствием для получения определяемыми ее законодательством государственными органами информации, необходимой для принятия мер противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма.

Считаем возможным и обоснованным, исходя из публичных интересов и технических возможностей банков, возложение на последних определенных обязанностей и предоставление им для этого необходимых полномочий по осуществлению функций агентов государственного финансового контроля (в том числе за соблюдением физическими лицами и организациями (клиентами) законодательства о мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения). Вместе с тем, полагаем, что правовые основы данного статуса банков в Республике Беларусь требуют доработки.

Так, в ст. 19 Банковского кодекса Республики Беларусь («Взаимоотношения между банками, небанковскими кредитно-финансовыми организациями и государством») рассмотренные выше контрольные полномочия банков зафиксированы лишь частично и не отражают всю совокупность реально осуществляемых банками функций в контексте их взаимоотношений с государством, а также решения публичных задач. Именно данная статья Кодекса закрепляет положения о допустимости возложения на банки контрольных полномочиях в отношении их клиентов (валютный, кассовый контроль). В ней же установлены и соответствующие ограничения: «Не допускается возложение на банки и небанковские кредитно-финансовые организации, если иное не предусмотрено Президентом Республики Беларусь, функции контроля за: осуществлением клиентами лицензируемых видов деятельности; своевременностью и правильностью уплаты клиентами налогов, сборов (пошлин) и иных платежей в бюджет, государственные внебюджетные фонды, а также страховых взносов; соблюдением клиентами сроков выплаты работникам заработной платы и ее размерами; соблюдением клиентами и другими лицами условий заключенных между ними договоров». При этом Кодекс устанавливает, что Национальный банк и иные государственные органы не вправе требовать от банков и небанковских кредитно-финансовых организаций выполнения не свойственных им контрольных и других функций. Функция бюджетного контроля сформулирована в Кодексе, по нашему мнению, как право банка, а не его обязанность: «Банки могут … обеспечивать целевое использование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов, выделяемых для выполнения государственных программ».

Представляется, что анализируемая статья Банковского кодекса Республики Беларусь требует совершенствования. На наш взгляд, она должна системно закрепить все действительные контрольные полномочия банков в отношении клиентов, возложенные на них в публичных целях (в финансовых правоотношениях в особенности), и таким образом полно отразить современную правоохранительную роль банков в финансово-кредитной системе Республики Беларусь.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РЕФОРМЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО ПРАВА

Улога Д. А.

Происходящие в нашей стране в настоящее время процессы либерализации экономики неразрывно связаны с необходимостью пересмотра подходов к практике применения норм правового принуждения. Одним из направлений возможного изменения законодательства и учеными и практиками называется реформирование административно-деликтного права с выделением уголовного проступка и создание в перспективе специализированного административного судопроизводства по рассмотрению споров между гражданами и государством.

В настоящее время Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) содержит не только составы правонарушений в области государственного регулирования, но и иные правонарушения, которые практически не отличаются от уголовных составов (причинение телесных повреждений, мелкое хищение, мелкое хулиганство и т.д.).

В научной среде все чаще звучит мнение о том, что КоАП уже не может именоваться административным, т.к. не носит управленческого характера. Все это вынуждает пересмотреть весь блок административного законодательства, а введение понятия уголовного или публичного проступка этому может способствовать.

При этом представляется возможным отойти от преобладавшей в начале 2000-х гг. концепции о максимальном отнесении рассмотрения административных правонарушений к компетенции судов. Выделив незначительное количество деяний из КоАП и включив их в качестве уголовного проступка, например в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК), право рассмотрения дел по оставшимся правонарушениям возможно передать к компетенции несудебных, административных органов. Только в этом случае такие правонарушения будут соответствовать названию «административные». Одновременно с этим существенно изменится круг полномочий правоохранительных органов, задействованных в административно-деликтном процессе.

Одним из самых острых вопросов данного направления является определение критериев отнесения административных правонарушений к уголовному проступку.

В качестве одного из таких критериев называется существенность или несущественность причиняемого вреда. Но размытость этого критерия по очень многим составам КоАП и УК не позволяет выработать стратегию отбора правонарушений для их отнесения к уголовному проступку. Поэтому с научной точки зрения отграничивать административные правонарушения от преступлений необходимо лишь по критерию объекта – административные правонарушения посягают только на порядок управления (на административную деятельность в той или иной отрасли).

Учеными в качестве наиболее очевидных составов правонарушений, не являющимися по сути административными и относимыми к уголовному проступку называются: причинение телесных повреждений, оскорбление, мелкое хищение, мелкое хулиганство, неповиновение законному распоряжению должностного лица – именно эти составы максимально близки к соответствующим уголовным составам.

Так, причинение телесных повреждений отличается лишь по степени их тяжести (длительности лечения), хищения – по размеру похищенного и т.д. Однако только по названным выше ст. 9.1, 9.3, 10.5, 17.1, 23.4 КоАП в сумме за 2017 г. судами было рассмотрено более чем 172 тыс. дел об административных правонарушениях (46,5 % из 370 тыс. всего рассмотренных по всем категориям)! Такие цифры вынудят задуматься об обоснованности отнесения этих составов (в существующем виде) к уголовному проступку с более серьезным наказанием, с иной процедурой подготовки материалов дел и их направлением в суд, процедурой задержания и т.д. Кроме того, такое количество дел, подпадающих по понятие проступок нивелирует еще один положительный эффект, широко пропагандируемый учеными – «сокращение криминальной стигматизации» лиц, допустивших совершение правонарушений небольшой общественной опасности и соответственно сокращение криминального рецидива.

Большинство ученых в качестве положительного эффекта от введения института уголовного проступка называют отсутствие у лица, привлеченного за уголовный проступок, судимости. Несомненно,

юридические последствия отсутствия судимости довольно значимы, однако в представлении общества определяющими являются назначенное наказание и возмещенный ущерб. Кроме того, опыт Казахстана показал, что кроме определенных манипуляций со статистикой в части судимости и рецидива, на действительное положение дел с преступностью введение проступка практически не повлияло.

Кроме обсуждения проблем введения уголовного проступка требует пересмотра и слишком широкое распространение института обращений в нашей стране. Зачастую граждане не используют существующие механизмы судебной защиты, поскольку проще и дешевле (без уплаты госпошлины) эти вопросы решить через обращения. Закон «Об обращениях граждан…» используется даже в случаях, когда гражданину очевидно необходимо обратиться в суд. Даже в этом случае дается ответ на обращение по существу, чем фактически подменяются судебные решения о признании действий или решений должностных лиц обоснованными либо нет. У сложившегося порядка имеется свой неоспоримый плюс в виде значительного снижения количества судебных дел. Однако даже при таком очевидном плюсе для судебной системы восприятие всесильности обращения подменило собой значимость судебной системы и суть обращения. При этом большая часть обращений касаются системы административного права – взаимоотношения государственных органов и личности. Т.е. фактически целая отрасль права – административное право (а не административно-деликтное право) у нас приобрела неконтролируемые во всех смыслах формы. Это касается как субъектного состава тех, кто имеет право на обращение в сфере государственного управления, так и упоминавшееся уже отсутствие даже минимального денежного барьера в виде госпошлины, позволившего в других странах почти полностью исключить явно необоснованные обращения. Для исключения перечисленных проблем во многих странах со схожими правовыми системами были приняты Кодексы административного судопроизводства (Россия, Украина). Не затрагивая подробно плюсы и минусы соответствующих подходов, сложившихся в различных странах, следует подчеркнуть основное – принимать окончательные решения в спорах между государством и личностью должен суд.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО КОНТРОЛЮ ЗА ПРЕБЫВАНИЕМ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Фурса П. А.

Анализ степени разработанности проблемы механизма административно-правового регулирования режима пребывания иностранцев в Республике Беларусь на современном этапе говорит о том, что существует настоятельная потребность в переосмыслении роли и места органов внутренних дел (далее – ОВД) в регулировании миграционных процессов. Важность специальных исследований этой проблемы обусловлена не только отсутствием в отечественной юридической литературе научных исследований на монографическом уровне, но и существенно возрастает особенно на фоне крупнейшего миграционного кризиса в странах Европейского союза, а также ряде стран Америки.

В силу своего географического положения Республика Беларусь является весьма притягательной в миграционном отношении для всех категорий иностранных граждан и лиц без гражданства (далее – иностранцы). В этой связи организация контроля за пребыванием иностранцев требует формирования общего подхода и систематизации работы всех подразделений ОВД. Анализируя миграционную ситуацию в Республике Беларусь, состояние работы по организации контроля за пребыванием иностранцев и меры по противодействию незаконной миграции, следует отметить, что, несмотря на прилагаемые усилия, проблемы незаконного въезда и пребывания иностранцев на территории нашего государства, а в этой связи принятие мер по противодействию незаконной миграции, по-прежнему остаются актуальными.

По состоянию на 01.11.2018 г., согласно сведениям Департамента по гражданству и миграции Министерства внутренних дел Республики Беларусь, на учете в ОВД состояло почти 223 тыс. иностранцев, имеющих разрешение на временное или постоянное проживание в республике. Наибольшее количество иностранцев проживает в г. Минске – около 49 700 тыс., в Минской области – 34 800 тыс., Гомельской области – 33 100 тыс., Витебской области – 31 200 тыс., Бре-

стской области – 29 000 тыс., Гродненской области – 22 900 тыс., Могилевской области – 21 900 тыс. В связи с неоднократным нарушением законодательства Республики Беларусь ОВД за 10 месяцев 2018 г. уже принято свыше 10 тыс. решений о сокращении иностранцам сроков пребывания и аннулировании разрешений на временное и постоянное проживание, а в отношении 3 437 иностранцев вынесены постановления об их депортации (высылке) из республики. В целом организационные и практические меры, осуществляемые подразделениями ОВД, способствовали снижению по итогам января – октября 2018 г. числа преступлений, совершенных иностранцами, на 7 % (с 1 400 до 1 304). Уровень преступности иностранцев на 100 тыс. населения снизился с 14,3 % до 13,7 %, а количество административных правонарушений, связанных с нарушением законодательства о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства, предусмотренных ст. 23.55 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, снизился с 15 140 до 14 133.

Несмотря на достигнутые положительные моменты, имеется и ряд недостатков в управленческой деятельности и организации взаимодействия подразделений ОВД. Основной из них – это несоблюдение установленного порядка обмена информацией об иностранцах, нарушающих законодательство Республики Беларусь, непринятие к иностранцам при наличии оснований мер принуждения, непроведение необходимых профилактических мероприятий. Эффективный контроль за пребыванием иностранцев может обеспечить только вся система ОВД, а не только подразделения по гражданству и миграции. Когда каждая служба, выполняя свои основные функции, уделяет и этому аспекту служебной деятельности определенное, пусть не первостепенное внимание, тогда и появится реальный результат.

В целях повышения эффективности взаимодействия подразделений ОВД по контролю за пребыванием иностранцев в Республике Беларусь основные усилия необходимо сосредоточить на следующих мероприятиях.

Во-первых, необходимо совершенствовать нормативную правовую базу, регламентирующую вопросы контроля за пребыванием иностранцев. В целях обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь, регулирования миграционных потоков, обеспечения прав

и свобод граждан республики и иностранцев нуждается в корректировке ст. 62 Закона Республики Беларусь от 04.01.2010 г. «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» в части введения понятия «миграционный контроль», что обусловлено фактически выполняемыми функциями компетентными органами Республики Беларусь по контролю за въездом, пребыванием, выездом и транзитным проездом иностранцев.

Во-вторых, нужно сосредоточиться на проведении совместных отработок адресов проживания, мест работы и мест последнего нахождения иностранцев, выдворенных за пределы Республики Беларусь, с целью установления фактов незаконного их пребывания на территории Республики Беларусь и своевременного принятия к ним адекватных мер реагирования.

В-третьих, целесообразно уделить внимание предупреждению правонарушений со стороны иностранцев, включенных в «группу риска», проведению совместных мероприятий по профилактике преступлений в сфере семейно-бытовых отношений, противоправных деяний, совершаемых иностранцами в сельской местности.

В-четвертых, следует акцентировать внимание на принятии на системной основе ОВД решений об отказе во въезде в Республику Беларусь иностранцам, подвергнутым во время своего пребывания в республике административному взысканию в виде штрафа и не исполнившим его.

В-пятых, важно осуществлять эффективный мониторинг соблюдения иностранцами норм Указа Президента Республики Беларусь от 09.01.2017 г. № 8 «Об установлении безвизового порядка въезда и выезда иностранных граждан» и своевременного применения к нарушителям соответствующих мер принуждения. Требуется выработать эффективные алгоритмы контроля за въездом и пребыванием иностранцев, въезжающих в рамках «безвиза», в том числе с помощью информационных ресурсов, имеющихся в распоряжении подразделений ОВД.

В-шестых, необходимо разработать эффективный алгоритм контроля за представлением в подразделения по гражданству и миграции ОВД необходимой информации об иностранцах и совершенных ими правонарушениях. Это должно найти свое юридическое закрепление в

виде отдельной главы в Инструкции о взаимодействии подразделений ОВД при осуществлении контроля за пребыванием иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь, утвержденной приказом Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 28.11.2011 г. № 266. Требуется также и детальная проработка вопроса действий сотрудников различных служб ОВД и их руководителей в предоставлении соответствующей информации в подразделения по гражданству и миграции, а также обеспечении контроля за ее передачей и принятием мер реагирования по ней.

СЕКЦИЯ 5
ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД ПРИ ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ДЛЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ

Гасанов А. П.

На современном этапе развития государство нуждается в самостоятельных, творческих, инициативных кадрах, способных решать трудные задачи и предлагать новые идеи, направленные на развитие общества. Одним из средств достижения указанной цели является качественная подготовка высококвалифицированных специалистов, в том числе с использованием практико-ориентированных технологий обучения.

В литературе имеются различные подходы к определению практико-ориентированного обучения. На наш взгляд, наиболее удачный подход сформулировал Ф.Г. Ялалов. Согласно его позиции практико-ориентированное образование направлено на приобретение кроме знаний, умений, навыков также и опыта практической деятельности с целью достижения профессионально и социально значимых компетентностей. Это обеспечивает активное вовлечение обучающихся в работу и соответствующую их активность. Мотивация к изучению теоретического материала идет от потребности в решении практической задачи.

Согласно Уставу Академии управления при Президенте Республики Беларусь (далее – Академия управления), утвержденному Указом Президента Республики Беларусь от 02.06.2009 г. № 275, одной из функций Академии управления является подготовка на первой и второй ступенях высшего образования кадров в сфере управления. Для успешного осуществления данной функции в Академии управления достаточно активно используются практико-ориентированные технологии обучения, в том числе при подготовке кадров для правоохрани-

тельных органов, в частности для органов прокуратуры Республики Беларусь.

Одной из основных учебных дисциплин при подготовке кадров для органов прокуратуры на специальности 1-26 01 02 «Государственное управление и право» является «Прокурорский надзор». Данная дисциплина направлена на формирование у обучающихся устойчивых знаний о сущности и роли прокуратуры в системе правоохранительных органов, получение комплекса теоретических знаний о прокурорском надзоре, правовом регулировании и практике деятельности органов и учреждений прокуратуры на внутригосударственном и международном уровне. Названная учебная дисциплина рассчитана на 120 учебных часов на дневной форме получения высшего образования, из них 30 часов отводятся на лекционные занятия, 20 часов – на семинарские, 70 часов – на самостоятельную работу. Особая роль при освоении учебной дисциплины «Прокурорский надзор» отводится семинарским занятиям, на которых активно используются практико-ориентированные средства обучения.

Основной упор семинарских занятий сделан на изучении надзорных направлений деятельности прокуратуры. Занятие условно разделяется на две части: в первой обучающиеся решают практические задачи, вторая половина занятия посвящена проведению деловых игр.

Каждое семинарское занятие посвящено отдельному направлению надзорной деятельности (надзор за исполнением законодательства, надзор за исполнением закона в ходе досудебного производства, при производстве предварительного следствия и дознания и т.д.), а одно занятие предполагает рассмотрение вопросов участия прокурора в суде. К каждому занятию студентам выдаются для решения практические задачи, которые представляют собой юридические казусы. Обучающимся предлагается оценить представленную ситуацию на предмет ее законности, а также высказать свое мнение о действиях, которые необходимо предпринять прокурору в такой ситуации. Значимость данных задач заключается в том, что они разработаны на основе реальной прокурорской практики. При решении таких задач обучающиеся овладевают навыками работы с нормативными правовыми актами.

Особая роль в практико-ориентированном обучении отводится деловым играм, суть которых состоит в моделировании конкретной проблемной ситуации профессионального характера. По мнению С.М. Вишняковой, деловая игра – это форма воссоздания предметного и социального содержания профессиональной деятельности, моделирования систем отношений, характерных для данного вида практики. Проведение деловой игры представляет собой развертывание игровой деятельности участников на имитационной модели, воссоздающей условия и динамику реальных отношений.

При освоении дисциплины «Прокурорский надзор» в Академии управления используются следующие деловые игры: «Планирование работы в органах прокуратуры», «Проверка прокуратурой района (города) исполнения требований законодательства о труде», «Прокурорская проверка ДОУ», «Проверка прокурором уголовного дела, поступившего для направления в суд», «Участие прокурора в гражданском процессе в суде первой инстанции», «Прокурор в суде апелляционной инстанции», «Межведомственное совещание».

Например, деловая игра «Участие прокурора в гражданском процессе в суде первой инстанции» основывается на реальных примерах прокурорско-судебной практики. Игра проводится малыми группами, где ведущий участник – прокурор, принимающий участие в деле. Целью проведения данной игры является приобретение навыков, необходимых для принятия аргументированных и конструктивных решений для всестороннего, полного, объективного выяснения всех обстоятельств, имеющих существенное значение для правильного рассмотрения гражданского дела, подготовка правильной и грамотной речи для выступления в судебных прениях. Участникам игры представляются фабулы гражданских дел, в которых обязательным является участие прокурора (дела о восстановлении на работе, лишении родительских прав, признании граждан недееспособными или ограниченно дееспособными и т.д.). Студенты должны внимательно изучить представленную фабулу, оценить ее на предмет законности требований, составить речь прокурора для выступления в судебных прениях, которую непосредственно на занятии огласит ведущий участник.

Завершающим этапом деловой игры является подведение итогов и обсуждение положительных моментов и допущенных ошибок. В

обсуждении должны участвовать все обучающиеся. Главное – выявить ошибки и уяснить причины их совершения.

Однако изучением только одной учебной дисциплины «Прокурорский надзор» подготовка будущих прокуроров в Академии управления не ограничивается. В дальнейшем знания, полученные в результате изучения учебной дисциплины «Прокурорский надзор», углубляются посредством освоения обучаемыми учебной дисциплины «Поддержание государственного обвинения в суде» модуля «Государственно-правовое регулирование правоохранительной деятельности», а также факультативной учебной дисциплины «Организация деятельности прокуратуры района (города)», которую для обучающихся проводят прокурорские работники Генеральной прокуратуры Республики Беларусь и прокуратуры г. Минска.

Таким образом, практико-ориентированность обучения позволяет студентам приобрести необходимый минимум профессиональных умений и навыков, опыт организаторской работы, систему теоретических знаний, необходимых для дальнейшей успешной службы в органах прокуратуры Республики Беларусь.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ФОРМА ИНТЕРАКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «КРИМИНОЛОГИЯ»

Городецкая М. А.

Образовательным стандартом высшего образования первой ступени по специальности 1-26 01 02 «Государственное управление и право» предусмотрена учебная дисциплина «Криминология». Основной целью преподавания и изучения названной учебной дисциплины является формирование у студентов криминологического мышления, научно-обоснованных взглядов на преступность как на негативное объективно обусловленное социальное явление, которое общество и государство должны сдерживать, чтобы не допустить нарушения условий своей нормальной жизнедеятельности, а также познаний в сфере борьбы с преступностью. Обучающиеся в результате изучения учеб-

ной дисциплины «Криминологии» должны не только получить представление о феномене преступности, ее причинах, но и изучить систему предупреждения преступлений, основные направления деятельности ее субъектов в Республике Беларусь, позитивный зарубежный опыт предупреждения преступлений.

Повышение степени усвоения обучающимися предметных знаний становится возможным посредством использования интерактивных методов в процессе проведения семинарских занятий по дисциплине «Криминология» (деловых и ролевых игр, подготовке проектов и др.). Среди интерактивных обучающих технологий одной из наиболее эффективных, как нам представляется, является деловая игра, посредством которой моделируется процесс труда, деятельности конкретных субъектов по выработке профессиональных решений. Применительно к криминологии целесообразным видится моделирование деятельности субъектов профилактики преступлений. Специфика объекта моделирования в данном случае позволяет предложить различные сценарии проведения деловых игр, ведь, как известно, формы деятельности субъектов профилактики преступлений могут быть достаточно разнообразными (например, индивидуальная профилактика преступлений; виктимологическая профилактика преступлений; формирование профилактического дела; координационное совещание; заседание комиссии по делам несовершеннолетних).

Нами разработана и в рамках семинарских занятий проводится деловая игра «Город без преступности». Проходит, как правило, указанная деловая игра в форме подготовки и защиты проектов «идеального» города без преступности. Цель такой «архитектурной» деятельности - выявить криминогенные детерминанты преступности (отдельного вида преступлений) в усредненном городе и разработать предложения по предупреждению преступлений с помощью организации «пространственной» среды.

Деловая игра состоит из нескольких этапов: 1) обозначение проблемного поля (определение направления профилактики с учетом вида преступности на основе анализа уголовной статистики); 2) подготовка проекта; 3) представление проекта каждой игровой группой (до 10 минут на каждую игровую группу); 4) обсуждение проектов в учеб-

ной группе, оценка «сильных» и «слабых» сторон проектов; 5) подведение итогов.

При подготовке проектов студенты должны подробно изучить содержание таких частных криминологических теорий, как энвайронментальная (средовая) и градостроительная криминология, архитектурная криминология, криминальная виктимология на основе предлагаемой научной и учебной литературы; состояние преступности в Республике Беларусь; оценить возможности использования предлагаемых в рамках отдельных криминологических теорий методов и форм воздействия на преступность; внести конкретные и обоснованные предложения в проект регионального комплексного плана по профилактике правонарушений. При этом следует ознакомиться с порядком разработки и утверждения региональных комплексных планов, определенном ст.11 Закона Республики Беларусь от 04.01.2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений».

В ходе деловой игры моделируется ситуация обсуждения предложений субъектов профилактики правонарушений по включению конкретных мероприятий в региональный комплексный план по профилактике правонарушений на очередной календарный год. Цели такого моделирования заключаются:

– в создании активной обучающей среды;

– повышении интереса у студентов к получению и освоению более глубоких теоретических знаний по дисциплине «Криминология», в том числе посредством изучения опыта организации деятельности по предупреждению преступлений в зарубежных странах;

– стимулировании студентов к профессиональной деятельности и использованию полученных знаний при решении практических задач;

– расширении и углублении профессиональных знаний, развитии управленческих навыков;

– закреплении и расширении знаний студентов об организации предупреждения (профилактики) предупреждения преступлений в Республике Беларусь.

Руководство, организацию и проведение деловой игры осуществляет преподаватель, ведущий семинарские занятия в учебной группе, который должен определить цель и задачи деловой игры, распределить

роли между обучающимися в группе и консультировать их по вопросам, возникающим в процессе подготовки к деловой игре, осуществлять контроль за проведением деловой игры, давать ей оценку.

Деловая игра «Город без преступности» предполагает самостоятельную внеаудиторную работу обучающихся. В работу необходимо вовлекать всех обучающихся учебной группы, которых целесообразно разделять на 2–3 малые группы (подгруппы) с целью подготовки проектов. Кроме того, должна быть сформирована группа экспертов, в обязанности которых входит контроль за ходом игры, участие в ее обсуждении, дача оценки поступившим предложениям для включения в план мероприятий региональной комплексной программы по профилактике правонарушений на очередной календарный год. Оценка проекта и работы каждой игровой группы производится совместно преподавателем со студентами, входящими в состав группы экспертов. По завершении деловой игры преподаватель подводит итоги игры и оценивает работу группы в целом.

Проведение семинарского занятия в форме деловой игры «Город без преступности» позволяет обучающимся усвоить и закрепить материал по таким ключевым темам учебной дисциплины «Криминологи», как «Понятие преступности. Количественные и качественные показатели преступности», «Причины и условия совершения конкретного преступления», «Предупреждение преступлений», «Криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с преступностью», а также получить представление об организации и осуществлении профилактической деятельности за рубежом, содержании некоторых частных криминологических теорий.

УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Гурина М. В.

Стремление Республики Беларусь к вхождению в мировое образовательное пространство и повышению конкурентоспособности высшего образования, заявленные в качестве целей развития системы высшего образования в Государственной программе «Образование и

молодежная политика» на 2016–2020 гг., требует изменения и модернизации практики управления системой образования, которая предполагает новые подходы и модели, новые структуры управления. В связи с этим Кодекс об образовании Республики Беларусь от 13.01.2011 г. (далее – Кодекс об образовании) закрепляет государственно-общественный характер управления сферой образования Республики Беларусь. Это означает, что с одной стороны управление данной сферой и развитие образования определяется государством (уполномоченными органами), с другой − осуществляется на принципах самоуправления, учета общественного мнения.

В соответствии со ст. 105 Кодекса об образовании управление в сфере образования осуществляется на принципах законности, демократии, гласности, учета общественного мнения и системности управления образованием. В качестве целей управления в сфере образования закреплены: проведение государственной политики в сфере образования; совершенствование и развитие системы образования; реализация образовательных программ, программ воспитания. Государственное управление в сфере образования осуществляют Президент Республики Беларусь и подчиненные и (или) подотчетные ему государственные органы, Правительство Республики Беларусь и подчиненные ему органы и организации, Национальная академия наук Беларуси, республиканские органы государственного управления, местные исполнительные и распорядительные органы в пределах их полномочий.

В соответствии со ст. 79 Конституции Республики Беларусь Президент Республики Беларусь является гарантом реализации прав граждан, в том числе права на образование, определяет государственную политику в сфере образования, гарантирует реализацию основных направлений государственной политики в сфере образования.

Наиболее широкими полномочиями в вопросе управления образованием обладает Правительство Республики Беларусь и Министерство образования Республики Беларусь как отраслевой орган в данной сфере. К наиболее важным полномочиям Совета Министров Республики Беларусь можно отнести следующие: 1) обеспечение проведения государственной политики в сфере образования; 2) осуществление общего управления системой образования; 3) проведение в Республике Беларусь внешнеторговой политики в сфере образования; 4) утвер-

ждение Положения о целевой подготовке специалистов, рабочих, служащих; 5) определение гарантий и компенсаций обучающимся, участвующим в образовательных мероприятиях академической мобильности и др.

Специальным отраслевым органом государственного управления в сфере образования является Министерство образования Республики Беларусь, которое непосредственно осуществляет управление системой образования, осуществляет через свои структурные подразделения контроль за обеспечением качества образования, осуществляет выдачу специальных разрешений (лицензий) на образовательную деятельность, организует разработку образовательных стандартов, учебно-программной документации образовательных программ и утверждает их, организует разработку Общегосударственного классификатора Республики Беларусь «Специальности и квалификации», разрабатывает отраслевую программу кадрового обеспечения, прогнозы потребностей отрасли в кадрах, участвует в разработке проектов нормативных правовых актов и др.

Общественный характер управления сферой образования предполагает участие в управлении как самих учреждений высшего образования, так и общества в целом (например, через публичное обсуждение проектов нормативных правовых актов в сфере образования). Основным органом самоуправления учреждения образования является совет, возглавляемый руководителем учреждения образования, компетенция, состав и организация деятельности которого определяются Положением о совете учреждения образования. На республиканском уровне к органам управления можно отнести Республиканский совет ректоров учреждений высшего образования, созданный в 2001 г. с целью выработки рекомендаций по вопросам высшего образования, совершенствования образовательного и воспитательного процессов, развития науки и улучшения материально-технической базы учреждений высшего образования. Члены Совета могут участвовать в работе государственных органов в сфере образования.

Таким образом, управление в сфере образования носит смешанный государственно-общественный характер, что позволяет учесть интересы как государства, так и общества в целом.

КРИМИНАЛИСТИКА В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ЭСТОНИИ

Каугиа С. В., Лалль А. Э.

Высшее образование в современной Эстонии развивается в соответствии с реформой высшего образования, которая как процесс началась летом 2011 г. с выполнения предвыборного обещания коалиционных партий Союз Отечества и Res Publica (эст. Isamaa ja Res Publica Liit/ IRL) о предоставлении бесплатного высшего образования. Этот процесс предполагает фундаментальные изменения системы высшего образования в Эстонии, охватывая как Закон «О высшей школе», так и Закон «О материальной поддержке студентов». Реформа высшего образования коснулась в полной мере студентов, начавших обучение осенью 2013 г. и частично студентов, уже обучавшихся на тот момент.

Будучи небольшим государством, мы не готовим специалистов всех уровней и специальностей в таком объеме, который ожидают работодатели. Тем более важно использовать потенциал каждого человека и предоставлять посильные возможности для предоставления высшего образования. Во имя более эффективного использования ресурсов, как на уровне государства, так и на уровне вузов необходимо избавиться от неразумного дублирования учебных дисциплин, которое может стать для молодежи неверным показателем состояния рынка труда и его потребностей. Для достижения целей необходимо, чтобы привлечение к учебному процессу работодателей становилось повседневностью.

Подготовку кадров для правоохранительных органов в Эстонии осуществляют в Академии Министерства внутренних дел Эстонии (далее – АМВДЭ), Колледже полиции и погранохраны, в полицейском училище (г. Пайкузе) и на юридическом факультете Тартуского университета, где изучают учебную дисциплину «Криминалистика».

Говоря о сегодняшнем обучении в системе высшего и среднего специального образования, следует признать, что для подготовки квалифицированных специалистов для правоохранительных органов объема знаний по «Криминалистике», предлагаемых полицейским училищем, не достаточно. Но еще меньший объем предлагается при получении высшего образования в АМВДЭ.

Организационные аспекты подготовки кадров для правоохранительных органов связаны, по оценке авторов, в основном с тремя существенными обстоятельствами:

1) мотивацией студентов при приобретении знаний и умений;

2) недостатками в обучении «Криминалистике» в современных условиях;

3) отсутствием государственного заказа на подготовку специалистов для правоохранительных органов в области «Криминалистики», с тем чтобы можно было обеспечить углубленное обучение в небольших группах полицейских и служащих погранохраны, желающих связать свою карьеру с правоохранительной деятельностью. Государственный заказ обеспечил бы также готовность заменить тех служащих, которые уже достигли пенсионного возраста, или тех, чья квалификация нуждается в повышении, а знании в совершенствовании.

Необходимо отметить, что если не будут созданы условия, необходимые для нужной работы, не появится специальная литература на государственном языке, то вышеуказанные проблемы с годами будут только углубляться. В современной, кардинально изменившейся информационной и технологической среде при обучении «Криминалистике» необходимо больше обращать внимание на криминалистические методы и технико-криминалистические способы исследования, оценки и использования доказательств. Это даст возможность специалисту ориентироваться и принимать решения в любых, в том числе и четко юридически не регулируемых и нетипичных ситуациях, для решения которых еще не выработаны конкретные алгоритмы.

В связи с изучением учебной дисциплины «Криминалистика» важнейшими проблемами можно считать дублирование изучаемых тем в учебных дисциплинах по специальности, недостаточное развитие терминов и понятий, а также недостатки практической реализации умений с современными научно-техническими средствами.

Проблемой при изучении «Криминалистики» стала дублируемость некоторых тем с такими близкими дисциплинами, как «Уголовное производство», «Пенитенциарное право» и «Оперативно-розыскная деятельность», а также то, как решать вопрос о соотношениях учебных программ высшего образования и среднего профессионального образования. Так как «Криминалистика» является одной из

частей социального феномена уголовного процесса, то можно было бы здесь принять за исходные точки поэтапность уголовного процесса и специфику деятельности участвующих в каждом из этапов сотрудников, а также учесть общую концепцию, согласно которой на уровне средне-профессионального образования усваиваются технологии для действий в типовых ситуациях, на уровне высшего образования (бакалавр) рассматриваются теории и решение нетипичных ситуаций с их помощью, а на уровне магистратуры (ученая степень) рассматриваются проблемы области и возможности их решения на научной основе.

КРИМИНАЛИСТИКА В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ: НАУКА, ИННОВАЦИИ, ОБРАЗОВАНИЕ, ПРАКТИКА

Кирвель В. К.

Криминалистика в системе научных знаний. В соответствии с Постановлением Высшей аттестационной комиссии (далее – ВАК) Республики Беларусь от 08.06.2009 г. №4 «Об утверждении номенклатуры специальностей научных работников Республики Беларусь и признании утратившими силу некоторых правовых актов» криминалистика относится к юридическим наукам и входит в группу научных специальностей с шифром 12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

Необходимо отметить, что до мая 2012 г. криминалистика входила в группу научных специальностей с шифром 12.00.09 – уголовный процесс; криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-розыскная деятельность. Нам представляется ошибочным выделение из специальности 12.00.09 криминалистики, судебной экспертизы и оперативно-розыскной деятельности и формирование из них отдельной группы специальностей 12.00.12.

Предметом современной специальности 12.00.09 являются процессуальные аспекты расследования и проблемы совершенствования уголовно-процессуального законодательства, которые, на наш взгляд, неотделимы от криминалистических, судебно-экспертных и оперативно-розыскных аспектов борьбы с преступностью, которые призваны

обеспечить разработку методов, приемов и средств осуществления оперативно-розыскной деятельности, раскрытия преступлений и предварительного расследования, проведения судебной экспертизы, что является предметом специальности 12.00.12.

Председатель ВАК А.Е. Гучок на Международной научно-практической конференции, проводимой 15 октября 2018 г. в Государственном комитете судебных экспертиз (далее – ГКСЭ), проинформировал научную общественность о том, что сейчас в ВАК рассматривается вопрос об объединении в научной специальности 12.00.09 уголовного процесса с криминалистикой и оперативно-розыскной деятельностью, а специальность 12.00.12 закрепить за судебно-экспертной деятельностью, в которую включить судебные экспертизы из химии, биологии и техники.

Образовательная сфера Республики Беларусь представлена около 70-ти научными работниками, защитившими свои диссертационные исследования по специальностям 12.00.09 и 12.00.12, из них шесть – доктора юридических наук: В.Ф. Ермолович, Г.А. Зорин, Г.Н. Мухин, А.С. Рубис и В.Б. Шабанов (12.00.09), А.Е. Гучок (12.00.12).

Инновационные технологии в криминалистике. В январе 2018 г. ГКСЭ подписал договор о сотрудничестве с НАН Беларуси в сфере противодействия преступности. Сотрудничество будет проходить по нескольким направлениям. Во-первых, это установление фенотипа неизвестного преступника по оставленным биологическим следам: возраст, пол, цвет глаз и волос, размеры носа, ушей и другие параметры, необходимые сотрудникам правоохранительных органов для задержания подозреваемого лица. Во-вторых, это установление характера и давности патологических изменений в биологических тканях человека при проведении судебно-медицинских экспертиз с использованием лазерных технологий. В-третьих, это судебно-экспертное исследование деталей транспортных средств с использованием технологий порошковой металлургии. В-четвертых, это разработка методики исследования фрагментов древесины для идентификации места, где могло произрастать дерево. В-пятых, это разработка программного обеспечения на основе алгоритмов самообучения (искусственных нейронных сетей). Такие программные продукты востребованы, например, в целях оперативного установления личности преступника с помощью

автоматизированных информационных систем и криминалистических учетов. В-шестых, это разработка технологий 3D-моделирования, специализированных средств фиксации обстановки места происшествия, в том числе с использованием беспилотных летательных аппаратов. В-седьмых, это разработка и освоение технологий производства наборов реагентов для криминалистической ДНК-идентификации биологических образцов отдельных видов диких животных при расследовании дел о незаконной охоте.

Полагаем также, что перспективными направлениями в развитии криминалистической техники, которые могут быть внедрены в правоохранительную деятельность, являются:

1) более широкое применение 3D-технологий (3D-сканирование, 3D-моделирование, «виртуальная реальность») при осмотре места происшествия и проведении судебных экспертиз, в учебном процессе;

2) применение искусственного интеллекта (далее – ИИ) и искусственных нейронных сетей (далее – ИНС) в ходе раскрытия и расследования преступлений.

Наиболее известным примером применения ИИ в раскрытии и расследовании преступлений является проект российских ученых из Нижегородского университета им. Лобачевского «ФОРВЕР», позволяющий формировать наиболее перспективные версии о личности преступника. В настоящее время наиболее перспективным направлением развития ИНС считается их применение при проведении почерковедческих и портретных исследований (многослойный перцептрон – «Multi-LevelPerceptron (MLP)», «ВОКОРД Видеоэксперт», Россия);

3) использование возможностей микробиологической идентификации человека с помощью сообществ микроорганизмов, известных как микробиомы, обитающих на коже человека;

4) применение криминалистической томографии или виртуальной аутопсии (вскрытия) с использованием трехмерных моделей;

5) использование биомаркеров пыльцы (палинологии) для установления факта нахождения подозреваемого в конкретном месте и в конкретное время;

6) использование нанотехнологий при изготовлении дактилоскопических порошков;

7) использование возможностей энтомологии (науки о насекомых) и других «экзотических» наук в раскрытии и расследовании преступлений.

Криминалистика в системе высшего образования. В соответствии с данными Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) за 2017 г. Республика Беларусь по Индексу уровня образования в странах мира (Education Index) находится на 29-м месте из 189 государств (0,807).

Главным нормативным правовым актом в области национального образования является Кодекс Республики Беларусь об образовании (2011). В настоящее время в Палате Представителей Национального собрания Республики Беларусь находится на согласовании проект Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Беларусь об образовании» (новая редакция Кодекса Республики Беларусь об образовании).

Объем финансирования сферы образования Республики Беларусь в 2017 г. составил 4 915 млн. руб., или 4,7 % от ВВП.

В системе высшего образования (далее – ВО) Республики Беларусь функционируют 42 государственных учреждения высшего образования (далее – УВО) и 9 частных УВО, из них 34 университета, 9 академий и 8 институтов. Учебная дисциплина «Криминалистика» изучается студентами I ступени ВО в УВО по специальностям «Правоведение», «Экономическое право», «Государственное управление и право», «Судебная экспертиза» и «Судебная криминалистическая экспертиза».

В государственных УВО имеется две кафедры криминалистики: 1) на юридическом факультете Белорусского государственного университета и 2) в Академии МВД; а также 3 кафедры, где объединены дисциплины уголовного правового блока: а) кафедра уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Гродненского государственного университета; б) кафедра уголовного права и криминалистики юридического факультета Полоцкого государственного университета; в) кафедра уголовного процесса и криминалистики Могилевского института МВД.

Кафедра конституционного и административного права (далее – кафедра КАП) Академии управления при Президенте Республики Бе-

ларусь (далее – Академия управления) является профильной кафедрой, за которой закреплено преподавание учебной дисциплины «Криминалистика» для студентов I ступени ВО (специальность «Государственное управление и право» (далее – ГУП), квалификация – юрист). Студенты I ступени ВО, обучающиеся по специальности ГУП, также изучают учебную дисциплину модуля «Криминалистическое обеспечение органов уголовного преследования». Кафедра КАП является выпускающей кафедрой для студентов II ступени ВО (практико-ориентированная магистратура), обучающихся по специальности «Государственное управление в сфере правоохранительной деятельности» (степень – магистр управления и права), за которой закреплено преподавание учебной дисциплины «Актуальные проблемы криминалистического обеспечения органов уголовного преследования».

На кафедре КАП в рамках кафедральной темы научного исследования «Совершенствование правового регулирования правоохранительной деятельности и повышение эффективности уголовного правосудия в контексте защиты прав и законных интересов личности» на 2016–2020 гг. проводятся научные исследования по следующим направлениям: 1) проблема применения инструментальных психофизиологических методов (полиграфа) в раскрытии и расследовании преступлений; 2) проблема разработки методик выявления сфальсифицированных доказательств (определение искусственных папиллярных узоров и «искусственной» ДНК); 3) проблема разработки методик выявления химеризма при судебно-генетической идентификации личности и выявления окровавленных следов пальцев рук преступника на теле потерпевшего с помощью реактива «Amido Black» и др.

Криминалистика в практике правоохранительных органов. Рассматривая практику противодействия преступности, в том числе через призму применения криминалистических методов и научно-технических средств в раскрытии и расследовании преступлений, мы можем обоснованно констатировать, что правоохранительные органы Республики Беларусь достигли определенных успехов за прошедшее десятилетие.

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь количество зарегистрированных преступлений с 2007 г. по 2017 г. уменьшилось с 180 427 преступлений до 86 326 преступле-

ний (т. е. на 52 %). Уровень преступности на 100 тыс. чел. населения за указанное десятилетие уменьшился с 1 887 до 909 (на 01.01.2017 г. в Республике Беларусь проживало около 9,5 млн. чел. населения).

По данным Министра внутренних дел Республики Беларусь (далее – МВД) на 2017 г. штатная численность сотрудников органов внутренних дел составляла 405 чел. на 100 тыс. чел. населения.

По данным Следственного комитета и МВД Республики Беларусь раскрываемость преступлений в 2016 г. составила 69 %, а возмещение материального ущерба составило 49.

Указанные достижения в области противодействия преступности позволили Республике Беларусь войти в топ-10 стран мира с наименьшим уровнем преступности и высоким уровнем безопасности.

Беларусь с индексом безопасности в 77,74 балла и индексом преступности в 22,26 из 100 возможных баллов, разместилась на 10-й строке общего рейтинга. Всего в рейтинге уровня преступности и безопасности оценивалось 125 стран. Беларусь занимает 3-ю позицию среди стран европейского региона. Первые позиции в Европе занимают Австрия и Дания. Среди стран постсоветского пространства, представленных в рейтинге, Беларусь разместилась на 2-й строчке, уступив лишь Грузии. Например, Польша заняла – 30-е место, Литва – 50-е, Россия – 67-е, а Украина – на 85-й строчке.

На основании изложенного мы можем констатировать, что в Республике Беларусь имеется научный и педагогический потенциал, способный готовить высококвалифицированные кадры для правоохранительных органов с учетом современных рисков, угроз и вызовов в сфере безопасности личности, общества и государства.

ПРАКТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ОБУЧЕНИЯ КАК УСЛОВИЕ ПОДГОТОВКИ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРОВ ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Курак А. И.

Успешное решение стоящих перед государством задач в решающей мере обуславливается уровнем профессионализма кадрового потенциала нашей страны. Поэтому не случайно перед системой обра-

зования Республики Беларусь ставится задача активизации практической направленности учебного процесса, как важного условия подготовки квалифицированных специалистов, способных по окончании учебного заведения качественно выполнять свои функциональные обязанности по занимаемой должности.

В связи с этим полагаем возможным затронуть лишь несколько заслуживающих, на наш взгляд, внимания направлений усиления практической направленности обучения студентов, обучающихся в учебных заведениях юридического профиля, по окончании которых многие из них поступают на службу в те или иные правоохранительные органы.

Одним из таких направлений является приглашение к участию в проведении учебных занятий со студентами наиболее подготовленных в профессиональном плане и обладающих определенными навыками общения с аудиторией практических работников государственных органов, учреждений и организаций, выступающих в качестве потенциальных работодателей для выпускников учебных заведений. При этом полагаем, что данных специалистов можно приглашать к проведению как лекционных, так и практических (семинарских) занятий, на которых они могли бы передавать свои профессиональные знания и умения обучающимся. В этой связи хотелось бы отметить, что значительный опыт такой работы накоплен в Академии управления при Президенте Республики Беларусь, и в частности, на кафедре конституционного и административного права. Особо тесные и плодотворные отношения данной кафедрой поддерживаются с Генеральной прокуратурой Республики Беларусь, работники которой принимают активное участие в проведении учебных занятий, о которых у студентов остаются самые хорошие впечатления.

Определенный практический интерес представляют и периодически проводимые на базе Академии управления при Президенте Республики Беларусь координационные совещания прокуратуры города Минска с участием представителей органов внутренних дел, государственной безопасности, других органов и организаций, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией. На данных совещаниях обычно присутствуют студенты, которые расширяют знания, касаю-

щиеся правоохранительной системы государства, деятельности правоохранительных органов и решаемых ими задачах.

Следует отметить, что наряду с органами прокуратуры на просьбы кафедры конституционного и административного права активно откликается и руководство Департамента по гражданству и миграции Министерства внутренних дел Республики Беларусь, сотрудники которого приглашаются для проведения учебных занятий по темам, имеющим отношение к деятельности данного ведомства. При этом отметим, что преподавательским составом названной кафедры проводится работа по активизации отношений и с другими правоохранительными органами Беларуси.

Таким образом, непосредственное общение студентов с практическими работниками правоохранительных органов имеет взаимовыгодное значение. Для первых это способствует повышению интереса к изучаемому учебному материалу и более глубокому его усвоению. Для сотрудников правоохранительных органов – это дополнительная возможность формирования положительного имиджа представляемых органов, проведения определенной профилактической и профориентационной работы среди студентов, в результате чего у них появляется желание по окончании учебы поступить на службу в тот или иной правоохранительный орган.

В Академии управления при Президенте Республики Беларусь важное значение придается производственной практике, которую студенты проходят в различных органах правоохранительной системы. Безусловно, данная практика способствует приобретению студентами определенных навыков применения полученных теоретических знаний в реальной деятельности соответствующего ведомства. Однако следует признать, что некоторые студенты не проявляют той активности и заинтересованности в результатах практики, которую потенциально они могли бы проявить, если бы были уверены, что по окончании учебы они смогут устроиться на работу по месту прохождения данной практики. Конечно, распределение выпускников в современных условиях является достаточно сложной проблемой и не все здесь зависит от учреждений образования. Как нам представляется, было бы полезным по результатам прохождения практики проводить среди студентов анкетирование, где они могли бы высказать свое мнение, возмож-

но, предложить какие-то идеи по повышению эффективности этой практики. Можно с уверенностью предположить, что с данными такого анкетирования с интересом ознакомилось бы и руководство органа, предоставившего возможность прохождения практики студентам.

На наш взгляд, активным инструментом усиления практической направленности учебного процесса, выработки у студентов умений и навыков квалифицированно применять полученные теоретические знания в процессе осуществления своей будущей профессиональной деятельности является необходимым образом оборудованный и функционирующий в Академии управления при Президенте Республики Беларусь Учебный Зал судебных заседаний. В данном зале в рамках практических занятий студентами и слушателями имитируется порядок рассмотрения дел в судах, а нередко к таким формам учебных занятий привлекаются представители соответствующих правоохранительных органов (прокуроры, адвокаты), что повышает у студентов интерес к занятию и еще более усиливает его практическую направленность.

Хотелось бы остановиться еще на одной проблеме, на которую следовало бы обратить внимание, намечая пути активизации практической составляющей учебного процесса. Речь идет о том, что студенты недостаточно владеют навыками подготовки и оформления различного рода служебных документов и деловых бумаг, что крайне важно для будущей их юридической деятельности. Думается, было бы правильным, чтобы обозначенному вопросу уделялось более пристальное внимание. Возможно, стоило бы планировать по этой тематике проведение со студентами специальных практических занятий в рамках соответствующих учебных дисциплин. В результате этого, придя на практику, они выглядели бы более подготовленными и уверенными. Как нам представляется, популяризации службы в правоохранительных органах способствуют и периодические встречи студентов с выпускниками Академии управления при Президенте Республики Беларусь, находящихся в определенных, зачастую – достаточно высоких должностях в таких органах.

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (НА ПРИМЕРЕ КАФЕДРЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА)

Савчук Т. А.

Кафедра конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь (далее – Академия) обеспечивает реализацию государственной кадровой политики, образовательных программ подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров в сфере управления и юриспруденции с учетом приоритетов социально-экономического развития Республики Беларусь. Реализация образовательной политики Академии названной кафедрой осуществляется по нескольким направлениям.

1. Кафедра конституционного и административного права участвует в подготовке кадров в сфере юриспруденции по первой ступени получения высшего образования специалистов в сфере государственного управления и права. Заказчиками кадров таких специалистов выступают следственные органы, органы прокуратуры, суды, таможенные и иные правоохранительные органы Республики Беларусь (например, в 2016 г. из 47 выпускников учреждений высшего образования республики на службу в органы прокуратуры принято 15 выпускников Академии, которые традиционно показывают самые высокие результаты при приеме на службу). Отметим, что образовательный процесс организуется кафедрой конституционного и административного права в тесном контакте с государственными органами – заказчиками кадров, чем обеспечивается практикоориентированный подход обучения специалистов в сфере государственного управления и юриспруденции.

Взаимодействие кафедры конституционного и административного права с заказчиками кадров реализуется посредством участия сотрудников Генеральной прокуратуры и Следственного комитета Республики Беларусь в разработке учебных программ и преподавания учебных дисциплин «Организация деятельности прокуратуры района (города)», «Поддержание государственного обвинения в суде», «Организация деятельности органов предварительного расследования».

Практикоориентированный подход в обучении осуществляется в рамках работы инновационной площадки кафедры конституционного и административного права на базе прокуратуры города Минска, где студенты привлекаются к прокурорским проверкам исполнения законов, работе в качестве внештатных помощников в прокуратурах, проходят все виды учебных практик. Данная инновационная площадка является базой для проведения профориентационной работы и трудоустройства выпускников Академии.

Кафедра конституционного и административного права сотрудничает с Государственным комитетом судебных экспертиз Республики Беларусь. Традиционными являются выездные занятия и тематические встречи в управления данного комитета, основная цель которых – практикоориентированный подход в обучении и расширении предметных знаний в области проведения экспертных исследований.

Сотрудничество кафедры конституционного и административного права с судами Республики Беларусь осуществляется посредством выездных судебных заседаний по уголовным и экономическим делам, площадкой которых выступает Учебный Зал судебных заседаний Академии; тематическими встречами представителей судебных органов со студентами; предоставлением возможности прохождения практики студентами в судах общей юрисдикции.

2. Кафедра конституционного и административного права обеспечивает практико-ориентированное обучение в специализированной магистратуре «Государственное управление в сфере правоохранительной деятельности». Данная специальность была открыта в 2013 г. при поддержке Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Особенность этой специальности состоит в практико-ориентированном изучении блока уголовно-правовых дисциплин, позволяющих овладеть знаниями и навыками, необходимыми для эффективного управления в правоохранительной деятельности. Обучение в магистратуре по данной специальности проходят, в том числе и сотрудники правоохранительных органов Республики Беларусь: Следственного комитета, Министерства внутренних дел, органов прокуратуры. Так, например, по данной специальности в 2015–2016 гг. прошли обучение 4 прокурорских работника, в 2017–2018 гг. – 6 прокурорских работников.

Кафедра конституционного и административного права строит обучение в магистратуре в тесном контакте с правоохранительными органами, сотрудники которых привлекаются для осуществления рецензирования магистерских диссертаций и работы в составе Государственной экзаменационной комиссии (на протяжении ряда лет председателем ГЭК являлся прокурор города Минска С.К. Хмарук).

3. Кафедра конституционного и административного права осуществляет научно-методическое сопровождение повышения квалификации специалистов в сфере государственного управления и юриспруденции и участвует в образовательном процессе таких специалистов. Данное образовательное направление реализуется кафедрой посредством подготовки учебных программ повышения квалификации руководящего состава органов и учреждений прокуратуры, следственных подразделений, судебной системы, органов внутренних дел, таможенных и иных правоохранительных органов. Повышение квалификации осуществляется в целях развития управленческих компетенций и лидерских качеств руководящего состава правоохранительных органов.

4. Кафедра конституционного и административного права реализует программы переподготовки руководящих кадров и специалистов в системе государственного управления как приоритетного направления государственной кадровой политики. В рамках данного образовательного направления кафедра обеспечивает преподавание учебной дисциплины «Противодействие коррупции» на всех специальностях переподготовки кадров Института государственной службы Академии.

Кафедра конституционного и административного права является выпускающей по специальности переподготовки «Государственное управление в сфере досудебного уголовного производства», которая была открыта по заказу Следственного комитета Республики Беларусь в 2013 г. На данной специальности проходят переподготовку начальствующий состав следственных органов и лица, состоящие в резерв на руководящие органы в подразделениях Следственного комитета Республики Беларусь. Образовательный процесс, включая разработку учебно-программной документации и преподавание учебных дисциплин по названной программе переподготовки, обеспечивается на паритетных началах высококвалифицированным составом кафедры кон-

ституционного и административного права и сотрудниками Центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь.

Кафедра конституционного и административного права является выпускающей также и по специальности переподготовки «Государственное управление и прокурорский надзор», открытой в Академии в 2016 г., заказчиком специалистов по которой выступает Генеральная прокуратура Республики Беларусь. Разработка учебных программ и преподаваемых учебных дисциплин в рамках данной специальности осуществляется профессорско-преподавательским составом кафедры конституционного и административного права Академии при активном участии Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, что позволяет наиболее тесным образом соединить процесс обучения с профессиональной деятельностью прокурорских работников. Такой подход отвечает современным требованиям к образовательному процессу и учитывает существующую тенденцию к обновлению законодательства.

Кроме того, руководящий состав Генеральной прокуратуры Республики Беларусь и Следственного комитета Республики Беларусь возглавляет работу Государственных экзаменационных комиссий по названным выше специальностям переподготовки.

5. Кафедрой конституционного и административного права осуществляется подготовка кадров научной квалификации посредством обучения в аспирантуре (соискательстве) по научным специальностям: 12.00.02 – Конституционное право; конституционный процесс; муниципальное право; 12.00.14 – Административное право; административный процесс. Руководство аспирантами (соискателями) по данным научным специальностям наряду с профессорско-преподавательским составом кафедры осуществляют также и представители государственных, в том числе правоохранительных, органов.

Подводя итог, отметим, что подготовка, переподготовка и повышение квалификации кадров в сфере государственного управления и юриспруденции постоянно совершенствуется как силами преподавательского состава кафедры конституционного и административного права Академии, так и активным участием в ее образовательном процессе сотрудников правоохранительных органов Республики Беларусь. Преподавание учебных дисциплин, закрепленных за кафедрой, строит-

ся на сочетании традиционных и инновационных форм и методов обучения, среди которых проблемные семинары, круглые столы, ролевые и деловые игры, кейс-стади, дискуссии, а также на широком применении дидактических и методических материалов, основанных на использовании современной компьютерной, мульти- и медиатехники. Кафедра конституционного и административного права поддерживает контакты со своими выпускниками, проводит мониторинг их карьерного роста, активно привлекает их к участию в образовательном процессе, а также научно-исследовательской и идеологической работе.

КОНСТИТУЦИОННО ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ ПОДГОТОВКИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ

Станкевич О. Г.

Конституционное право – фундаментальная отрасль белорусского права, регулирующая основополагающие отношения в различных сферах государственной деятельности и общественной жизни. Особая (ведущая) роль конституционного права в системе права Республики Беларусь обусловлена юридическими свойствами и функциями Конституции как Основного закона страны. Конституционное право создает ориентиры для развития и функционирования каждой отрасли права (все отрасли черпают свои базовые начала в конституционном праве), устанавливает основополагающие принципы, которым должна соответствовать любая деятельность государства.

В современных условиях особо востребован «идеологический потенциал» конституционного права, нормы которого оказывают значительное влияние на жизнь общества в результате закрепления определенных политических и правовых идей, ценностей и являются, как отмечает профессор С.М. Шахрай, «основой идеологической самоидентификации государства».

Ключевое положение данной отрасли в системе национального права предопределяет то, что именно конституционному праву как учебной дисциплине принадлежит первостепенная и первоочередная роль в формировании важнейших компетенций будущего специалиста

в области государственного управления и права. Глубокие конституционно-правовые знания, в свою очередь, являются важнейшей предпосылкой эффективной деятельности квалифицированных юристов – государственных служащих. Уровень конституционной культуры и конституционного правосознания последних имеет существенное значение для перспектив развития нашей страны, поддержания конституционного правопорядка.

Правоохранительные органы выступают одним из главных звеньев системы субъектов, деятельность которых нацелена на достижение конституционного идеала – правового государства. Реализация конституционных идей в деятельности правоохранительных органов наиболее ярко свидетельствует о воплощении в жизнь принципа верховенства Конституции, ее прямом действии. В этой связи формирование конституционно ориентированного кадрового потенциала правоохранительных органов обуславливает качественное состояние и укрепление конституционного правопорядка во имя высшей конституционной цели общества и государства.

Актуальность вопроса об усилении конституционной ориентированности подготовки управленческих кадров подтверждается позицией Конституционного Суда Республики Беларусь, который считает необходимым «последовательное и целенаправленное формирование конституционно ориентированного правосознания граждан, юристов, должностных лиц государства, в основе которого должно находиться глубоко осмысленное восприятие фундаментальных ценностей и принципов Конституции как Основного Закона страны, выражающего волю белорусского народа» (Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 23.01.2018 г. № Р-1120/2018 «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2017 году»).

Таким образом, конституционно-правовые знания, умения и навыки – правовой фундамент профессиональной компетентности государственного служащего, предопределяющий и ограничивающий его деятельность.

Учитывая вышеизложенное, одной из приоритетных задач подготовки управленческих кадров для кафедры конституционного и административного права (далее – кафедра) Академии управления при Президенте Республики Беларусь является формирование профессио-

нальных, социальных и личностных компетенций обучающихся на основе глубоких знаний, умений и навыков в области конституционного права, развития их конституционной культуры и конституционного правосознания. При этом преподавание конституционного права, а также иных дисциплин конституционно-правового блока осуществляется с учетом современной динамики развития общественных отношений, при которой накопленный опыт традиционного обучения сочетается с новыми формами конституционно ориентированного образования, отвечающими потребностям общества и государства в подготовке высококвалифицированных специалистов в области государственного управления.

Решение указанной выше приоритетной задачи неизбежно связано с проблемой ограниченности учебных программ дисциплин конституционно-правового блока определенным количеством аудиторных занятий в условиях непрерывного развития конституционного законодательства, практики его применения, а также усложнением предмета и увеличением объема конституционно-правового регулирования. В этой связи для усиления конституционной ориентированности образования кафедра широко использует богатый потенциал различных форм индивидуальной и коллективной внеучебной работы обучающихся, предполагающей добровольность, целенаправленность, специально задаваемый характер изучения актуальной конституционно-правовой информации.

Наиболее эффективными формами внеучебного конституционно ориентированного образования являются регулярные научно-практические мероприятия кафедры с участием представителей государственных органов и организаций, викторины и конкурсы на конституционно-правовую тематику, а также организованные на базе государственных органов тематические встречи.

Не умаляя значимость осмысления и реализации идеи формирования конституционно ориентированного профессионального сознания у будущих управленцев неюридического профиля, кафедра в рамках преподаваемых юридических дисциплин ведет непрерывную работу по развитию конституционной культуры обучающихся по различным неюридическим специальностям на первой ступени высшего образования, в магистратуре и на переподготовке.

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ НА II СТУПЕНИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Чудаева М. Л.

В настоящее время в Республике Беларусь ведется поиск новых моделей подготовки специалистов в различных областях деятельности. Особое место занимает подготовка кадров для правоохранительных органов, которые в период становления правового государства призваны играть все более значимую роль в обеспечении выполнения законов и соблюдения гарантий прав каждого человека в обществе и государстве. Любое государство и общество заинтересовано в том, чтобы деятельность правоохранительных органов строилась в соответствии с принципами законности и уважения прав и свобод человека и гражданина. Соблюдение указанных принципов позволяет соблюсти баланс интересов всех членов общества, формирует определенную стабильность.

Подготовка кадров для правоохранительных органов в Республике Беларусь ведется уже длительное время. Традиции подготовки подобных специалистов заложены еще в советский период, в настоящее время подготовку их обеспечивает ряд столичных и региональных учреждений образования Республики Беларусь. Однако современные требования к сотрудникам правоохранительных органов, которые выдвигает стратегия ускорения, предполагающая совершенствование и развитие конституционно-правовых основ деятельности всех звеньев государственного аппарата, включая и систему правоохранительных органов, вынуждает задуматься над дальнейшим формированием кадрового потенциала этой области. Белорусские высшие учебные заведения в рамках кадрового развития стремятся ответить на эти вызовы времени.

В Программе деятельности Правительства Республики Беларусь на 2016–2020 гг. кадровое обеспечение инновационного развития предусматривается сформировать за счет увеличения количества и повышения качества подготовки выпускников II ступени высшего образования (магистратуры), владеющих передовыми технологиями и мето-

диками управленческой и инновационной деятельности. Ключевым элементом профессионального совершенствования, освоения новых методов и технологий является непрерывное образование менеджеров, повышение их квалификации, переподготовка, стажировка за рубежом. Намечена реализация мер по обновлению содержания образовательных программ дополнительного образования взрослых и повышение их эффективности, развитие вариативности и гибкости учебных планов, их оперативный отклик на потребности рынка труда.

Подготовка специалистов в области управления на II ступени высшего образования (магистратура) в Академии управления при Президенте Республики Беларусь начата в 2002 г. Так, на кафедре конституционного и административного права открыта специальность II ступени высшего образования «Государственное управление в сфере правоохранительной деятельности», целью обучения на которой является подготовка компетентных специалистов в области государственного управления и правоохранительной деятельности. Кафедра исходила из того, что потребность государства в высококвалифицированных специалистах весьма высока, а возможности факультета инновационной подготовки и потенциал кафедры позволят разработать и реализовать адекватный потребностям правоохранительной сферы учебный план.

Количество теоретических и прикладных дисциплин для данной специальности охватывает уровень базовой подготовки специалистов с учётом специфики правоохранительной деятельности. Значительное число дисциплин читают преподаватели из числа практиков. Перечень спецкурсов, исходя из опыта преподавания и пожеланий магистрантов, постоянно корректируется.

Так, согласно учебным планам указанной специальности магистранты изучают такие учебные дисциплины как «Актуальные проблемы криминалистического обеспечения органов уголовного преследования», «Квалификация экономических преступлений», «Международное уголовное право», «Поддержание государственного обвинения в суде», «Правовое обеспечение местного управления, самоуправления», «Теория и практика применения уголовно-процессуального закона» и др. Проводятся встречи с практическими работниками, места практики выбираются исходя из интересов подготовки сотрудников сферы правоохранительной деятельности. Не остается в стороне и на-

учно-исследовательская работа: магистранты имеют возможность продемонстрировать результаты своих исследований на ежегодных конференциях, научно-практических семинарах, круглых столах. Немаловажную роль играет возможность международного сотрудничества в области обучения, подготовки кадров для правоохранительных органов, с учетом взаимодействия в области обмена опытом на координационных совещаниях, при реализации совместных мероприятий по предупреждению преступности.

Интерес студентов и магистрантов к специальности очень высок, многие считают, что это перспективная сфера деятельности и в будущем она поможет сделать успешную карьеру. Кафедра конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь ведет большую организационную работу для развития этой специальности.

Таким образом, Академия управления при Президенте Республики Беларусь предоставляет студентам возможность не только получить такую современную и востребованную специальность, как юрист, но и углубиться в ней, обучаясь в магистратуре по специальности «Государственное управление в сфере правоохранительной деятельности».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВЕРЬЯНОВА Татьяна Витальевна, профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», д-р юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, *avers52@yandex.ru.*

АНАНИЧ Валерий Антонович, профессор кафедры уголовно-исполнительного права уголовно-исполнительного факультета УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», д-р ист. наук, канд. юрид. наук, профессор, *Ananich.va@mail.ru.*

АНИКЕЕВА Наталья Александровна, доцент кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, канд. юрид. наук, *N.A.Anikeeva@gmail.com.*

АСАЁНОК Борис Валерьевич, начальник цикла гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин кафедры юридических дисциплин факультета внутренних войск УО «Военная академия Республики Беларусь», канд. юрид. наук, доцент, *boris.asayonok@gmail.com.*

БАЛОБЕШКО Александр Викторович, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

БАРКОВ Александр Владимирович, заведующий кафедрой судебной деятельности УО «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета», канд. юрид. наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, *ukrb@tut.by*.

БЕНЧУК Ольга Михайловна, студентка 4-го курса специальности «Государственное управление и право» факультета управления Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *olkabenchuk@mail.ru*.

БИБИЛО Валентина Николаевна, профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, д-р юрид. наук, профессор, *zagorovskaja@bsu.by.*

БОРИКО Сергей Васильевич, профессор кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, канд. юрид. наук, профессор.

БОРИС Карина Константиновна, старший следователь Минского районного отдела Следственного комитета Республики Беларусь, *karinaboris0202@gmail.com.*

БОРИСЕНКОВА Дарья Михайловна, студентка 4-го курса специальности «Государственное управление и право» факультета управления Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *dahaborya@gmail.com.*

БОЯРИНА Анна Александровна, главный инспектор главного управления координации служебной деятельности центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, *anujtuk.23@gmail.com.*

БУРДА Ришард Эдуардович, профессор юридического факультета университета им. Казимераса Симонавичюса, д-р социальн. наук (права), профессор, *dr.r.burda@gmail.com.*

БУРКО Леонид Антонович, студент 3-го курса специальности «Правоведение» факультета права Белорусского государственного экономического университета, *leo.burk@mail.ru.*

БУРЬЯК Ксения Владимировна, студентка 4-го курса специальности «Государственное управление и право» факультета управления Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *ksyusha-buryakksyushaburyak @mail.ru.*

ВРУБЛЕВСКАЯ Нина Геннадьевна, заместитель директора по учебной работе УО «Юридический колледж Белорусского государственного университета», канд. юрид. наук, *VrublevskNG@bsu.by.*

ГАКОТИНА Александра Максимовна, студентка 3-го курса специальности «Государственное управление и право» факультета управления Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *gakalemax@gmail.com.*

ГАСАНОВ Артур Павлович, преподаватель кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, магистр юрид. наук, *arthurgasanov@gmail.com.*

ГЕРЦМАНОВИЧ Инна Юрьевна, студентка 2-го курса специальности «Государственное управление и право» факультета управления Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

ГОРДЕЙ Светлана Юрьевна, студентка 4-го курса специальности «Государственное управление и право» факультета управления Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *gordei.sveta@mail.ru*.

ГОРОДЕЦКАЯ Марина Александровна, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, магистр юрид. наук, *pravo08.au@mail.ru*.

ГРИГОРЬЕВА Наталья Витальевна, магистрант 1-го курса специальности «Государственное управление в сфере правоохранительной деятельности» факультета инновационной подготовки Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *natagrigoryeva@gmail.com*.

ГРИШКУТ Анна Васильевна, студентка 2-го курса специальности «Государственное управление и право» факультета управления Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *a.grishkut@mail.ru*.

ГУРИНА Марина Васильевна, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, магистр гуманит. наук, *gmv31@mail.ru*.

ГУЧОК Александр Евгеньевич, Председатель Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, д-р юрид. наук, доцент, *huchok_a@mail.ru*.

ДЕРИКОЛЕНКО Александр Александрович, магистрант 2-го курса специальности «Государственное управление в сфере правоохранительной деятельности» факультета инновационной подготовки Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *xxxdera@mail.ru*.

ДУБКО Михаил Анатольевич, следователь по особо важным делам управления анализа практики и методического обеспечения

предварительного расследования центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь, *mihail-dubko@tut.by*.

ЖОЛУДЕВА Диана Витальевна, младший научный сотрудник лаборатории криминалистических исследований научного отдела речеведческих, криминалистических и экономических исследований ГУ «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь», *ladydilynx@list.ru*.

ЖОЛУДЕВ Александр Геннадьевич, старший эксперт сектора криминалистических экспертиз Новополоцкого межрайонного отдела Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, *ladydilynx@list.ru*.

ЗАХАРЕНКО Александра Владимировна, магистрант 1-го курса специальности «Государственное управление в сфере правоохранительной деятельности» факультета инновационной подготовки Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *sashe4ka-2010@mail.ru*.

ИВАНЧИКОВА Людмила Дмитриевна, аспирант кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *7576802@mail.ru*.

ИВАШКЕВИЧ Анатолий Антонович, начальник отдела исследования микрообъектов управления физико-химических и взрывотехнических экспертиз главного управления специальных экспертиз центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, *Ivan222@mail.ru*.

ИГНАТЮК Андрей Здиславович, доцент кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, канд. юрид. наук, доцент, *zdislavovich@rambler.ru*.

КАМЕНЕЦКИЙ Юрий Францевич, заместитель начальника управления анализа практики и методического обеспечения предварительного расследования центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь, канд. юрид. наук, *y.kamenecki@sledcom.by*.

КАПЛИЧ Наталья Сергеевна, студентка 2-го курса специальности «Государственное управление и право» факультета управления Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

КАУГИА Сильвия Вальтеровна, преподаватель Тартуского университета по сравнительному правоведению, д-р юрид. наук, *silvia.kaugia@ut.ee*.

КИРВЕЛЬ Виталий Казимирович, доцент кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, канд. юрид. наук, доцент, *kirvit@tut.by*.

КЛИМ Анатолий Марьянович, доцент кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, канд. юрид. наук, доцент, *anatoly_Klim@mail.ru*.

КОВЗУНОВИЧ Юрий Николаевич, следователь по особо важным делам центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь, *kouzunovigh@tut.by*.

КОЛЁСКО Станислав Станиславович, заместитель начальника учебно-методической части факультета внутренних войск УО «Военная академия Республики Беларусь», *koliosko@yandex.by*.

КОНЮК Александр Владимирович, Генеральный прокурор Республики Беларусь, государственный советник юстиции 1-го класса.

КОРОЛЬКОВ Денис Николаевич, начальник юридической службы войсковой части № 30695, *den7282@mail.ru*.

КРАВЦОВ Павел Иванович, студент 3-го курса специальности «Государственное управление и право» факультета управления Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *pavelargent@gmail.com*.

КРЕЙДИЧ Виктория Александровна, магистрант 1-го курса специальности «Государственное управление в сфере правоохранительной деятельности» факультета инновационной подготовки Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *vika.kreydich@mail.ru*.

КРИШТАПОВИЧ Никита Евгеньевич, ведущий юрисконсульт ОАО «Завод средств комплексной автоматизации», магистр юрид. наук, *zska-lawyer@tut.by*.

КУЛАКОВА Екатерина Дмитриевна, студентка 2-го курса специальности «Государственное управление и право» факультета управления Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *katherine_kulakova@bk.ru*.

КУРАК Анатолий Иванович, доцент кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, канд. юрид. наук, доцент, *2528908@mail.ru.*

КУРКОВИЧ Владимир Витальевич, студент 3-го курса специальности «Государственное управление и право» факультета управления Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *kobeinbezb@gmail.com.*

ЛАЛЛЬ Анника Эвальдовна, д-р юрид. наук (PhD), доцент, *annika.lall@gmail.com.*

МАРАЧЁВА Валерия Михайловна, магистрант 1-го курса специальности «Государственное управление в сфере правоохранительной деятельности» факультета инновационной подготовки Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *novikovalera.96@mail.ru.*

МИНТЕЛЬ Анна Вячеславовна, студентка 3-го курса специальности «Государственное управление и право» факультета управления Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *annikamintel99@yandex.ru.*

МИСЮКЕВИЧ Илона Станиславовна, студентка 2-го курса специальности «Государственное управление и право» факультета управления Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *ilona.misiukevitsch@mail.ru*.

МОИСЕЕВА Татьяна Федоровна, заведующий кафедрой судебных экспертиз и криминалистики ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», д-р юрид. наук, канд. биолог. наук, профессор, *moiseevatf@mail.ru.*

МУХИН Геннадий Николаевич, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Белорусского государственного экономического университета, д-р юрид. наук, профессор, *mgn1956@mail.ru.*

МШАР Александра Юрьевна, студентка 3-го курса специальности «Государственное управление и право» факультета управления Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *Mshar.Alex@ya.ru*.

НАСОНОВА Ирина Вячеславовна, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Академии

управления при Президенте Республики Беларусь, магистр права, *irina.nasonova@list.ru.*

НОВИКОВА Екатерина Викторовна, доцент кафедры уголовного права Белорусского государственного университета, канд. юрид. наук, доцент, *mypostadress@mail.ru.*

ОРЕХОВА Екатерина Петровна, доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, канд. юрид. наук, доцент, *k_orekhova@mail.ru*.

ОТАЖОНОВ Аброр Анварович, заместитель начальника Академии Министерства внутренних дел Республики Узбекистан по научной работе, д-р юрид. наук, доцент, *abror_otajonov@mail.ru.*

ПАРХОМЕНКО Данута Николаевна, заместитель начальника отдела медицинских судебных экспертиз – начальник сектора судебно-медицинских экспертиз – государственный медицинский судебный эксперт Мозырского межрайонного отдела Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, *dannik2028@gmail.com.*

ПЛЕТЕНЕВА Дарья Александровна, старший преподаватель кафедры уголовного права юридического факультета Белорусского государственного университета, *dapleteneva@gmail.com*.

ПОТАПЧУК Олег Геннадьевич, заместитель начальника управления Полоцкого пограничного отряда в/ч 2034, магистрант 1-го курса специальности «Государственное управление в сфере правоохранительной деятельности» факультета инновационной подготовки Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *potapmolli@mail.ru.*

ПУСТОВАЯ Наталия Петровна, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, магистр упр. и права, *Natali71174@mail.ru*.

РАЧИНСКАЯ Виталия Игоревна, магистрант 2-го курса специальности «Государственное управление в сфере правоохранительной деятельности» факультета инновационной подготовки Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *vitalia_67@mail.ru.*

РОМАНОВИЧ Елена Александровна, студентка 4-го курса специальности «Государственное управление и право» факультета управления Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *alena_romanowitsch@mail.ru.*

РУТКОВСКАЯ Яна Юрьевна, студентка 3-го курса специальности «Государственное управление и право» факультета управления Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *Rutkovskaya379@gmail.com.*

САВИНА Ольга Юрьевна, магистрант 1-го курса специальности «Государственное управление в сфере правоохранительной деятельности» факультета инновационной подготовки Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *olya_savina_yu@mail.ru*.

САВКОВА Алина Сергеевна, студентка 2-го курса специальности «Государственное управление и право» факультета управления Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *alina.savkova11@gmail.com*.

САВЧУК Татьяна Анатольевна, доцент кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, канд. юрид. наук, доцент, *tamerlan75@mail.ru.*

САКОВЕЦ Игорь Николаевич, старший преподаватель цикла гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин кафедры юридических дисциплин факультета внутренних войск УО «Военная академия Республики Беларусь», *Zetl68@tut.by.*

САМСОНОВ Никита Владимирович, студент 3-го курса специальности «Государственное управление и право» факультета управления Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *nikita.samsonov180499@gmail.com.*

СЕМЕНЧУК Давид Степанович, студент 2-го курса специальности «Государственное управление и право» факультета управления Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *375299538874@mail.ru.*

СЕНОЖАЦКАЯ Екатерина Ивановна, студентка 2-го курса специальности «Государственное управление и право» факультета

управления Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *ssenozhatskaya@mail.ru*.

СЕРГЕЕВ Иван Алексеевич, старший офицер главного управления Государственного пограничного комитета Республики Беларусь, *sergeev.antidot@ya.ru*.

СКОБЛЯ Диана Дмитриевна, старший инженер-программист отдела информационного обеспечения Первомайского районного управления внутренних дел г. Минска, *svetlaya21@yandex.ru*.

СОБОЛЮК Татьяна Анатольевна, магистрант 2-го курса специальности «Государственное управление в сфере правоохранительной деятельности» факультета инновационной подготовки Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *tanusha_g95@mail.ru*.

СТАНКЕВИЧ Оксана Генриховна, заведующий кафедрой конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, канд. юрид. наук, *o.stankevich@tut.by*.

СТОРОЖЕНКО Сергей Николаевич, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, магистр юрид. наук, *Stor-sergey@rambler.ru*.

ТЕРЕШКО Сабина Дмитриевна, магистрант 1-го курса специальности «Юриспруденция» юридического факультета Белорусского государственного университета, *sabinatereshko@gmail.com*.

ТУРКО Кирилл Викторович, следователь Бобруйского межрайонного отдела Следственного комитета Республики Беларусь, *turko.kirill@mail.ru*.

УЛОГА Дмитрий Анатольевич, судья Верховного Суда Республики Беларусь, *uloga@tut.by*.

ФЕДОТОВА Софья Юрьевна, магистрант 2-го курса специальности «Государственное управление в сфере правоохранительной деятельности» факультета инновационной подготовки Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *denis.sofya@list.ru*.

ФУРСА Павел Анатольевич, заместитель начальника отдела Бюро паспортизации населения Министерства внутренних дел Республики Беларусь, подполковник милиции, *Pashka.f@mail.ru*.

ХМАРУК Сергей Константинович, прокурор города Минска, государственный советник юстиции 3-го класса, *hmarukser-gej@gmail.com.*

ХОДОСОВСКИЙ Антон Викторович, студент 3-го курса специальности «Государственное управление и право» факультета управления Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *Hodosovskii-1998@mail.ru.*

ХУСАНОВ Анвар Джумабаевич, заместитель начальника кафедры криминалистических экспертиз Академии Министерства внутренних дел Республики Узбекистан, *Anvar.xusanov1983g@gmail.com.*

ЧАПЛЫГИНА Дарья Олеговна, студентка 3-го курса специальности «Государственное управление и право» факультета управления Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *idasha9910@gmail.com.*

ЧУДАЕВА Марина Леонидовна, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *marichud@mail.ru.*

ШАКЕЛЬ Надежда Валентиновна, заместитель начальника организационно-инспекторского управления главного управления координации служебной деятельности центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, канд. юрид. наук, доцент, *nshakel@tut.by*.

ШАЛКОВСКИЙ Владислав Сергеевич, студент 3-го курса специальности «Государственное управление и право» факультета управления Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *vlad48516@gmail.com.*

ШЕНДЕЛЬ Полина Александровна, студентка 4-го курса специальности «Государственное управление и право» факультета управления Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *apollinaria.gebl@gmail.com.*

ЩУР Алина Святославовна, студентка 3-го курса специальности «Государственное управление и право» факультета управления

Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *lina.shchur2@gmail.com*.

ЮГАЙ Людмила Юрьевна, докторант факультета послевузовского образования Академии Министерства внутренних дел Республики Узбекистан, *Yugay.lyudmila@inbox.uz*.